

Титова Н. Записки из «параллельного мира». Пермь: РИЦ «Здравствуй», 1997.

Это уже третья книга издательства «Здравствуй», автор которой – инвалид-спинальник. Первая из них – «Разорванный круг» петербургского инженера Бориса Фертмана – была исповедью человека, в расцвете лет и сил оказавшегося в полной зависимости от окружающих, но живущего богатой и сложной духовной жизнью. Москвич Лев Индолев, в прошлом геолог, а ныне журналист, в книге «Тем, кто в коляске и рядом с ними» обобщил множество ценных личных наблюдений, практических советов и рекомендаций людям, обреченным на неподвижность.

«Записки из параллельного мира» Нины Титовой – продолжение этого глубоко заинтересованного и болезненно острого разговора. Главная тема книги – инвалид и общество, социально-психологические стороны отношений между обездвиженным человеком и большим миром, физическое и душевное обустройство инвалида в этом мире. Материал книги – собственная судьба автора и напряженные размышления об участи себе подобных.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	2
ЧАСТЬ I. «ПО ВОЛНЕ МОЕЙ ПАМЯТИ»	3
ОБРЫВ	3
О, ЮНОСТИ ПРЕКРАСНАЯ ПОРА	9
БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ	16
ДРУГАЯ ЖИЗНЬ	22
ЧАСТЬ II. ЗАПИСКИ ИЗ «ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА»	30
НЕТ ДЛЯ НАС НИ ЧЕРНЫХ, НИ ЦВЕТНЫХ	30
ГОЛЬ НА ВЫДУМКУ ХИТРА	37
ПОМОГИ СЕБЕ САМ	46
И ОПЫТ, СЫН ОШИБОК ТРУДНЫХ	49
ВСЕ МЫ НЕМНОГО РОБИНЗОНЫ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О СРЕДЕ ОБИТАНИЯ	55
НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЦА	61
ЖАЖДА ЖИЗНИ	70
НЕ ОСКУДЕЮТ МИЛОСТЬЮ СЕРДЦА	75
САМАЯ БОЛЬШАЯ РОСКОШЬ В МИРЕ	81
И СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ	86
«КТО МЕНЯ НЕВЗНАЧАЙ ОБРОНИЛ?..»	92
«НАЙТИ СЕБЯ В СЕБЕ САМОМ И НЕ ТЕРЯТЬ ИЗ ВИДУ»	97
ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ	105
БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ, НО – С НАДЕЖДой	112
Книги РИЦ «Здравствуй»	118

ОТ АВТОРА

Говорят, каждый человек может написать одну книгу, и это будет книга о его жизни. Однако перед вами не повесть о жизни и уж тем более не специальное исследование. Эти записи в большой степени — результат «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Это попытка что-то понять про нашу жизнь, жизнь людей с ограниченными физическими возможностями, рассказ о том, как живут и почему именно так живут у нас в стране инвалиды-опорники.

Для кого эта книга и зачем она? Хотелось бы надеяться, что она — и для больных, и для здоровых. В первую очередь, конечно, для людей, волею судьбы родившихся или ставших инвалидами. Мне думается, что при скудости литературы на эту тему любая попытка осмыслить особенности нашей очень непростой жизни может пригодиться. Чтобы, прочтя эти записи, каждый задумался и о своей судьбе, постарался понять себя, а поняв — попытался не приходить в отчаяние и сумел сделать собственную жизнь максимально содержательной и интересной.

Что же касается людей здоровых и общества в целом, то обращение к проблемам инвалидов, на мой взгляд, неизбежно, оно диктуется самой жизнью. К сожалению, и это без всякой статистики видно, количество людей с различными физическими и сенсорными недостатками увеличивается. Экологическое состояние Земли, такие социальные язвы, как пьянство, наркомания, генетические сдвиги, приводят к тому, что всему человечеству грозит «инвалидизация». И потому в ближайшем будущем проблемы жизни, быта и лечения инвалидов придется решать и на социальном уровне. Понадобятся специальные, конкретные программы по реабилитации — медицинской, трудовой, творческой.

Подобные программы имеются и сейчас, они рассматриваются в государственных инстанциях, некоторые частично проводятся в жизнь. Но, во-первых, это пока еще во многом умозрительные, теоретические подходы к целому комплексу сложнейших проблем. А во-вторых, реализация таких программ во всем объеме в ближайшее время вряд ли возможна: столько серьезных «прорех» у нас в народном хозяйстве и так мало средств у общества, а значит и у социальных служб. Решение этих вопросов будет нескорым, возможно, оно будет проходить уже в рамках новых структур и общественных организаций. Пока же процесс этот только-только зарождается, в нем много стихийного, непродуманного, что вообще свойственно переходному периоду, переживаемому нашей страной.

Вот и моя попытка — это лишь приближение, первые подступы к серьезным и сложным инвалидным проблемам. Причем это, если можно так сказать, подступы в основном на психологическом уровне, ибо у людей, живущих во многом изолированно, своя внутренняя жизнь и свое мировосприятие, определяемое как особой ситуацией, так и сложившимся за долгие годы отношением общества к инвалидам. Надо думать, что психологические особенности людей с физическими недостатками, частично или полностью обездвиженных, тоже когда-нибудь станут предметом исследований специалистов.

Моя задача, повторяю, весьма скромна: я просто хочу рассказать о нашей жизни так, как знаю ее изнутри, по своей судьбе, по личному опыту и опыту своих друзей и знакомых. Моя жизнь — это вовсе не пример и не исключение, это вариант судьбы. И пусть мое повествование будет для кого-то даже «антипримером» — это тоже хорошо, это тоже входит в мои намерения, потому что писала я с надеждой, что раздумья эти, пусть в самой малой степени, не только о себе и товарищах по несчастью, но и о времени.

И еще писала я в надежде побудить и других инвалидов написать о себе. Дабы из мозаики непростых людских судеб и житейских обстоятельств воссоздать целостную картину существования людей, от рождения или по воле слепого случая обреченных на иную, сак бы параллельную жизнь.

ЧАСТЬ I. «ПО ВОЛНЕ МОЕЙ ПАМЯТИ»

А. И. Герцен на вопрос, кто имеет право писать воспоминания, ответил: «Всякий. Потому что никто их не обязан читать». Сказано верно, и все же эти вступительные главы дают некоторое представление о том, кто и почему именно так пишет о жизни инвалидов. Угол падения равен углу отражения...

ОБРЫВ

Я не люблю смотреть по телевизору кадры кинохроники о достижениях нашей медицины. И вовсе не потому, что плохо отношусь к медикам. Напротив, всякий талантливый и добросовестный врач вызывает у меня большое уважение. Не люблю же смотреть потому, что моя личная встреча с этой самой медициной, точнее, с нейрохирургией, была роковой: в 1954 году мне сделали неудачную операцию на позвоночнике. И вот уже почти сорок лет, собственно, всю свою жизнь, я вижу мир через окна квартиры да еще через прямоугольное окошко телевизора. Я не чувствую две трети своего тела, передвигаюсь, сидя в инвалидной коляске. Все эти долгие годы я живу в четырех стенах, крайне редко выбираюсь «на волю», в основном на такси.

Вот почему, слыша слова «Институт нейрохирургии имени Бурденко», чувствую, как нехороший холодок бежит за ворот, и стараюсь переключить внимание на что-нибудь другое.

Слишком смелой и «революционной» была в 50-е годы отечественная нейрохирургия, и слишком немудрящей — диагностика заболеваний спинного мозга: четыре пункции, внешние осмотры-опросы, сопоставление данных. В результате — диагноз: опухоль спинного мозга в верхнем грудном отделе позвоночника. И — операция, решившая мою участь. Вероятно, мне не повезло с врачом: он был неталантлив да еще писал в ту пору диссертацию, а было это в детском отделении научно-исследовательского института. Да родные мои плохо представляли себе, что это такое — операция на спинном мозге — и чем она может закончиться. Да было мне в то время всего тринадцать лет. Диагноз оказался ошибочным, опухоли никакой не было, произошла, как мне объяснили, декомпрессия позвоночника, и наступил паралич нижних конечностей — нижняя вялая параплегия.

Меня всегда удивляло, как точно некоторые люди помнят даты, в том числе даты своего заболевания: называют и месяц, и число, когда произошло несчастье, день операции, день выписки и т. п. Я не помню того рокового числа, когда жизнь моя переломилась, когда «порвалась связь времен» и кончилась моя «здоровая» жизнь. Помню только день накануне операции, холодный день в конце апреля: за окном больничной палаты-бокса идет мокрый снег, дует сильный ветер, а внизу из ворот клиники выходит мама. Что-то заставило меня открыть окно и окликнуть ее, она погрозила мне пальцем, показывая: закрой окно, простудишься! Тогда я еще стояла на своих ногах, не зная, не ведая, что это в последний раз...

Очнувшись на другой день в послеоперационной палате, я не ощутила ни ног своих, ни большей половины тела. И была нескончаемая боль в спине, и сильная жажда, были поильники с кислым виноградным соком (с тех пор не люблю этого сока, хотя знаю, что в больничном тепле он просто быстро скисал). В палате же

общей, куда меня перевели спустя время, на всю жизнь насмотрелась я на несчастных детей разного возраста, у которых все было по-разному, многое непривычно и — страшно. Однако до детского сознания многое еще не доходило, осталось до поры до времени где-то в подсознании: девочка, которую кормили из ложечки и которая ничего вокруг не видела и не понимала, бинты, перевязки, судна, костыли...

Нейрохирург, делавший эту проклятую операцию, настаивал на повторной, в самом верхнем отделе позвоночника. Да только мать моя, женщина малограмотная и ровным счетом ничего не смыслившая в нейрохирургии, на это не согласилась:

— Я дочь вам на ногах привела, а увожу на такси. Выше разрежете — у нее и руки отнимутся, что я тогда с ней делать буду?

Так и не стала я подопытным кроликом для врачей, хотя уговаривали нас долго, даже на дом приезжали, убеждали, что операция необходима. А спустя много-много лет мне удалось по случаю ознакомиться с историей болезни и описанием проведенной операции: весь спинной мозг на уровне вскрытых позвонков был «изгрызен» каким-то воспалительным процессом, он и по сию пору продолжается, ползет вверх, пожирая клетки спинного мозга. Вот почему от слов «подопытный кролик» я не могу отказаться: врачу моему, столкнувшемуся, по его словам, «с первым случаем в СССР» (хотя сейчас, вероятно, заболевание это известно), прекрасно понимавшему, что помочь мне он уже не в силах, было интересно узнать, что же это за бактерия такая, ему важно было увидеть воспалительный процесс «вживе», там, где еще шла битва со здоровыми клетками мозга. К тому же годы для медиков были суровые, ошибка могла обернуться чем угодно, даже судебным процессом. Да и признать ошибку не всякий врач способен. Мой хирург предпочел защищать честь мундира, неверный диагноз так и остался со мной и повторялся во всех медицинских справках — «Опухоль спинного мозга».

Вот почему не хочется мне и не люблю я смотреть, какие чудеса совершает нейрохирургия. Та самая, что оставила в памяти неистребимые воспоминания о дикой, нечеловеческой боли: операция велась под местным наркозом, длилась четыре часа, и операционная сестра показывала мне потом синяки от ногтей, которыми я впивалась в ее руку, когда она «отвлекала» меня чтением какой-то сказки... Для меня сказка кончилась в тот роковой день. Ах, если бы знать, что этой злосчастной операции не стоило делать вообще! Если бы этого не случилось, я окончила бы школу, несколько лет проходила бы на костылях, а «села» бы окончательно годам к сорока. Если бы знать, если бы знать... Но что можно знать в тринадцать лет — роковой, между прочим, возраст, многие мои знакомые заболели именно в этом переходном возрасте, в эти годы.

Конечно же, мне не повезло, были в том институте и такие больные, которым спасли жизнь. Моя подруга, тоже инвалид с детства, оперировалась там четырежды и сохранила самые теплые воспоминания о медперсонале клиники. А врач, спасавший ее, вел свою больную годами, консультировал, - помогал чем мог. Надо сказать, что медперсонал в те годы, особенно в детском отделении, действительно был прекрасный. Добрая пожилая воспитательница приносила в палату книги, читала нам вслух, а ко мне и после выписки приезжала домой, привозила картонный кукольный театр. Правда, у нее была и другая миссия — уговорить меня на вторую операцию, но это уже иной вопрос, все равно доброта была во всем, что касалось больных детей, лежавших в стационаре.

Нас, лежачих, возили в кинозал, и там я увидела первые цветные кинофильмы — «Анна на шее», «Аршин-мал-алан» и другие. Возили меня на каталке и в сад. Навсегда запомнился мне первый выезд на воздух, из полумрака коридоров и лифтов — на солнце, в маленький дворик-сад, где буйствовала в ту пору зелень и цвели яблони. Навсегда вошло в память первое ощущение другого мира: бьющий в глаза ослепительный солнечный свет, белая кипень яблонь, легкий майский ветерок, я лежу на каталке, а все кругом такое близкое и — уже странно чужое. Смысл собственного моего отчуждения от всего этого цветущего, ликующего мира был пока неясен, осталось во мне только это странное, двойственное ощущение: отныне я живу в каком-то ином измерении — и здесь и не здесь, я — не то, что другие, здоровые люди... Это чувство впоследствии определилось, утвердилось и никогда уже не покидало меня, забывалось лишь на время, когда голова была занята чем-то увлекательным. Сидела ли я среди зеленых деревьев парка, глядя на траву и все живое в ней; ехала ли в такси, глядя на мелькающие витрины магазинов, троллейбусные остановки, прохожих; крутила ли колеса инвалидной коляски на южном базаре или смотрела из окна машины на загорающих у моря курортников — всюду и всегда жило во мне ощущение, что я — «не в мире сем», что меня, по сути, нет во всем этом многоцветий и многолюдий. И хотя ты вроде бы тоже живешь в этом мире, все-таки ты в нем как бы лишь присутствуешь, ты все-таки инопланетянин. Совсем недавно жила-была твоя родная планета, но вот разразилась какая-то непонятная катастрофа — и тебя вышвырнуло с этой земли, и ноги твои все меньше помнят ее твердь, мягкость зеленой травы и ласковость речной воды...

Полное и окончательное осознание всего случившегося пришло не сразу, постепенно. Так происходит у взрослых людей, заболевших внезапно, ставших инвалидами в одночасье, так происходит и у детей. Помню, как в крымском санатории мы с приятельницей сидели напротив главной аллеи и наблюдали, как по асфальтовой дорожке на маленьких инвалидных колясках мчались во весь дух мальчик и девочка лет по двенадцати. Раскрасневшиеся от азарта, веселые, смеющиеся, они изо всех сил крутили обоюда колес — соревновались, кто быстрее домчит до конца аллеи.

— Надо же, — печально сказала моя спутница, — они ведь даже еще не понимают, что это на всю жизнь...

Да, неизбежное осознание своей обреченности пришло ко мне не сразу. Поначалу во всем случившемся чудилось даже что-то романтическое: вот теперь, «сраженная недугом», я буду бороться, одолею, смогу... Что там говорить — детство! Прозрение явилось лет в семнадцать. Как там у поэта: «У меня растут года, будет и семнадцать. Где работать мне тогда, чем заниматься?» Помню, был вечер, мама и сестра были дома, и я спросила:

— Что же мне теперь делать?

И заплакала. Теперь, спустя много лет, я понимаю, как трудно им было: откуда им было знать, что надо сделать, чтобы жизнь моя была чем-то заполнена. Это сейчас я знаю, что можно было учиться заочно, найти какую-то надомную работу, иметь друзей-инвалидов. А тогда... Ну да что теперь вспоминать, сколько горечи и отчаяния было тогда в душе, — каждый, кто заболел в детстве или в юности, пережил подобное состояние.

Итак, кончилось, оборвалось все. Кончились школа, двор, нехитрые городские развлечения. Летом — качели и гигантские шаги в одном из соседних дво-

ров, тайные и сладостные набеги на цветущие клумбы в чужих палисадниках, «золотые шары» у деревянных домишек через дорогу, лапта и «казаки-разбойники». И еще — ближайшее кладбище, куда мы, девчонки, бегали рвать вкусные ягоды боярышника и собирать светлячков в спичечные коробки; там всегда было тихо и сумрачно, но ничуть не страшно. Зимой — редкие катания на коньках-«снегурках», на санках, шумные массовые съезды на асфальт с огромных, в человеческий рост, сугробов вокруг дома под визг подружек и сердитые окрики дворника. Обязательная живая елка под Новый год — и дома, и в Доме пионеров. Он находился в старом монастырском здании, в нем были необычные комнаты и особая, отличная от домашней, атмосфера. Наш скудный на развлечения дворовый быт скрашивался посещениями Дома пионеров. Наряду со школой он остался в памяти ярким пятном на фоне небогатого событиями и короткого, оборванного на излете детства.

Остались за окном и бегущие вдоль тротуара ручьи, в которых мальчишки пускали неизменные кораблики с мачтами из спичек и бумажными парусами, и камушки в ручьях, казавшиеся драгоценными, пока не вынешь их из воды и не оботрешь. И утренние зимние сумерки, ледок, хрустящий под ногами, когда дворами идешь в школу с портфелем и завтраком, завернутым в бумагу, — кусочком хлеба и пахучим антоновским яблоком, из которого с помощью перышка для пишущей ручки делался «ежик» и которое съедалось уже на подходе к зданию школы.

Что еще осталось там, в той жизни? Еще — пыльное городское лето, все летние месяцы в городе, во дворах. Единственный за все детские годы выезд «на дачу» — две недели в подмосковном Томилино. У дома — кадушка с водой, георгины и турецкие гвоздики, узкая тропинка ведет к калитке. А за ней, прямо напротив, — железнодорожный откос, и в траве на откосе заманчиво-сладко алеют земляничники. И в близком сосновом бору тихо потрескивают хвойные веточки под ногами, тогда еще «живыми», мягко стелются сосновые иголки...

Я сказала — школа кончилась, но это не совсем верно. Заболев, я осталась на второй год, и домашние задания приносили мне дворовые девчонки. Но вскоре ко мне стали приходить на дом две учительницы — русского языка и математики. Хорошие это были люди, платила им за работу школа по тем временам какие-то гроши. Но нам платить было и не по карману: отец не вернулся с войны, мать работала на тяжелой физической работе в типографии, получала мало, сестра училась в институте, и жили мы, что называется, от получки до получки.

Три года я проучилась на дому, потом все учителя пришли ко мне домой и приняли выпускные за семилетку.

Но «школьные» часы занимали только часть дня. А как жить в остальное время?

Огромный, каким он видится в детстве, мир сузился до размеров небольшой комнаты в коммунальной квартире, комнаты, из которой даже в коридор я не выезжала: порог высокий, а шарикоподшипниковые колесики моей коляски — маленькие.

Скучен день до вечера, коли делать нечего. А что делать? Сидеть да книги читать. Ох, как много книг, не собственных — у нас в доме книг долго не было, — а чужих, перечитала я в те годы! Просила всех, кто приходил, взрослых и моих ровесниц, принести у кого что есть. И чем толще была книга, тем лучше. А порой читались сразу две-три: одна познавательная, другая — учебная, третья —

художественная, самая «сладкая». И дворовые подружки, нагулявшиеся, набегавшиеся, приходили ко мне и становились моими слушательницами. Я пересказывала им содержание романов А. Дюма. Одна из них до сих пор помнит «Графа Монте-Кристо» только в моем пересказе, сама так и не прочитала ни разу.

Выбор книг — если тут можно говорить о выборе — определялся не только возрастом, но и вынужденной оторванностью, отгороженностью от реальной жизни: романтические повести и романы о далеких экзотических странах и необыкновенной, со множеством переживаний любви. «Консуэло» Жорж Санд казалась мне — подумать только! — лучшей книгой на свете; конечно же, Майн Рид, Фенимор Купер, Жюль Верн, Гюго. Наиболее любимые — романы из английской жизни прошлого века. Жизнь в туманном Лондоне, в богатых особняках была так романтична, а чувства влюбленных, описанные в книге, так красивы! Переживая за судьбы вымышленных, выдуманых героев, свои страдания воспринимала я уже менее остро, они как бы «линяли». Чтение, конечно же, играло роль духовного наркотика: стиралась грань между реальностью и вымыслом, грань, которая в пору юности и вообще-то бывает зыбкой.

Дальше в жизнь мою вошло Радио — «великий невидимка», гениальное изобретение человечества, особенно для домоседов поневоле. Какой прекрасный мир открывали постановки Розы Иоффе, сколько замечательной литературы постигла я именно благодаря радиоспектаклям для детей, одинаково интересным и детям, и взрослым! Одной из любимых передач была «Театр у микрофона», благодаря которой я узнала классику, лучших наших актеров. А эстрадный юмор, выступления Аркадия Райкина, Рины Зеленой, которые никогда не приедались и не надоедали! А классическая музыка, которая утешала, ободряла, аккомпанировала внутреннему состоянию, будь то печаль, раздумье или радость! С музыкальной классикой я познакомилась благодаря тому, что сестра моя уже с восьмого класса «болела» Большим театром. А поскольку комната была одна, то и радио я слушала вместе с сестрой. По радио транслировались и концерты, и оперы, и все туры Первого Московского международного конкурса имени Чайковского.

Ну, а потом пришло Телевидение — еще один подарок XX века людям, не имеющим возможности покинуть стены квартиры. Маленькое, величиной с открытку, окошко «КВН» а открыло целый мир. Сколько часов провела я перед этим волшебным ящиком, колдуя с проволокой-антенной, чтобы поймать новую вторую (!) программу, по которой для заманивания телезрителей катали в конце 50-х годов фильмы Московского кинофестиваля! И какое горе наступало для меня, когда в чудесном деревянном ящике что-то ломалось, перегорало: лежа в постели, я с завистью прислушивалась к телеголосам за стеной, у соседей. Помню, у нас он сломался, когда в Москву приезжал и давал концерты такой элегантный и непривычно раскованный, пластичный Ив Монтан, — как обидно было!

Все ушло, отодвинулось, закрылось для меня. Теперь мое одинокое многообразие целиком уходило на книги, радио, телевизор.

Боже мой, как тосклива была бы жизнь, если бы не было в мире музыки, искусства, а главное — книг! Сейчас для подростков телевидение, видео вытеснили книжные шкафы и библиотеки, да и обнищали последние, хорошую книгу чаще берешь у знакомых, друзей — в нынешних домах книг много. В нашем далеком детстве библиотека Дома пионеров казалась сказочно богатой, да и само ее посещение, стояние в живой очереди на узкой витой лестничке старинного

особняка были целым ритуалом ожидания: какую книжку удастся заполучить, хорошо бы ту, что в руках впереди стоящей девочки, — книжка такая старая, с картинками! И чем старше, затрепаннее она была, тем интереснее казалась, новые, чистые книжки доверия не вызывали — их еще никто не читал...

Стоит ли говорить о том, чем стала книга для меня, когда я заболела! Хемингуэй сказал, что книги скрашивают одиночество и помогают нести бремя наших невзгод. Как будто о нас сказал, о людях, болезнью замкнутых в стенах дома.

Позднее из книжного мира, имя коему Океан, пришли «Джен Эйр», «Овод», «Жан-Кристофф» и «Очарованная душа». Чтение мое, конечно же, было бессистемным, хаотичным, и макулатуры книжной я перечитала в те годы тьмутьмущую: и про злосчастного майора Пронина, и книжки из серии «Библиотека военных приключений», и многое другое такого же качества...

Теперь, с высоты возраста, вспоминая юные годы, я думаю, что мое тогдашнее самообразование не было просто «гимнастикой ума», чтение научно-познавательных книг было подсознательной самореабилитацией: мои ровесницы учатся, а я что — хуже других, что ли? И я тоже буду учиться, пусть не все предметы, но уж русский-то да литературу «пройду»! Отсюда и приноравливание часов чтения под утренние, учебные часы, дабы не отставать от других девочек, сидящих за партами, в последних классах, когда учителя уже не ходили ко мне. И я училась, мечтая порой о том, чтобы был у меня такой телевизор, который «включал» бы мой класс, и чтобы я могла незримо присутствовать на всех уроках.

Кстати, недавно моему знакомому инвалиду, сотруднику Института мировой литературы, друзья-умельцы сделали особое устройство, позволявшее ему слушать заседания ученого совета. В мое время об этом можно было говорить только, что называется, в порядке бреда.

Нынче ребята школу не любят, многие воспринимают ее как «обязаловку», мечтая поскорее отделаться от нее, и, надо сказать, имеют для этого основания. Да, собственно, так было всегда. У меня же чувство оторванности от детства, отторжения от сверстников ощущалось особенно остро именно потому, что исчезло из моей жизни шумное многолюдье класса и длинных школьных коридоров, — там был основной мир тогда, там было общение.

Кончался учебный год — и становилось еще тоскливее: мои подружки разъезжались кто в деревню, кто в пионерлагерь. Помню, в одно такое лето, чтобы как-то заполнить время, я решила на «подвиг» — выучила наизусть всего «Евгения Онегина», каждый день главу за главой. Вообще-то для юности Бог создал Лермонтова, с его трагическим мироощущением, горькой иронией, обреченностью на непонимание. Но мне и тогда уже был ближе Пушкин, его добрая и — вопреки всему — светлая лирика, безусловное приятие мира, в котором есть все — «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь»...

Считается, что своим детством человек «питается» всю жизнь. Я бы добавила, что детством определяется многое в характере человека, как бы устанавливаются основные параметры его души. Что же сказать о детстве инвалида, скудном на общение с одноклассниками-друзьями, о таком бедном на внешние впечатления? В длинные летние вечера, отработав вторую смену, мама иногда выносила меня на руках посидеть на лавочке у подъезда — благо, этаж был первым! — и подружки, из тех, кто не уезжал в пионерлагерь, честно высиживали со мной до полуночи, «до гимна». Но радости эти «гуляния» приносили мало, ощущение,

что живу я отныне вне реального, ставшего далеким мира, только усиливалось, и спустя год я уже не покидала квартиры.

Есть такое понятие — пустыня отрочества. Это период, когда душа человека уже отошла от детского, идеалистического восприятия жизни, но еще не обрела истинного понимания мира. Первые мои переломные годы были «книжные», замкнутые на переживаниях более опосредованных, нереальных: книги, радио, телевидение — и снова книги. Однако дальнейшая жизнь показала, что ничего даром не проходит. Говорят, даже Сизиф, бесконечно втаскивавший свой камень на гору, развивал мускулы. Так и в детстве, отрочестве, какими бы они ни были, чем бы ни заполнялись, тихо и незаметно идет подспудная работа души, работа, результаты которой непременно скажутся позже.

Тогда, в юности, поняв безысходность своей ситуации и осознав отсутствие какого-нибудь будущего, я думала так: проживу лет до двадцати пяти — и все! Но вот уже «осень встает предо мной календарной датой», а я живу, как живут многие инвалиды с детства, инвалиды-опорники, то есть люди с поражениями опорно-двигательного аппарата. Живут своей особой и очень непростой жизнью, о которой я в меру скромных моих возможностей и пытаюсь рассказать.

О, ЮНОСТИ ПРЕКРАСНАЯ ПОРА

«Не было бы счастья, да несчастье помогло» — верность этой поговорки доказала мне жизнь не однажды.

В больницах мне довелось побывать пока только два раза. Второй раз, уже парализованная, умудрилась сломать себе ногу... рукой: ранка после операционного вливания плохо заживала, я подтянула ногу, чтобы посмотреть на нее, и в результате попала в Боткинскую больницу с переломом бедра. Врач в приемном покое, пытаясь меня, плачущую, как-то ободрить, все спрашивал с южным акцентом:

– Слушай, дорогая, расскажи, пожалуйста, как тебе это удалось: ногу — рукой, а? Скажи, слушай!

– Но мне не до юмора, я в ужасе: ноги парализованы, боли никакой не чувствую, перелом бедра. Боже мой, что теперь со мной будет?..

В большой палате, куда меня перевели не сразу (на дворе была глубокая осень, травматология переполнена — Курский вокзал, да и только!), лежали больные, сломавшие кто руку, кто ногу, но в остальном-то здоровые люди. Я была среди них белой вороной: парализованная, да еще со сломанной ногой! Вскоре, как и следовало ожидать, по телу пошли страшные пролежни, начались все «прелести», связанные с основным заболеванием. И все же, все же, все же... Тогда мне было восемнадцать лет, и, несмотря ни на что, мне было очень хорошо в этой больнице.

Сейчас я понимаю, что застала «золотой век Боткинской, а может, то был лучший период всего нашего несчастного бесплатного здравоохранения. Нынче там, как и всюду, плохо и с лекарствами, и с едой, и с я медперсоналом. В те годы тоже было не в идеальном, тоже не хватало и нянечек, и суден, и препаратов. Но все искупалось наличием того, что нынче, превратилось в дефицит, — добротой, человеческим отношением к молодым и пожилым людям, попавшим в беду. Господи, какие же там были врачи! Молодые хирурги, судя по взаимовыручке и взаимопониманию, были одного выпуска мединститута. Но и их наставники, до-

центы и профессора, тоже были с ними на равных, это была дружная, слаженная команда. Они знали каждого больного, бежали в палаты на каждое ЧП, придумывали для лежачих всевозможные приспособления для облегчения боли при вытяжке. Не забыть, как мой лечащий врач бежал по длинному коридору с мокрым рентгеновским снимком в руках, — у меня срослась кость!

Там, в Боткинской, мне сделали не только новый корсет, вызвав техника с протезного завода, но и аппараты для ходьбы, чего «не догадались» сделать в институте нейрохирургии. Тогда оперировавший меня врач заверял, будто я стану ходить, как ходила, что тоже было неправдой: походив месяц с костылями по комнате, я села на коляску окончательно и бесповоротно. В Боткинской же девушки из физиотерапии поначалу вылепили гипсовые лангеты, потом врач и медсестра, закрепив мои ноги в лангетах бинтами, поставили меня в манежку, чтобы проверить, выдержу ли я свой вес за счет рук, потяну ли свое неподвижное тело. Убедившись, что потяну, заказали на заводе настоящие аппараты, и я пошла. Конечно же, это сильно сказано — пошла, просто переставляла-переваливала, опираясь на костыли, ноги. Но для меня это было уже благо: пусть на время, но я стояла, была «вертикаль», столь важная и для позвоночника, и для внутренних органов.

«В жизни раз бывает восемнадцать лет»... Мне повезло еще в одном: я пережила свою первую любовь, чего никоим образом не могло бы случиться, не пади я в те свои годы в больницу. Вероятно, я очень ценила это чувство, если жила им еще долгое время после выписки. Оно так украсило, обогатило мою бедную на эмоции затворническую юность, когда мои подружки всюю влюблялись, встречались, расставались. И еще осталось на всю жизнь хорошее чувство к хорошему человеку, достойному, по глубокому моему убеждению, и уважения, и любви...

Многое тогда в Боткинской оказалось мне во благо, но главное, конечно же, люди, и не только медперсонал. Была огромная палата, и в ней жили-были люди разного возраста и характера, разного житейского опыта. Я вдруг оказалась в обществе и впервые поняла, насколько, живя в четырех стенах, отрезана от окружающего мира, от мира во всей полноте человеческих страстей и переживаний. Все происходящее за день обсуждалось обитательницами палаты, между ними складывались свои отношения. Молодые девчонки влюблялись и здесь, и мы вместе разбирали их «любви», и я была в курсе всех лирических перипетий.

Тогда я поняла, как это важно — подолгу быть-жить среди людей, тем более человеку больному, обреченному этой болезнью на одиночество. Ты и чувствуешь себя иначе, и ведешь себя иначе, считаясь не только с собой, но и с другими, сообразуясь с тем, что ты — часть некоего, пусть и временного, целого, а не крохотная, не заметная никому песчинка в тесном и ограниченном мирке, куда доходят лишь слабые отголоски мира огромного, полного события. Ах, если бы я тогда же, в юности, выехала в специализированный санаторий — они уже были тогда, — познакомилась бы с товарищами по несчастью, узнала бы, как они устраивают свою жизнь, чем в ней заняты! Увы... А между прочим, врачи той же Боткинской, относившиеся ко мне более внимательно из-за исключительности ситуации, попытались было устроить мне путевку в такой санаторий для спинальных больных. Но без нейрохирурга из института имени Бурденко начинать хлопоты было нельзя. С ним созвонились — и он сорвал все планы, заявив, что мне нужны не санатории, а вторая операция. Тем все и закончилось. Спустя мно-

го лет, когда по случаю и с большим трудом мне «выбили» путевку в специализированный санаторий, первым из перечисленных в ней показаний было «спайки спинного мозга», то есть именно то, что обнаружили при вскрытии позвоночника во время операции.

Вся обстановка Боткинской клиники, личные переживания, интересная, полная событий местного масштаба, живая жизнь палаты способствовали тому, что я не спешила выписываться, несмотря на беды и трудности, связанные с болезнью. Не принимала я во внимание и жалобы уставшей матери, которая после рабочей смены спешила принести мне из дома яблоки, натертую морковь: в юности все мы эгоисты, заботы родных, многомесячная беготня матери в больницу, материальные расходы — все воспринималось как должное, как само собой разумеющееся...

Но вот вышли все сроки, и я снова дома. И снова те же четыре стены, долгие одинокие часы, снова книги. Добавилась лишь переписка с подружкой по клинике, еще несколько лет нас с ней связывали общие воспоминания. Такое возможно только в юности — письма на десяти листах, ожидание ответа, жадное любопытство, с которым читаешь о малейших подробностях чужих лирических переживаний.

Еще появилась, правда, всего лишь на один год, механическая, тоскливая работа: нужно было заработать минимальную пенсию по инвалидности. Часами в квартире раздавался глухой стук по столу: металлическим «пестиком» я вбивала пробки в пластмассовые колпачки для одеколонных пузырьков. Впервые столкнулись мы тогда с собесовской ложью: нас заверили, что пенсия не будет зависеть от ежемесячного заработка, потому я и не очень старалась, отлынивала от этой нудной работы. А потом выяснилось, что зависит, и начислили мне тогда пенсию в девятнадцать рублей с копейками.

Но жизнь шла-продолжалась, продолжались и бесплодные, тягостные раздумья о том, чем же мне в этой жизни самой заниматься, — только о них уже никто не знал. Эти невеселые, подчас мучительные мысли жили где-то в глубине души, лишь изредка прорываясь непрошеными слезами, от которых на душе не становилось легче. Напротив, сильнее ощущались беспомощность и безысходность положения — для юности и отрочества сознание ох какое горькое...

Не помню, когда я начала рисовать, вернее — срисовывать с открыток картинки, цветы, пейзажи. Еще в школе приходилось мне оформлять стенгазету, срисовывать на школьную доску иллюстрации из учебника. Позднее добавились занятия в кружке рисования при Доме пионеров. Уже там, в кружке, выяснилось, что ученица я робкая и мои оригинальные работы акварелью слабы. То есть настоящего художественного таланта не было, были способности к рисованию, не более. Вообще же в кружок этот мы ходили больше из интереса к самому Дому пионеров, где показывали кинофильмы и была неплохая библиотека, проводились выставки школьных поделок и праздники. И так приятно было бегать по этажам, менять воду в баночке с рисовальной кисточкой, сознавая, что ты тут «своя».

Ну, а когда я «села», потихоньку пошли копии с открыток — репродукций известных картин. И пока я находилась на лечении в Боткинской, моя школьная подруга взяла и «без меня меня женила»: отвезла мои рисунки в заочный народный университет искусств имени Крупской, и меня зачислили на основной курс факультета рисунка и живописи. Я проучилась там два с небольшим года, отсы-

лала свои работы, получала по почте задания, рецензии, консультации, методические пособия, учебники. В процессе учебы я снова убедилась, что данные у меня весьма средние, но зато появилось другое, более важное — интерес к живописи как к искусству. Читала книги по истории искусств, добывая их самыми разными путями, делала конспекты и выписки, собирала цветные репродукции из журналов. Мама моя работала в типографии издательства «Молодая гвардия», там тоже выходили издания по живописи, монографии об известных художниках. Потихоньку накапливались подаренные ко дням рождения книги по искусству, постепенно приходило умение различать, которая из репродукций наиболее близка к оригиналу, хотя «живьем» я ни одной картины, даже русских художников, естественно, не видела. И здесь в моем многолетнем самообразовании главную-роль играла книга. Да еще рассказы сестры, которая интересовалась не только музыкой, но и живописью, приносила домой книги по искусству, мы вместе их рассматривали и читали.

Никогда не забуду, как неожиданно перевернулись все мои устоявшиеся представления о живописи. Совершила этот переворот маленькая книжечка об импрессионистах. Боже мой, как я была ею ошарашена! Оказалось, что в картине необязателен литературный сюжет, а нас всю жизнь учили картину «рассказывать»! Оказалось, что самое главное в картине — цвет, а сюжетом для живописца может быть просто небо, покрытое легкими облачками, да полоска прибрежного песка; просто стога сена, по-особому освещенные в каждый час дня;

просто каменное кружево собора, жемчужно-розовое от восходящего солнца. А чего стоила у этих художников композиция — не академическая, «железобетонная», а свободная, будто остановленные кадры кинохроники: часть пейзажа у Клода Моне, срезанные по краям фигуры пойманных на ходу людей у Дега, беглый промельк движущихся по улицам города экипажей у Писарро. А воздух! Дрожащий, как в жизни, дробящий все видимые глазом предметы, размывающий их очертания, создающий ощущение сиюминутности взгляда...

Французских художников конца прошлого века называли импрессионистами по картине Клода Моне «Восход солнца. Впечатление» (*L'impression*). И мое впечатление от их живописи было так велико, что восхищение этим художественным течением осталось на всю жизнь, несмотря на любимые полотна классиков, на позже пришедших ко мне Матисса, Модильяни, Сарьяна, других мастеров. Условно говоря, импрессионисты промыли мне глаза, поставили зрение. Раньше, глядя на цветные репродукции великих художников прошлого, я видела некий созданный воображением гения мир, в котором жили тоже как бы воображаемые персонажи. Импрессионисты открыли мне мир настоящий, реальный, который двигался и дышал за окном, будь то Париж или неведомый маленький городишко, неважно. Это был мир, который я вроде и знала раньше, но не видела по-настоящему. Как будто человека, долго-долго сидевшего в полутемной комнате, вдруг вывели на волю, на солнечный свет, и он увидел, что все вокруг сверкает, переливается сотнями красок. И взгляд его, не останавливаясь, скользит по деревьям, кустам, по траве, и потому очертания предметов нечетки, и повсюду цветные пятна, тени, тоже цветные, и — колеблющийся, дрожащий воздух! Говорят, человеческий глаз способен различать около ста восьмидесяти цветов и более десяти тысяч цветовых оттенков. Я и прежде вроде бы видела мир в цвете, но не знала, не ведала о том, какое великое множество оттенков цветов существует...

Господи, сколько же было скрыто от нас в 30—40-е годы: и литература, и музыка, и живопись. Ну, литература и музыка — дело понятное, а живопись-то почему? Да все потому же, она разрушала основы социалистического реализма, искусства идейного и неуклонно следовавшего раз и навсегда установленным канонам, отступление от которых считалось вредным и недопустимым.

Конечно же, когда я приступила к копированию масляными красками на самодельном холсте (настоящий был дорог), это были копии с репродукций Моне, Ренуара, Писарро, Тулуз-Лотрека и Ван Гога.

К тому времени и в жизни нашей семейной многое изменилось, можно даже сказать, что в моей жизни изменилось все, потому что нам дали наконец отдельную однокомнатную квартиру в новом районе Москвы, — то было «великое переселение» времен Хрущева. На старой квартире, перерезая комнату пополам, стоял огромный двухтумбовый стол, бывший одновременно и письменным, и столовым, и рабочим. На одном углу этого универсального стола был личный мой уголок, у которого, спиной к стене, стояла моя коляска. На столе располагались лампа, радиоприемник и лежала большая кипа моих книг, тетрадей, бумаг. Вот, собственно, и все, что имела я на старой квартире.

А теперь! В первые, «устроечные», месяцы столом служил мне поставленный на попа чемодан с набитой сверху доской, покрытой тряпкой. Он был всецело мой, но — маленький. И вскоре был куплен настоящий однотумбовый письменный стол, поступивший в полное мое распоряжение! Стало возможным, наконец, вопреки маминому ворчанию, сохранять на нем художественный беспорядок, держать здесь и книги, и газеты, а в ящиках стола — «архивы», альбомы, бумагу и многое другое. И еще можно было рисовать, оперев холст в вертикальную, набитую песком для тяжести коробку. На этом столе и по сей день стоит керамический кувшин с щетинными кистями, которыми я, к сожалению, давно уже не пользуюсь...

А тогда я рисовала, часы летели, время мчалось и замечалось лишь с наступлением сумерек: глаза переставали различать оттенки на репродукции, с которой писалась «картина». Писала я их долго, потому как добивалась максимальной приближенности к оригиналу. Почти все работы мои висят в домах друзей и знакомых, некоторые так и остались недописанными.

Живопись стала для меня как бы второй реальностью, которую можно было изучать глазами талантливых художников. Самым любимым был Ван-Гог, и любовь эта, мне кажется, не была случайной: особая, очень экспрессивная манера его письма близка юности, когда в тебе, независимо ни от чего, кипит, бушует, не находя выхода, та самая жажда жизни, которая изливается с полотен этого странного и страстного живописца. Притягивал сам темперамент, энергия письма: тянущиеся вверх, в небо, как языки пламени, пастозные мазки, сочные, яркие, превращающие любой предмет на холсте в живое, трепещущее существо, будь то кипарисы, деревья или цветущий куст, каждой веточкой, каждым цветочком рвущийся к солнцу. Пожалуй, была и внутренняя тяга к движению как к антиподу собственной физической неподвижности, да и общей сдержанности характера, — известно ведь, что в другом часто притягивает то, чего недостает тебе самому.

Сам процесс копирования приносил мне радость. Накладывая на холст красочные мазки, я как бы проходила путем мастера — удивительное, хотя и краткое ощущение на первом этапе работы. И казалось тогда, что еще чуть-чуть — и

«задышит» прелестная натурщица Ренуара, женщина-птичка. К тому же, просидев за рисованием часов пять-шесть и выехав потом на балкон — у нас теперь и балкон был! — я смотрела на открывающийся передо мной пейзаж как бы глазами самого Ренуара: десятки цветowych оттенков выделялись в зеленых кустах напротив дома, красочные солнечные пятна лежали на земле, всеми цветами радуги переливались, мерцали листья на деревьях...

Знакомство с миром живописи дало мне много в дальнейшем самообразовании, это ведь как круги по воде, потому что все виды искусства между собой взаимосвязаны. Помню, одна моя знакомая случайно попала в Большой театр на только что поставленный балет «Спартак» с Марисом Лиепой в роли Красса. Она увлеклась замечательным танцовщиком, начала читать о балете, потом о Большом театре, а сейчас прекрасно знает историю и балетного, и оперного искусства. Так и меня знакомство с импрессионистами заставило серьезно заняться историей мировой живописи, чтобы понять, каким был путь постижения мира художниками — от средневековья до наших дней. Что же до взаимосвязи искусств, то полотна Дега, например, приводят зрителя в таинственный и прекрасный мир балета, картины Тулуз-Лотрека — на подмостки эстрады, странные по композиции и по цветовым сочетаниям таитянские работы Гогена — в мир философии, пламенная живопись Ван Гога созвучна музыке Скрябина.

Именно в копировании, вероятно, все-таки и проявились мои художественные способности. Собственных, созданных по воображению картин и рисунков у меня не было. И вовсе не потому, что это невозможно делать, сидя в четырех стенах, нет. Ежели человеку дан Божий дар, он будет рисовать и сидя, и лежа, и даже не имея рук, держа карандаш или кисть в зубах. Просто каждому свое, каждый имеет определенные данные, и каждый реализует эти данные по-своему.

Жаль, что теперь нет у меня ни сил, ни времени на живопись, и я лишь мысленно переношу понравившуюся репродукцию на воображаемый холст. Да еще каждую весну на минуту застываю перед окном, увидев человека с мольбертом за спиной, и вздыхаю: едет за город, на натуру. Заноза в сердце осталась...

Вообще же с переездом на новую квартиру жить стало лучше, жить стало веселее. Утро начиналось с рассвета и с просмотра радио- и телепрограмм: что сегодня слушать и смотреть? Книжки читались уже иначе, «с прицелом», и наиболее интересные. Интересно стало читать литературную критику, хотелось понимать, какие процессы происходят в литературе, разобраться со своим багажом: что из прочитанного есть настоящее, а что — конъюнктура, ремесло, подделка, почему одни писатели ближе по духу, другие — почитаемые, но не читаемые. Связано это стремление было и с тем, что читала я многие вещи вместе со старшей сестрой, не по возрасту. Я читала рецензии на увиденные по телевизору кинофильмы, спектакли, так что и здесь вырабатывались свои пристрастия, вкус к истинному искусству, лишённому ложного пафоса и театральщины.

В доме был уже новый телевизор «Рекорд», экран его казался таким большим; по сравнению с экраном «КВН»а! И был радиоконкурс «В мире прекрасного», и я получила один из пятисот дипломов с подписями известных деятелей искусства, среди которых была подпись Павла Корина, очень мною чтимого. Правда, на меня тогда, что называется, поработала целая команда: по телефону друзья сестры, знатоки музыки, литературы и театра, уточняли ответы на вопросы конкурса, помогая! мне.

Помню, как таинственно засветилась шкала нашего первого большого радиоприемника с надписями «Лондон», «Париж», «Берлин», «Стокгольм». Кто мог тогда вообразить, что придет время, и «вражеские» голоса, которые ловились на коротких волнах, слушались сквозь «глушилки», будут спокойно вещать на обычных средних волнах Москвы, и наши собственные радиостанции будут конкурировать с ними? В те годы издали, из-за границы узнавали люди о том, что происходит в их собственной стране. Странно было слышать по «Голосу Америки» имя главного конструктора космических кораблей, страшно засекреченное на Родине. Когда прорвался сквозь шум и треск голос Сахарова, я, как и многие, считала тогда, что, хотя большая часть из того, что он говорил, правда, но говорит все это человек, обиженный на жизнь, на власти. Кто мог тогда представить, что мы увидим этого человека на экранах телевизоров, услышим уже без помех его тихий, спокойный голос, голос одного из великих гуманистов мира...

Были у меня в те годы и редкие гуляния. Летом мама выносила меня на улицу, и мы ехали на полученной к тому времени через собес куйбышевской коляске в ближний Тимирязевский парк, добирались до большой открытой поляны, где я и сидела целый день, понимая, что следующий раз будет не скоро, если вообще будет: в доме нашем нет лифта, и потому каждый такой выезд — проблема.

Бывали и самостоятельные тайные «гуляния» зимой, когда мама работала в первую утреннюю смену, а я в двадцатиградусные морозы стояла «в окне» кухни, стояла в аппаратах, одетая в теплую куртку и меховую шапку. «Официально» были редкие и недолгие сидения перед тем же окном, закутана я была до ушей теплой одеждой, закрыта одеялом, чтобы ноги не застудить, — и мерзла, между прочим, от таких сидений больше.

Случалось и рисование с натуры, в том же парке, но в основном — с балкона: в первые годы молодые посадки возле дома не загораживали горизонта, видны были тропинка, уводящая в глубину парка, окрашенные осенним золотом деревья по дороге к железнодорожной станции, и — небо, небо, небо с моими любимыми закатными облаками. Что-то из нарисованного с натуры отсылалось как учебные работы в университет, что-то дарилось тем друзьям, кому рисунки и акварели нравились.

Что еще было? А была юность, которая всегда, при всех обстоятельствах остается юностью. Когда так близки блоковские строки: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита». Когда тебе хорошо просто оттого, что на город обрушился шумный летний ливень, когда светит ласковое осеннее солнышко, — на старой квартире я солнца в доме не видела, окно было северное. Юность — это когда воображение кипит и находит себе выход в склонности к юмору, к забавным розыгрышам и шуткам в обществе подруг, которые не часто, но бывали у меня, хотя все мы расселились по разным концам Москвы. Это когда весна — любимое время года, и каждая из весен, кажется, принесет непременно что-то новое, неожиданное, вопреки трезвому разуму, который уверяет, что ничего такого не будет и быть не может...

Согласно восточному гороскопу я — Близнецы, а для людей этого знака характерны многогранность, разносторонние интересы, свойственна и некоторая поверхностность, разбросанность в увлечениях. Литература, живопись, языки — вот сфера моих «разбрасываний». О том, почему это так и хорошо ли так, — речь особая. А в целом, я думаю, мои молодые годы были своего рода периодом первоначального накопления — интересов, навыков, знаний. Говорят же, что до

тридцати лет человек берет от жизни, а после тридцати — отдает. К тому же, юности прекрасная пора — это вообще пора некоей всеядности и всеохватности, независимо от личностных свойств человека: жизнь сама по себе так интересна, в ней столько всего, достойного внимания, и потому я — я просто «хочу все знать»!

Но — не боюсь повториться — все накопленное по крупицам в юности и в молодые годы когда-нибудь сгодится. И в моей жизни все сгодилось-пригодилось: и самообразование, и увлечение искусством, литературой, и упрямые за ненадобностью в дальний ящик «корочки» об окончании Народного университета, дававшие право преподавать рисование в начальных классах средней школы.

Все востребовалось, все пошло в дело на следующем витке жизни...

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

В конце 70-х годов я прочитала в «Иностранке» небольшую английскую повесть «Мисс Броуди в расцвете лет». Речь шла о некоей воспитательнице женского колледжа. Повесть не стала художественным событием, и я не помню, в чем там было дело, но главная мысль запомнилась. А мысль такая: у каждого человека в жизни есть определенный отрезок времени, в котором его внутренние возможности, вся душевная энергия выявляются с наибольшей полнотой и силой, личность максимально самореализуется.

Мой личный «расцвет» пришелся на эти самые 70-е годы, на восемь-девять лет, наиболее насыщенные событиями и переживаниями, событиями, нередко поворотными. Теперь, по прошествии времени, мне кажется, что эти мои «расцветные» годы были таковыми не случайно, была здесь своя закономерность, своя логика. Но понимаю я это только теперь, известное дело — большое видится на расстоянии...

Писатель Сергей Довлатов так сказал о себе: «Вся моя биография есть цепь хорошо организованных случайностей». Он видел в этом промысел Божий или указующий перст судьбы, что, вполне возможно, одно и то же.

Его величество Случай... Как и у многих, он часто играл решающую роль в моей судьбе. Именно случай привел в наш дом восемнадцатилетнего парня с остаточным зрением, почти слепого. Много лет живя безвыходно-безвыездно дома и среди здоровых людей, я не знала другого вида несчастья, кроме своего. Нет, представляла, конечно, что есть на свете слепые люди, но лицом к лицу встретила с этой бедой впервые. Наши матери работали в одной типографии, знали друг друга и знали о том, что у каждой есть ребенок-инвалид. И вот однажды осенью меня попросили помочь Юрию: оказалось, он поступил в обычный институт. Московский полиграфический, и ему нужно было почитать вслух художественную литературу по программе. Дел у меня никаких особых не было, и я охотно согласилась.

Началось с чтения Гомера, потом других классиков, но очень скоро это была уже настоящая учеба и совместная работа. Читать вслух приходилось часами, и художественную, и специальную, и учебную литературу. И еще — начитывать на катушечный магнитофон аж целые учебники, поскольку времени бесплатного чтения в кабинках Центральной библиотеки для слепых было недостаточно, а объем литературы велик. Мы вдвоем писали все контрольные и курсовые рабо-

ты, готовились к зимним и весенним сессиям, причем все работы, предназначенные к зачету, переписывались шрифтом Брайля и читались каждому педагогу в институте вслух. И так длилось пять с половиной лет, пока мы не закончили учебу и не получили диплом, темой которого стало издательское дело для слепых.

Но я хочу сказать о другом. Незадолго до окончания института я впервые в жизни выехала в санаторий, в Прибалтику, и познакомилась там, среди прочих, с супружеской четой из-под Ленинграда. [Борис](#) был инвалид-шейник, получивший травму позвоночника в результате несчастного случая, его обихаживала жена Лина — прелестная молодая женщина, чья забота о муже и самоотверженность вызывали всеобщее восхищение. Так вот, в разговоре с этой парой — многое Лина пересказывала мужу на ухо, у него было плохо со слухом — я поведала о своей кипучей жизни, о том, что помогаю слепому парню получить высшее образование. Выслушав мой эмоциональный рассказ, они спросили:

— А что тебе это дает?

Я стала объяснять, что мне самой очень интересна эта работа-учеба, что появились у меня и заботы, и новые друзья. Но все мои объяснения их не убедили.

— Мы с Борей этого не понимаем, — сказала Лина.

Они не могли понять, что же сама-то я буду иметь в конечном итоге, если сама не могу учиться в том же институте. Да, этого я не могла, и не потому только, что не имела законченного среднего образования, но и потому, что ежедневная работа не оставляла ни сил, ни времени на себя, даже если бы и были право и желание учиться.

Не смогла я объяснить этим хорошим людям, что за все трудности, за усталость, за нервные срывы была и огромная отдача. Я получила, наконец, долгожданное живое человеческое общение — со студентами-однокурсниками, которые давали мне переписывать конспекты лекций. С новыми друзьями по институту обсуждались-решались все вопросы студенческого житья-бытья. Мне самой пришлось многое изучить, например, тот же рельефно-точечный шрифт Брайля. Овладев этой азбукой, я начала переписывать с помощью специального прибора английские тексты со словарями — вот и пригодился мой собственный скромный запас знаний английского! А многочасовое начитывание на магнитофонную ленту учебного материала было своего рода дикторским чтением, нужно было отчетливо и выразительно произносить текст: Юрию его предстояло не раз и не два прослушивать в течение всего учебного года.

Пришлось учиться общению со слепыми людьми, и я узнала, как жадно стремятся эти молодые юноши и девушки к знаниям, как хотят быть в курсе всех событий. Им мало было радио, «говорящих книг», книг, изданных по Брайлю. И усваивали они все, на мой взгляд, гораздо глубже, чем зрячие люди, — а мне было с кем сравнивать.

Но самое главное — появилось важнейшее, по-моему, для каждого человека, а тем более для того, кто волею судьбы выключен из широкого круга жизни, сознание своей нужности другому, другим людям. Я не сумела объяснить Борису и Лине, у которых был собственный опыт жизни, что в свои зрелые годы я неожиданно получила то, чего была лишена, чем в юности была обделена, — возможность окунуться, пусть с опозданием и в неполной степени, в студенческую среду. Вокруг меня закипело, закрутилось молодое племя со своими радостями и волнениями, юмором и неприятностями, в общем, со всем тем, что вхо-

дит в понятие «студенческая жизнь». Так что в результате этого посланного мне судьбой знакомства с Юрием трудно сказать, кто получил больше, — как говорится в известной песенке, «неизвестно, кому повезло». По сути получилось, что я прошла весь курс редакционно-издательского факультета, хотя диплом, признанный одним из пяти лучших, вручили не мне.

Но те мои годы вместили в себя и еще очень многое. Была внештатная работа вместе с Юрием в издательстве «Просвещение», в отделе литературы для слепых, где каждому незрячему редактору полагается зрячий помощник-секретарь. Было пришедшее вдруг увлечение французским языком, снова самостоятельно, по учебникам и словарям, увлечение, которое столь же неожиданно перебилося знакомством с не известным мне дотоле языком эсперанто, — ив этот язык в силу некоторых обстоятельств я успела погрузиться основательно. И сейчас, с высоты нынешнего своего возраста, я, с большим удивлением оглядываясь на те, 70-е, годы, вспоминаю, сколько всего они вместили в себя, и не могу понять, как это меня хватало тогда на все — читать, писать, начитывать на магнитофон, переписывать тексты по Брайлю (даже несколько французских уроков), учить самой языки! Откуда только брались силы еще и на чтение вслух другу интересных художественных новинок, и на телефонные разговоры!

Да нет, понимаю, конечно. Понимаю, что и в самом деле после тридцати приходит время отдавать накопленные знания, делиться ими, применять их. Ведь в программу факультета входила история искусства — и пожалуйста, пригодились мои познания в этой области! Я могла объяснить, чем отличается, скажем, искусство русских художников-передвижников от более поздних течений в живописи, могла рассказать, как выглядит тот или иной известный памятник архитектуры, описать словами ту или иную картину — все то, о чем рассказывалось в учебниках и о чем нужно было говорить на экзамене Юрию. Наконец, с высоты своих тридцати и на основе прочитанного я могла говорить о литературе, обсуждать ее достоинства и недостатки. Но и сама я узнавала много нового для себя: читала ранее не знакомое, постигала азы издательской деятельности вообще и редакторской в частности, основы рецензирования — все это пригодилось мне самой очень скоро. А еще в свободное время я слушала на магнитофоне «говорящие книги», целые тома, начитанные для незрячих людей опытными дикторами.

Дружба с Юрием сохранилась на долгие годы. Сейчас он руководит изданием журнала для незрячих школьников, у него семья, взрослый сын. А поскольку я люблю знакомить хороших людей друг с другом, то несколько незрячих стали друзьями больных из нашего круга, опорников.

...И снова в те же «расцветные» годы в жизнь мою вошел его величество Случай. И снова по принципу «не было бы счастья, да несчастье помогло» — рядом они шагают, что ли? Умудрилась я устроить себе ожог аж третьей степени: болел простуженный бок, я приложила к нему завернутую в полотенце грелку с горячей водой и не почувствовала вовремя ничего, пока не увидела на рубашке мокрое пятно. Три месяца ходила ко мне медсестра из районной поликлиники — делала перевязки. Она много раз говорила мне о каком-то парне-инвалиде, которому лечила пролежни. Парень этот жил неподалеку от меня, звали его Сашей, и так медсестра заинтересовала меня рассказами о нем, что мне захотелось познакомиться с товарищем по несчастью, пусть хоть по телефону. Знакомство состоялось, и мне опять открылся новый, неведомый мир. В мире

этом — очевидное-невероятное! — люди парализованные гуляли по улицам города, посещали кинотеатры и концертные залы, ездили на машинах за город, они встречались, знакомились, влюблялись — в общем, жили по максимуму! И еще — многие из них ездили в специализированные санатории для спинальных больных, для людей с различными заболеваниями позвоночника.

И вот «одна, но пламенная страсть» овладела мной — побывать хоть раз в санатории, где лечатся, и отдыхают такие же больные, как я. Узнала я, что для этого нужно устроиться на надомную работу предприятия, применяющего труд инвалидов, чтобы встать там на очередь для получения путевки. Ну что ж, в скором времени я поступила на фабрику имени Советской Армии и стала работать накатчицей бумажных ярлыков для изделий легкой промышленности. Произошло это не сразу. Мой первый знакомый спинальник дал мне «для разгона» кучу телефонов своих знакомых, потому что меня в ту пору интересовало совсем другое: носившаяся в воздухе идея создания Общества инвалидов по типу давно существовавшего Общества слепых. И вот, выясняя интересующие меня подробности, я, что называется, пошла по кругу, по телефонным номерам, приобретая сначала просто знакомых, потом — близких по духу людей, и наконец — друзей. Благодаря телефону я и узнала о фабрике, работа на которой подходила мне. Я прошла ученический стаж, набрала необходимую скорость печати, и первую в моей жизни путевку в санаторий оплатила фабрика. А спустя три года, когда маме тяжело стало ездить за сырьем на другой конец Москвы, я уволилась, нисколько не жалея об этой скучной работе, тем более что к тому времени свой «план-минимум» по санаториям я выполнила.

Кстати, о путевках. Первую путевку в санаторий я получила все же не от фабрики, она лишь оплатила ее, хотя на очередь для получения путевки я встала сразу же. О нет, там мне пришлось бы горбатиться года три, а то и больше, чтобы — может быть! — мне такую путевку выделили, в порядке живой очереди. Нет, первую путевку мне «пробила» знакомая журналистка из журнала «Работница». Надо сказать, что в моей в целом на людей небогатой жизни мне вообще везло на людей, и в особенности везло на хороших женщин. Путевка эта была «горящей», собрали меня всего за пять дней, И вот впервые за тридцать пять лет я выехала-вылетела-выпорхнула из дома и из Москвы — прямо в Прибалтику! Боже мой, какое же это было чудо: оказаться вдруг в самолете, летящем над нашей грешной Землей, увидеть сверху, с небывалой высоты, всю ее невероятную, непередаваемую красоту, — как я понимала в эти полтора часа полета космонавтов! Увидеть яркое, слепящее солнце над облаками, а спустя час очутиться в таком современном, «европейском» аэропорту под Ригой!

Правда, первые впечатления от самого санатория под названием «Латвия» были, прямо скажем, не из приятных и вовсе не соответствовали тому восторженному описанию, которое дала мне в Москве побывавшая в нем спинальница. Серое, казарменного вида здание, маленькие, на три койки, палаты, в которых третья койка уже была «лишней» и вместо двери висела занавеска. Первые дни были нелегкими и физически, и морально: узкие коридоры, скопления инвалидных колясок, высоченные кровати с рамой Балканского — ко всему пришлось принаравливаться, приспособливаться. И поначалу я здорово «затужила», решив, что сама, по собственной воле уpekла себя на сорок пять дней в некую далекую и неудобную лечебницу, а вовсе не в санаторий.

Однако упадническое настроение вскоре ушло-улетучилось, и во многом благодаря сопровождавшей меня родственнице, с которой вообще всегда все становилось простым и легким, все возможные препятствия как бы сами собой устранялись, а недостатки каким-то образом обращались в достоинства. За первые два-три дня я была с ее помощью максимально обустроена в палате и «сориентировалась на местности». Она объездила со мной все окрестности, «обкрутила» меня на коляске вокруг санатория, объяснила, что где находится и как легче и быстрее вернуться к корпусу — и убыла назад, в Москву.

Раньше я всегда с иронией воспринимала сакраментальные слова докторов: «Вам хорошо было бы переменить обстановку». Мы с мамой шутили по этому поводу: может, нам мебель в комнате нашей переставить — ну как еще в нашей-то жизни можно «переменить обстановку»? И вот здесь, в благословенной Прибалтике, в маленьком курортном городке Кемери, я впервые в жизни поняла, что на деле означают эти слова, поняла, как это здорово — очутиться за тридевять земель от родного дома, отвлечься от всего привычного, обыденного, что это такое — полностью отключиться от повседневной однообразной жизни. Ах, это сладкое слово СВОБОДА! Впервые я оказалась полностью предоставленной самой себе: врачи и процедуры занимали лишь утренние часы. Я выезжала на полурасклепанной коляске за корпус санатория и, глядя по сторонам, решала: куда сейчас? Хочу — прямо через дорогу в красивый старинный парк, в аллеи со столетними вязами, необычайной высоты плакучими ивами, голубыми елями, туями и канадскими кленами. Хочу — направо, мимо почты по узким чистеньким тротуарам, в город, к одноэтажным магазинчикам, в которые можно заехать прямо на коляске и купить себе какой-нибудь приятный пустячок. Самой подъехать к прилавку, самой выбрать и купить! И нет ни со мной, ни надо мной никого, а есть только ласковое, теплое солнышко (мне повезло: в сентябре в Прибалтике плюс двадцать восемь!) да голубое, в легких перистых облачках небо...

Когда я звонила домой в Москву и говорила, что мне здесь очень хорошо, мне не верили: как это мне, в моей ситуации, может быть хорошо? И вскоре приехала ко мне моя сестра, сняла угол в одном из соседних с санаторием домишек, чтобы побыть со мной две недели. И опять вышло здорово, потому что благодаря ее приезду я увидела Балтийское море! Дважды мы побывали возле моря, отправляясь ранним утром по асфальтированному шоссе за пять километров от санатория. Впервые в своей жизни видела я живое, настоящее море, то самое, которое, по словам чеховской девочки, «было большое». Я сидела у самой кромки бесконечной водной глади, слушала легкий шорох набегающих на песок волн, смотрела на размытую дымкой линию горизонта, на плывущий вдали белый пароход и думала: Господи, какой простор, какой покой, какая благодать! И как ничтожны, в сущности, все мои житейские переживания по сравнению с этим вечным небом, с этим морским простором... Такая тихая благодать нисходила на меня сверху, с небес, и такая красота проплывала мимо, по обе стороны шоссе, когда сестра катила мою коляску: высокие, освещенные солнцем сосны, песчаные дюны и лесные поляны, маленькие домики, пасущиеся на скошенных лугах коровы...

Так же хорошо и спокойно было ездить одной, крутя обода колес руками, по асфальтовым и грунтовым дорожкам городка, мимо скромных двориков с поленицами дров, бельем на веревках и садиками. Хорошо было сидеть в центре городка, среди бесчисленных цветников с благоухающими розами самых не-

мыслимых оттенков и неведомых сортов. И среди этой тишины, чистоты и красоты мало что значили чисто бытовые неудобства, досадные мелочи санаторского общежития: переночевал, принял процедуры и — скорее вон из корпуса, на воздух, на волю!

Мои соседки по палате, моложе по возрасту, но уже «бывалые» курортницы, капризничали, говорили, что тут скучно, плохо по сравнению с другим подобным санаторием, который на юге, в Крыму, в городе Саки. Но мне-то сравнивать было не чем, и для меня все было прекрасным: накрапывал ли дождик, было ли солнечно, настроение было чудесным, я забыла обо всем, наконец-то переменяв обстановку.

И была поездка на машине в Ригу, с тенистыми улочками и булыжными мостовыми, с понтонным мостом через Даугаву, и был знаменитый Домский собор. Не обошлось и без приключений. Как-то поехала с приятельницей по санаторию на машине к морю, а машина застряла в лесу, на разъезженной после строительных работ и размокшей после дождя колее, да так застряла, что ее вытаскивали на шоссе с помощью подогнанного автобуса. Видела бы моя мама, как я сидела на какой-то бетонной плите посреди темнеющего леса, не зная, доберемся ли мы вообще до дома, до хаты!

Много самых разнообразных впечатлений осталось от пребывания в прибалтийском санатории, и была какое-то время переписка с новыми знакомыми. И еще осталось у меня страстное желание побывать в прославленном санатории в Крыму, о котором так много рассказывали мои соседки по палате.

Я побывала там спустя два года. И снова было открытие мира, того, где я была уже «своя среди своих». Были встречи с интересными людьми. Был берег «самого синего» в мире Черного моря. Были поездки на машине в солнечную Ялту — через Севастополь, куда мы переправлялись на огромном пароме, минуя Симферополь, и далее по шоссе, на юг. Были невиданной красоты крымские горы, и была самая высокая гора Крыма — Ай-Петри, с которой видно все: и море, и Медведь-гору, и саму Ялту. А еще был знаменитый Бахчисарай, по которому мы ехали очень медленно, и я вспоминала пушкинские строки из романа «Бахчисарайскому фонтану»: «Фонтан любви, фонтан живой, принес я в дар тебе две розы»...

Эта моя мечта осуществилась благодаря замечательному человеку, которого, увы, уже нет на свете. Неунывающая, оптимист по натуре, Валентина Ивановна поселилась в нашем подъезде и стала бывать у нас дома. Она работала редактором в издательстве «Молодая гвардия» и, узнав о наших с Юрой занятиях в институте, начала нам помогать — приносила книги, учебную литературу из издательской библиотеки. А потом неожиданно предложила мне писать внутренние рецензии. В отдел по работе с начинающими авторами приходил так называемый почтовый самотек: самодеятельные поэты и писатели присылали стихи, рассказы, даже романы, написанные искренне, но в литературном отношении несовершенные. В задачу рецензента входило дать и редакции, и самому автору оценку рукописи, разобрав ее достоинства и недостатки. Тут-то для официального оформления на работу пригодились те самые «корочки» об окончании университета искусств, давшие возможность в графе «Образование» написать «Среднее специальное». Оказалось, есть-таки у меня образование! Руководитель у меня был отличный, под наблюдением Валентины Ивановны я постепенно набрала необходимый опыт рецензирования. В «Молодой гвардии» было несколь-

ко рецензентов-инвалидов, устроенных по линии ЦК ВЛКСМ. Конечно, работы было немного, но она была интересной, несравнимой с той, что когда-то предлагал мне районный собес. Кроме того, опыт рецензирования очень Пригодился спустя несколько лет, когда меня «сосватали» в отдел писем одного журнала, где я писала короткие рецензии на такие же рукописи, поступающие в редакцию. Работа эта в течение двенадцати лет была пусть и небольшим, но стабильным материальным подспорьем к пенсии по инвалидности. К тому же, прочитывая по полсотни и более писем, сопровождающих стихи и рассказы, я узнавала о жизни глубинки, о людях из маленьких городов, деревень, поселков, о людях, одержимых страстью к сочинительству.

В конце 70-х произошел новый тихий поворот колеса Фортуны, и снова в жизнь вошел Случай. Меня попросили свести телефонно двух людей — незрячего эсперантиста, моего знакомого, и инвалида «из наших», который заинтересовался этим самым неведомым мне тогда языком эсперанто. Дело было сделано, но кончилось все -тем, что незнакомец стал мне близким человеком на долгие годы, а сама я, что называется, по самую маковку погрузилась в этот самый язык — международный язык эсперанто. Начала заниматься по стареньким, через десятые руки добытым учебникам, а чуть позже появились и новые методички, словари, журналы. Как и многое в нашей стране, эсперанто тоже был в советское время «репрессирован», а его энтузиасты и пропагандисты претерпели гонения как «инакомыслящие», и потому в 70-е годы этот язык переживал как бы второе рождение, его наконец-то «разрешили». У меня завязалась переписка с учителем из Риги, который правил мои первые переводы с русского на эсперанто, потом я стала членом Московского клуба эсперантистов, начала выписывать журналы из Венгрии, Болгарии — их я уже могла читать с помощью словаря. В 1980 году меня даже опубликовали в венгерском журнале, и я получила по почте литературную премию. Я уже могла читать и оригинальную литературу, то есть написанную сразу на эсперанто, дала в журнал свой адрес для международной переписки, после чего получила много открыток из тогдашних соцстран.

Увы, все, связанное с этим удивительным языком, кончилось-оборвалось спустя два года, когда жизнь моя круто изменилась. Потому что умерла мама, и я осталась одна. Но это уже другая история...

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Однажды давным-давно, когда по традиции на мой день рождения собрались друзья, мне гадали по руке, и получилось, что «нормальная» моя жизнь продлится до сорока лет, а дальше эти линии на руке — как-то ломались, путались, что по правилам хиромантии означало: дальше будет худо. Мама умерла в 1982 году, когда мне уже было сорок лет, гадалка ошиблась на несколько месяцев...

Мама болела уже не один год. Сказывалась нелегкая жизнь: в двадцать девять она осталась с двумя детьми на руках — отец не вернулся с войны; потом моя болезнь, с которой много лет пришлось жить не только мне, но и ей: она полностью обихаживала меня, рано ушла на пенсию, не выработав стажа. В последние полтора года ее - состояние неуклонно ухудшалось, и вот мамы не стало.

Для меня, для дальнейшей моей жизни это означало, что я съеду с сестрой, которая была замужем и жила с мужем в однокомнатной квартире за городом, хотя и с московской пропиской. До случившегося мы никогда не говорили о бу-

душем, все подразумевалось само собой: а как же иначе? И потому сразу после похорон через институт, в котором работала моя сестра, начались хлопоты о квартире. С большим трудом, через промежуточные инстанции, нашелся вариант: трехкомнатная квартира в новом высотном доме в поселке, где жила сестра.

Это означало, что отныне я буду жить не одна, что у меня будет отдельная комната, и все будет сделано так, чтобы я была хорошо устроена. Но это означало и многое другое. Что отныне я буду жить в доме сестры. Что окажусь далеко от друзей, которые уже не будут приезжать ко мне так же свободно, — концы не близкие. И что я потеряю свою надомную работу в издательстве, ибо возить ее за город никто не станет. В конечном итоге все вместе взятое означало, что моя личная жизнь, во многом построенная по-своему и собственными силами, уйдет, что отныне я буду жить в основном интересами сестры, и даже телефонное общение в силу разных причин сведется к минимуму.

Обо всем этом я мучительно размышляла и вот вдруг, что называется, в одночасье, поняла, что не стоит нам пока съезжаться, что этот шаг, возможно, будет роковой ошибкой для меня. Надо сказать, к тому времени, имея множество телефонных знакомств, я знала нескольких женщин-инвалидов, живущих одиноко. Но все они не были больны с детства, у них была юность, было замужество. Помню, как у одной из них я как-то спросила, почему же она, став инвалидом в результате автокатастрофы, не съехала с родителями.

— Ты не понимаешь, — ответила она, — ведь к тому времени я побывала замужем, я была самостоятельным человеком, и я уже не хотела возвращаться в семью, как бы ни было сложно жить одной.

У меня ничего подобного в жизни не было, я никогда не была человеком самостоятельным, никогда не жила в школе-интернате, меня с начала болезни и до собственного конца обихаживала мать. И в этом смысле я была безусловно избалована, жила на всем готовом, мне все преподносилось, что называется, на блюде с голубой каемочкой. Я читала, рисовала, занималась самообразованием, по многу часов общалась по телефону со знакомыми. Ни стирка, ни уборка, ни приготовление еды меня не касались, не говоря уже о прочих проблемах, связанных с моим физическим состоянием, с болезнью, — все лежало на маминых плечах.

Поэтому все случившееся в те страшные, горестные дни для меня самой было полнейшей неожиданностью: никогда не думала, не гадала, что в последний момент смогу вдруг взять и отказаться от единственно мыслимого в моей ситуации варианта. Окончательное решение нужно было принять буквально за сутки. Я не спала всю ночь, прикидывала и так, и эдак, а наутро позвонила сестре и сказала, чтобы она отказалась от столь непросто найденной квартиры... Я понимала, что своим поступком наношу удар прежде всего ей: вряд ли кто в институте мог понять, что произошло, все так старались, так хлопотали. Но я ничем не могла помочь сестре, советовала все валить на меня: в конце концов, обрушившееся на инвалида несчастье было столь тяжким, что и свихнуться можно. Отказ мой, конечно же, не прошел даром, и был конфликт с сестрой, которая искренне хотела сделать все как лучше. Мне было тяжело вдвойне, и из-за смерти матери, и из-за размолвки с сестрой, но спустя время страсти улеглись, и отношения с единственным родным человеком вошли в нормальное русло.

Наступили первые тяжкие недели после смерти мамы, когда у меня по очереди ночевали сначала подруга, потом хорошая знакомая. Друзья познаются в

беде — истина избитая, но, как и многие другие, не перестает быть истиной. Все мои друзья, и здоровые, и больные, оказались тогда на высоте, они старались быть рядом, помогали чем могли, делали все, чтобы смягчить удар, нанесенный судьбой.

Но минули эти недели, и я должна была начинать свою новую, непривычную жизнь — жизнь в одиночку.

Узнала я в те дни, как громко стучат часы в утренних сумерках, как страшно молчат вещи в опустевшей квартире, и как больно сжимается сердце, когда взглядом или рукой касаешься того, что принадлежало матери... И были вечера, когда уходили все и я оставалась одна, наедине со своими горькими думами да с телевизором, который первое время смотреть не могла.. То есть я его включала, но — без звука, лежа в постели, тупо смотрела на мелькавшие на экране картинки, ожидая, когда подействует снотворное. Были и неизбежные слезы, и нервные срывы, и психозы, связанные с внезапным одиночеством. И неудивительно: за двадцать восемь лет, что мама прожила со мной, уже больной, я всего пять-шесть ночей оставалась одна в доме да три раза уезжала в санаторий.

Но жизнь продолжалась, и нужно было приноравливаться, приспособливаться к новым условиям существования: самой, без посторонней помощи, пересаживаться на коляску, надевать аппараты и вставать на костыли, дабы отстоять «вертикальные» полтора часа; самой убирать постель, подметать пол, стирать, готовить, мыть посуду, обихаживать себя. Нелегко давалось это обустройство-переустройство, трудно было прежде всего физически — трудно, пока не поняла, что не стоит бросаться на все сразу, нужно привыкать разумно расходовать свои силы. Как гласит поговорка, утром — не спеша, вечером — потише. Трудно было и морально, психологически, давила непривычная тишина. Я завела себе «трехпрограммник» на кухне — чтобы создать иллюзию чьего-то присутствия в соседней комнате. Вечерами, особенно ближе к осени, было не по себе, казалось, что в комнате слишком темно, и потому на душе так мрачно. Я начала мудрить с осветительными приборами, придумала самодельные абажуры на лампы, поменяла пластмассовые плафоны на люстре на стеклянные. И все равно перед сном объезжала все углы, заглядывала в ванную, прекрасно понимая, что это просто психоз, что никому я не нужна, что никого, кроме меня, в квартире нет. Помню, как ночью во время грозы я проснулась от сильного удара по оконной раме и по привычке крикнула: «Мама!» — а утром увидела, что огромная ветка ближнего к дому тополя рухнула на землю. Это она, падая, задела балкон, ударила по оконной раме...

Читать я тоже не могла долго, да и времени на это почти не было: с утра до вечера я была занята самообслуживанием и «домоводством» да мыслями о том, что буду есть и делать завтра...

Кажется, месяца через полтора, летом, появились в моем доме дворовые девочки в возрасте от двенадцати до четырнадцати. Я немножко знала прежде только одну из них, Светлану, да и то чисто зрительно, видела с балкона. А она привела ко мне других. Пожалуй, их было многовато для моей небольшой квартиры, и доставляли они мне немало беспокойства, я уставала. Но они же, эти шутливые, горластые девчонки, не давали мне вариться в собственном соку, замыкаться на своих проблемах, вводили от невеселых мыслей. Они помогали мне пережить самый тяжелый в психологическом отношении второй период, когда приходит осознание конечной утраты и того, что отныне все так и будет. Врыва-

ясь в квартиру, девчонки спорили и советовались со мной, они ссорились и мирились между собой, объявляли друг другу бойкоты, отсиживались у меня и проводили свои личные «разборки». Они и уроки отчасти делали здесь, и порой приходилось им помогать, если это касалось русского языка и литературы, и, значит, опять у меня была учеба, теперь уже в последних классах, которые я пропустила в своей юности. Моя квартира стала своего рода клубом, где разговоры-беседы сменял хохот-грохот и вообще трамтарарам.

Бедная мама, она была такая чистюля, так холила дом, так берегла наш паркетный пол, ежедневно протирая его суконкой: только теперь я поняла, что этим она спасала от пыли шарикоподшипниковые колесики моей коляски. Если бы она видела, как быстро паркет в комнате утратил девственную чистоту и блеск! Если бы она видела, как на ее постели, всегда тщательно застеленной, сидит-прыгает-крутится, а порою, утомившись, спит целый девчачий выводок! Нет, этого она бы не потерпела. Ну, а у меня был выбор: либо сиди с чистым полом, но одна, либо Бог с ней, с чистотой, зато где-то среди дня затопают-зацокают по лестнице каблук, зазвенит звонок, и появятся в дверном проеме раскрасневшиеся от вольного ветра оживленные мордашки:

— Здрасте, тетя Нина, это мы!

Я не знаю, есть ли у меня какие-то педагогические данные, но вскоре, когда мы пригляделись и привыкли друг к другу, мои юные подружки стали понемногу помогать по дому, а мне это было так важно! Я понимала: главное — не впадать в занудное морализаторство, стараться «идти на юморе», которым судьба меня вроде бы не обделила. И в целом получалось неплохо, если, скажем, уборку квартиры или мытье окон превращать в веселую игру, когда девчонки соревновались друг с другом и командовали мной. Родители их удивлялись: «Дома ничего не заставишь делать, а у тебя всю квартиру убрали!» А ларчик просто открывался: у меня их дочка на время чувствовала себя «маленькой хозяйкой большого дома», она вольна была все делать так, как ей казалось лучше, а я была лишь на подхвате, подавала тряпки да показывала, куда еще нужно заглянуть, чтобы убрать вездесущую пыль.

При всем при том я старалась не очень загружать их, не превращать дело в «принудиловку», и здесь тоже помогали юмор и импровизация: не следует просить вынести мусорное ведро, если у девочки не то настроение, ей нужно поговорить о собственных делах — что делать! Мне хотелось, чтобы они приходили в мой дом сами, по своей воле, и чтобы им нравилось здесь бывать. Теперь могу сказать, что так оно и было, сама я звала их очень редко, в экстренных случаях. И когда грянул в доме нашем капитальный ремонт — а это ведь стихийное бедствие с грязью, камнями и мусором, — я пережила его с помощью «мафии», как шутя окрестил кто-то мою дворовую команду.

Многое мне приходилось терпеть: племя было не только молодое, но и незнакомое, с иными, чем у нашего, взглядами, вкусами, нормами поведения. Порой от их речей и мнений в голове был полный сумбур, но вида показывать было нельзя. Скажем, отношение к школе и к учителям. Надо было видеть, с какой издевкой и как по-обезьяньи ловко изображали они нелюбимых «училок»! Было и смешно, и грустно, и как-то, не выдержав, я спросила:

— Ну неужто нет ни одного учителя, которого вы бы уважали?

— Есть, это наш физрук. Он как грохнет по столу кулачищем — сразу тишина в классе!

Да, в наши школьные годы было иначе, любили мы тоже не всех, но уважение все-таки было. Но и то сказать, грубое поведение, невоспитанность нынешних педагогов вряд ли способствуют взаимопониманию. Чего-чего, а унижения человеческого достоинства новое поколение не прощает...

Мне тоже приходилось не забывать об этом, ибо случались и у меня с молодыми подружками неприятности, конфликты. Одна из девчонок, пользуясь моей рассеянностью, целую неделю пропускала школу, врала мне, что болеет, и закончилось все, естественно, скандалом. И сейчас смешно вспоминать, как на мой возмущенный крик: «Ты врешь мне каждый день!» — последовал столь же возмущенный вопль:

«И не каждый, и не каждый!» Да, на юморе и на искренности держалось многое в наших отношениях, они, собственно, и рождали доверие. Главное же, молодежь подпитывала меня, заставляла держать марку, не киснуть: с молодыми волей-неволей и сам молодеешь.

Огорчало меня, правда, то, что девочки не читали. В наших разговорах присутствовало все — и семья, и школа, и отношения с мальчиками, но почти отсутствовала литература. Разве что в анекдотическом ключе, когда на нелепом полу жаргонном языке пересказывали они содержание классических произведений. Тут уж не надо было телевизора, тут тебе и кино, и цирк, и эстрада, вместе взятые! Но потом становилось грустно, обедненным представлялся мне их мир, в котором были «телек», кино, видео. Нынешнее поколение любит компьютерные игры. Наверное, это интересно, наверное, это развивает логическое мышление, открывает «новую реальность», мне трудно об этом судить. Однако, улучшая логическое мышление, компьютеры атрофируют фантазию, учат «соображать», но не вообразить, и на вид сидящие за кнопками подростки похожи на роботов. Ну что ж, иные времена, иные интересы...

А сколько было веселых дней и вечеров, когда устраивались импровизированные игры-разборы, игры-шарады, абсолютно «ненаучные», придуманные с ходу! Даже «живые картины» однажды устроили: девчонки попарно уходили в ванную, там намазывались губной помадой, рядились кто во что горазд, и под общий хохот сидящие в комнате пытались отгадать, что сия картина изображает. Конечно, от ежедневного общения, от шума и гама накапливалась усталость, но она опять-таки восполнялась ощущением того, что вокруг меня идет живая жизнь. Приносили мои девчонки и атмосферу родного своего дома, семьи, и по их манере говорить, по характерам я могла себе представить, как и чем живут их родители. Их матери, закрученные-замученные работой, бытом, не находили ни сил, ни времени на детей, и тем, в свою очередь, не очень хотелось с ними делиться. А «чужой тете» они раскрывали свои полудетские тайны, и та их выслушивала, вникала, советовала. Господи, во что только не приходилось вникать: и в домашние ссоры, и в девчоночьи обиды друг на друга, и нужно было как-то лавировать между разными характерами, мирить подружек. А порой — свою неправоту признавать, поддаваясь их доводам: те, кто доверяет нам, воспитывают нас.

И дни рождения мои отмечались еще раз, отдельно, после «взрослых», чаепитием, маленькими подарками; и елка наряжалась вместе, и сама я придумывала новогодние подарки-пакетики, и дома приходилось держать всякие «долгоиграющие» конфеты, сушки-баранки в специальных кружках, чтобы было «чего пожевать». Помню забавный эпизод, связанный с этими кружками-кормушками. Одна из девчонок, Юлька, вечно голодная — растущий организм! — приходя

раньше других, совершала на них опустошительные набеги, чем вызывала недовольное ворчание опоздавших. Как-то раз я положила во все кондитерские емкости по записке: «Здесь побывала Юля В.», и — ой какой всеобщий вопль звенел в квартире, когда собравшиеся полезли по привычке в кружечки! Они бросились «грызть» хохотавшую во все горло Юльку...

Наблюдать жизнь детей, подростков, принимать в ней участие — дело интересное, увлекательное, даже если дети эти не твои.

К тому же, мир вокруг постоянно меняется, меняются одежда, речь, вкусы, и откуда мне, сидящей взаперти, узнать об этом обо всем? Да вот от них же, приносящих с собой сам воздух, атмосферу нового мира. И меня, не имевшую своей семьи, забавляло, когда чья-нибудь бабушка или мама шептала мне доверительно:

— Ты поговори с ней, она, знаешь как с твоим мнением считается!

Не знаю, что тут сыграло свою роль — «недобор» общения с ровесниками в юности или просто моя личная тяга к молодежи. В этом предпочтении молодежной компании сверстникам я убедилась в последний свой санаторский заезд. В аллеях парка возле корпуса и в больших холлах санатория постоянно кучковались колясочники, и кто-нибудь, увидев меня, звал: «Давай к нам!» Я подъезжала, но, посидев немного для приличия в кругу женщин, послушав, о чем они говорят — о соленьях-вареньях и вязании, лечении болячек и бытовых проблемах, — удирала потихоньку к другим, двадцатилетним. У них были свои, интересные мне проблемы, и они со всем этим были как-то гибче, забавнее. Словом, они были молоды и хороши. Наверное, все-таки среди них я восполняла пробелы своей бедной юности, когда жила и питалась книжными страстями: и влюбленностями.

Так и мои «домашние» девчонки были мне интересны, и интерес этот, смею надеяться, был взаимным. Года три длилась наша дружба, потом они постепенно разъехались по Москве.

По-разному складывается их молодая жизнь, но и по сей день они все еще изредка навещают меня, рассказывают о своих делах и проблемах, зная, что они мне не чужие. И я знаю, в свою очередь: случись что — приедут, примчатся на помощь. И, как знать, понаблюдав мою жизнь, поучаствовав в ней, уже иначе будут относиться к людям с нелегкой судьбой, не пройдут мимо.

Конечно, в повседневной жизни основную помощь мне оказывали соседи: большинство их прошли коммуналки и издавна привыкли к взаимовыручке. А еще меня прикрепили к овощному магазину, откуда привозили заказанные по телефону продукты, и к районному отделению Красного Креста — для приобретения лекарств в аптеках. Хлеб и еще какие-то продукты подкупали соседи, и в целом жизнь моя шла-строилась по принципу «с миру по нитке — голому рубаха», принципу, годном для всех, а в жизни инвалида определяющему.

В общем, жить было сложно, однако жить было можно. А к концу 1987 года появилась в Москве новая служба — служба социальной помощи престарелым и одиноким гражданам, и сразу же стало намного легче: дважды в неделю социальный работник приносил мне продукты из магазина, выполнял мелкие поручения, и теперь можно было разгрузить соседей, самостоятельнее решать ежедневную «продовольственную программу».

Появлялись в те годы в доме моем и новые люди. Одни спустя время уходили, другие «прикипали» надолго, занимая мое время и внимание своими интересами и переживаниями, в свою очередь помогая мне в моих текущих делах и проблемах.

Порою, думая о том, какими странными и необъяснимыми путями встречаются люди, я мысленно представляю себе некую карту города, на которой в хаотичном, броуновском движении в разных направлениях движутся разноцветные огонечки. Это люди, а один, застывший и неподвижный огонек — я сама.

И вот, делая невероятные и непредсказуемые зигзаги, эти огоньки вдруг оказываются возле моего, сталкиваясь друг с другом, потом, отдаляясь, уступают дорогу следующим, за минуту до того, казалось бы, вовсе отдаленным, но стремившимся в мою сторону.

Возникал передо мной и неизбежный вопрос о том, не пустить ли кого-нибудь к себе на квартиру, чтобы вместо платы мне помогали по дому, по хозяйству. Но, поговорив с соседями, со знакомыми инвалидами, я отказалась от этой мысли. И комната у меня одна, и чужой человек — это чужой характер, и много еще всяких нюансов пришлось бы учитывать.

Но главное — опыт моих товарищей по несчастью, перед многими из которых жизнь ставила и ставит вопрос, идти в инвалидный дом или найти кого-то, кто будет за тобой ухаживать за крышу над головой. Этот опыт был, за редчайшим исключением, отрицательным. И, к сожалению, лишний раз доказывал ту печальную истину, что больной человек никому не нужен, с ним можно не считаться, можно даже злоупотреблять его беспомощностью.

Примеров, когда инвалид решался на такой отчаянный шаг и все кончалось печально, порой трагически, было достаточно.

Я же на своем опыте убедилась, что зависимость от многих разных людей — это лучше, чем зависимость от одного человека.

Во всяком случае, такой вариант для меня пока — наиболее приемлемый, хотя он тоже отнюдь не простой.

Да, все, что касалось повседневной жизни в четырех стенах, становилось для меня сложным. Например, собираться в последний раз в санаторий пришлось полностью самой, продумывая все до мелочи, начиная с одежды и оформления курортной карты и кончая вопросом, на кого оставить квартиру.

И шла с годами постепенная и, увы, неизбежная «сдача позиций»: перестала по утрам надевать аппараты, потому что слабым становилось тело и слишком великим — риск упасть. И сокращались постепенно телефонные разговоры, все больше времени уходило на быт, на самообслуживание. Мамины навыки, тем не менее, сказались и в том, что касалось еды, и в финансовых вопросах: резкой перемены в месячном бюджете я не ощутила, умудрялась даже откладывать немало из пенсии и зарплаты на непредвиденные расходы.

Это давало возможность даже одалживать соседям, что было приятно: я могла хоть чем-то помочь людям, которые обо мне не забывали...

Пришлось освоить и старую швейную машинку, хотя шитье для меня и по сей день занятие нелюбимое, но — жизнь заставила, корсет, который постоянно рвет одежду, заставил. И готовить, и стирать, и деньги считать, и порядок в доме по возможности поддерживать — все приходилось делать, и все делалось, вопреки извечным во все века и во всех жизненных ситуациях материнским страхам: «Как ты без меня жить будешь? Грязью зарастешь, ничего делать не умеешь!» Но трудностей, конечно, хватало, и мозг работал, как ЭВМ: что завтра есть, что купить, где достать, кому позвонить, кого попросить, чего не забыть.

Неизбежны были «проколы» самого разного рода и нервные срывы — да ведь без них не обходится в жизни любого.

А вот что касается связей с внешним миром, тут становилось все легче. Выражаясь словами товарища Сухова из «Белого солнца пустыни», люди мне попадались «все больше хорошие, можно даже сказать, деликатные».

И печальный получался парадокс: то, что я хотела когда-то осуществить, живя в семье, не сбылось, не случилось, и — стало возможным, когда я осталась совсем одна и должна была полагаться уже не на родных, а на чужих людей.

Это с их помощью я смогла побывать в музее имени Пушкина и увидеть наконец «живьем» те самые картины, которые когда-то копировала, мучаясь с абсолютно разными по цвету репродукциями, интуитивно выбирая ту, что ближе к оригиналу. Впечатления от этой поездки были богатыми, но с горчинкой: ах, кабы в свои двадцать лет я увидела всю эту красоту, увидела тогда, когда живопись импрессионистов стала для меня открытием, когда восприятие было острее!

А однажды я смогла съездить на ВДНХ, ныне Всероссийский выставочный центр, Побывать там в нескольких павильонах, погулять по размахай-просторам этого странного творения сталинской эпохи, и по Ботаническому саду — всюду, куда проезжала моя югославская прогулочная коляска.

С помощью подруги и своих новых друзей побывала я и в Выставочном зале художников на Крымском валу, где проходила большая выставка Михаила Нестерова, и в районном Бабушкинском парке, где встречались московские инвалиды на презентации одного из самых первых своих кооперативов.

Но жизнь шла своим чередом, и люди не только приходили, но и уходили тоже, «иных уж нет, а те — далече». И постепенно остаются самые близкие, те, кому и ты нужен, и которые всегда нужны тебе, а на новые знакомства уже не хватает времени, а главное — душевных сил. И так понятны становятся слова романа: «Чем дольше живем мы, тем годы короче, тем слаще друзей голоса»...

Когда-то, в молодые годы, пытаюсь осмыслить свою судьбу, я порой мучилась: ну почему я так легкомысленна, почему в общем и целом я «плыву по воле волн», не думая о том, что со мной будет дальше, как я буду жить?

А теперь... Возможно, я не права, но и сейчас я полагаю, что наперед загадывать и планировать совершенно ничего нельзя, потому что жизнь непредсказуема.

Недаром ведь говорят: человек предполагает, а Бог располагает. Попалось недавно на глаза интервью с французским киноактером Жан-Полем Бельмондо, и мне понравилось его высказывание: «Я всегда считал, что не следует торопить и тем более опережать жизнь; она сама все расставит по своим местам». И еще, близкое мне по духу: «У жизни больше воображения, чем у нас, поэтому-то не следует от нее отгораживаться».

Мне не дано знать, что ждет меня в жизни, что записано для меня там, в книге Бытия, но если судьба пошлет еще что-то хорошее, я приму посланное с благодарностью и постараюсь ответить добром на добро.

Конечно, будет и горькое, и плохое, с чем снова придется как-то справляться, сообразуясь со своими силами, возможностями, повторяя строки из древней молитвы: «Господи! Дай мне силы, чтобы изменить то, что можно изменить. Дай мне терпения, чтобы смириться с тем, чего нельзя изменить. Дай мне мудрости, чтобы отличить одно от другого».

ЧАСТЬ II. ЗАПИСКИ ИЗ «ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА»

В спортивном выпуске теленовостей показали, как приземлился парашютист-инвалид. Кадр длился несколько секунд, его видели сидящие у телевизоров зрители:

— Ой, смотри, и этот туда же!

— Господи, ему что, жить надоело?

А может быть, это был вызов? Вызов человека из иного, параллельного мира, мира, о котором многие слышали, некоторые знают, но не думают о нем, а другие — в нем живут...

НЕТ ДЛЯ НАС НИ ЧЕРНЫХ, НИ ЦВЕТНЫХ

Возможно, эта глава будет самой горькой для людей с физическими недостатками и — неприятной, а в чем-то и спорной для людей здоровых. Но без нее не обойтись, ибо серьезный разговор о жизни и проблемах инвалидов невозможен без понимания главного: отчего эти самые проблемы рождаются и почему они так плохо решаются или не решаются вовсе. Конечно же, это отнюдь не «история вопроса», это просто попытка коснуться истоков того отношения к людям с различными физическими недостатками, которое издавна сложилось в нашем обществе.

И здесь, в свою очередь, тоже не обойтись без вопросов.

Итак, вопрос первый: для чего существуют на свете инвалиды? На первый взгляд, вопрос странный: ну просто не повезло человеку, ну несчастье случилось — о чем тут думать-то? — и все же он не столь праздный, каким может показаться поначалу.

В Библии есть такая притча. У Иисуса Христа спросили: «Зачем на земле страждущие, больные, убогие?» Иисус ответил: «Чтобы люди здоровые и сильные могли проявить в отношении слабых свою человеческую сущность».

Вопрос второй: кто был самым первым известным «спинальником» у нас на Руси? Как вы думаете? Ну помните, в школе еще проходили, по истории русской литературы — устное народное творчество, сказания, былины... Ну, конечно же, это он, наш былинный герой, знаменитый богатырь Илья Муромец, который сиднем сидел на печи тридцать лет и три года!

Вот как об этом рассказывается в былине: «Возле города Муром, в пригородном селе Карачарове у крестьянина Ивана Тимофеевича да у жены его Ефросиньи Карповны родился долгожданный сын... растет Илья не по дням, а по часам... глядят на сына престарелые родители, радуются, беды-невзгоды не чувствуют. А беда нежданно-негаданно к ним пришла. Отнялись у Ильи ноги резвые, и парень-крепыш ходить перестал. Сиднем в избе сидит. Горюют родители, печалются, на убогого сына глядят, слезами обливаются. Да чего станешь делать? Ни колдуны-ведуны, ни знахари недуга излечить не могут. Так год минул, и другой пошел. Время быстро идет, как река течет. Тридцать лет да еще три года неподвижно Илья в избе просидел».

Далее мы узнаем, как пришли в дом, в отсутствие родителей, работавших в поле, три старика — калики перехожие, попросили Илью принести из погреба браги пенной — жажду утолить. Услышав, что ходить он не может, велели ему встать и идти. И свершилось чудо — пошел Илья, принес браги, по приказу странников испил чудодейственной жидкости и стал самым могучим богатырем

на Руси. Пошел Илья на поле, и возрадовались его родители чудному исцелению. Но не остался дома их сын, а пошел в стольный Киев-град, а потом на заставу богатырскую — оборонять Русь великую. Свершил он ряд подвигов: одолел Соловья-разбойника, Идолище поганое и Калина-царя. «И с тех пор поют век по веку славу могучему богатырю русскому Илье Муромцу».

У этой замечательной былины есть свой высокий смысл, действительно сохраняющийся «век по веку», — о силе великой, дремлющей до поры до времени в русском человеке. Но речь о другом. На протяжении веков жило в народе особое, сострадательное отношение к увечным, больным, немощным — такие люди были в народном сознании и в христианском понимании людьми Божьими.

В нашем новом, социалистическом государстве отношение к людям слабым, больным, к инвалидам тоже было определено изначально и — печально. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «мы наш, мы новый мир построим», — когда так был поставлен вопрос, так обозначена конечная цель, то, спрашивается, как, какими глазами это новое революционное общество могло и должно было смотреть на человека слепого или парализованного, вообще — на больного? Да такой человек просто «выпадал» из общей радостно-перспективной картины, он, что называется, резал глаз одним своим видом, и от вида этого морщились, как от зубной боли, отворачивались, как от чего-то неподобающего. В «стране мечтателей, стране героев» физически ущербным людям места не было, во всяком случае, не предусматривалось.

Стоп! А как же Николай Островский? Да, но ведь он-то был герой! Он сражался на фронтах гражданской войны, за Советскую власть, он отдал здоровье, жизнь свою отдал за революцию, за светлое будущее. И обо всем этом — слепой! — написал замечательную книгу «Как закалялась сталь», известную ныне каждому школьнику.

Все это так. И все гораздо сложнее. И — страшнее для других, не Островских... Люди старшего поколения, инвалиды по зрению, помнят, как отнесся парализованный и ослепший Николай Островский к делегации слепых, пришедших принять его в свое незрячее братство. Известный писатель... выгнал их, не желая признавать себя инвалидом. В этом поступке была своя логика: Островский презирал свою болезнь, сделавшую его калекой, выбившую из борьбы, он во что бы то ни стало и вопреки всему хотел «остаться в строю». И потому презрел себе подобных, тоже слепых, но — не героев, не борцов. Для него все они были просто инвалиды, «несчастненькие», страдальцы. Он, вероятно, даже не знал, что Общество слепых, начавшись с небольшой артели, уже в 1924 году имело свой печатный орган, журнал «Жизнь слепых». И не мог, разумеется, знать о том, что, набирая силу, Общество становилось самокупаемым год от году, а начиная с 1961 года было снято с государственной дотации. Так вот, помнящие тот давний, 30-х годов эпизод незрячие инвалиды первого поколения душой не принимали профиль Островского, изображенный на обложке уже современного своего журнала «Наша жизнь»...

Простим писателю его фанатизм, фанатиков, мечтавших о скорой мировой революции, было тогда немало. Но вот «традиция» отношения общества к инвалидам идет с того самого времени, от героев гражданской войны, от Островского. «Всегда в строю», «и вся-то наша жизнь есть борьба», «иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка» — начиная с фразеологии, внедрялась в сознание людей «фронтальная» психология, утверждалось классовое, лозунговое мышление. С

низвержением христианских заповедей, несовместимых с революционными целями, с изменением вековых нравственных критериев героизм былинного Ильи Муромца, взятый за основу, был доведен до крайности. И в результате остались как бы две точки отсчета при определении ценности человека для общества: либо Ильи Муромцы и Островские — либо ничто, ничтожное, ненужное, досадно мешающее воплощению «вековой мечты человечества» о счастливой жизни. Нечто такое, о чем лучше молчать, что лучше не замечать и по возможности прятать от глаз людских куда-нибудь подальше, за высокие заборы, за плотно запертые двери.

Классовое и фронтовое мышление пронизывало всю жизнь страны. Были у нас кто? Были герои пятилеток, первопроходцы, бойцы невидимого фронта, ударники труда, были герои целины, герои космоса, молодые строители коммунизма и борцы за мир. Ну кто еще? Ах да, еще были простые советские люди, труженики полей, степей и т. д. «Труд наш есть дело чести, есть дело доблести и подвиг славы!» Но и с ними, простыми трудящимися, система обходилась жестоко: выработал человек свое, ушел на пенсию — и никому он уже не нужен, как отработавший, изношенный механизм. И только лозунги были хороши:

«Слава труду!», «Наша гордость — ветераны!», «Старикам везде у нас почет!»...

Из песни, как известно, слова не выкинешь, песня — это ведь не только музыкальное произведение, это, как мы уже убедились, и взгляд на жизнь, это определенное мировоззрение. Продолжим же музыкальный ряд. «Пламя души своей, знамя страны своей мы пронесем через миры и века!», «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца — пламенный мотор!»... Как все-таки точно отражают песни атмосферу эпохи, настроение всего общества! Речь идет о песнях хороших, написанных прекрасными композиторами, стремившимися передать дух своего времени. И громко звучали эти песни, и были в них задор, бодрость, и звали они вперед, и учили радоваться жизни. И мало кто задумывался тогда над глубинным смыслом многих стихотворных строк, которые тоже отражали многое, что определяло основные нравственные критерии, сознание людей быстро летящего вперед времени...

«Наш паровоз вперед летел» — к счастью, к светлому будущему, и «простых советских инвалидов» как бы и не существовало, им вообще не было места «в нашей буче, боевой, кипучей». О болезнях, о смерти говорить было не принято, «здоровому» обществу это было ни к чему.

По окончании Отечественной войны многие люди, уже моего поколения, помнят безногих солдат, торговавших на улицах Москвы всевозможной мелочью: шнурками для ботинок, сладостями, безделушками, а порой просто попрошайничавших, нищих. Потом они как-то враз исчезли с московских тротуаров, эти люди, передвигавшиеся на дощечках-колясочках, отталкиваясь от земли деревянными «утюжками». Часть просто спилась, часть попряталась в домах, сгинула. А часть отправили на Соловки, о чем многие даже и не знали, не ведали, и о чем был написан рассказ писателя Ю. Нагибина «Терпение» — не лучший, на мой взгляд, рассказ, коснувшийся больной, острой темы, но не раскрывший ее до конца, не сказавший всей горькой правды о сосланных калеках. А ведь все эти покалеченные войной люди были молоды когда-то, и здоровые свои жизни они отдали за освобождение Отечества... Просто не были они Маресьевыми, ну так уж получилось, что поделаешь! Героизм — экстремальная ситуация, нельзя

делать его философией. У нас — сделали. Писатель Фазиль Искандер высказал такую мысль: завышение жизненной задачи — быть героем — приводит, с одной стороны, к чувству неполноценности, а с другой — к невозможности жить нормальной жизнью. Мысль эта, думается, имеет непосредственное отношение к инвалидам.

Нелишне задать себе и чисто, казалось бы, этимологический вопрос: а что означает само слово «инвалид»? В старом толковом словаре С. Ожегова было написано: «Инвалид (лат. *invalidus* — слабый, немощный). 1. Лицо, частично или полностью утратившее трудоспособность. 2. В России — старый солдат, неспособный к строевой военной службе из-за увечья и ран, иногда то же, что ветеран». (Для сравнения: в английском словаре употребляется термин *disabled*, то есть человек с ограниченными физическими возможностями. И соответствующий закон в Конституции США озаглавлен так: «Закон о правах людей с ограниченными возможностями» — то есть само определение звучит иначе, более достойно.)

Философия поголовного героизма, утвердившаяся в Стране Советов, выдвинула вперед второе значение слова «инвалид» — увечный воин, боец. В книгах, в печати всячески подчеркивалась унижительность дореволюционного определения людей с физическими недостатками — «калека» — как слова жалостного, сиротского. И внедрялось, укоренялось пусть и нерусское, но зато более достойное по смыслу слово «инвалид» — отслуживший воин, ветеран. Но все мы знаем, что и ветераны войны заботу о себе государства ощущали весьма слабо, и лишь с 1961 года, после присуждения писателю-фронтовику С. Смирнову Ленинской премии за книгу «Брестская крепость», то есть спустя двадцать (!) лет с начала войны, были вручены участникам ее ордена и медали, установлены пенсии и кое-какие льготы ветеранам. Б. Шоу сказал, что самое большое преступление перед человечеством не ненависть, не злоба, а равнодушие. Именно равнодушие определило положение участников войны в государстве-победителе: сегодня, не обласканные судьбой, забытые обществом, уходят в небытие последние из них. Равнодушие общества испытали на себе и многие воины-афганцы, из тех, что вернулись на Родину инвалидами и оказались здесь никому не нужными. Их судьбу повторяют ребята, прошедшие Чечню...

Существование детей-инвалидов официально просто не отмечалось, пока не появился перечень показаний, дающий право признать ребенка инвалидом. И семья, где есть такой ребенок, не рассматривается как объект социальной защиты. А забота государства ограничивается созданием специализированных детских садов и интернатов для слепых, глухих, глухонемых детей, для детей, больных ДЦП. То есть «синдром отчуждения» сказывается буквально на всех слабых и незащищенных.

Можно выстроить цепочку понятий, отражающих отношение к ним общества: пренебрежение, неприятие, любопытство, жалость, сострадание. Обойденные судьбой, обиженные, страдальцы — таково было, да во многом остается и поныне, восприятие инвалидов со стороны всего общества.

В «развитой социализм» они опять-таки не вписывались, они были досадным исключением в обществе, где нет классов, нет «ни черных, ни цветных», нет проблем, как на загнивающем Западе, и всюду царит тишь да гладь, да Божья благодать. «Жила бы страна родная, и нету других забот». Нет, забота о больных и немощных, конечно, была, были пенсии по старости и пособия по инвалидно-

сти, но какие! В «копеечные» годы на социальное обеспечение достаточно было копеечных средств. Писать о социальных проблемах было в общем-то можно, но только осторожно, большие вопросы «здоровому» обществу были ни к чему, а инвалиды в речах и докладах государственных мужей скрывались за понятием «и другие категории населения». Правда об их жизни на страницах газет допускалась лишь в гомеопатических дозах. Забыть не могу, как в прессе конца 70-х годов инвалидов вдруг стали называть «ослабленными». В те же самые годы людей, ворующих кто что мог на производстве, ласково называли «несунами».

В обществе нашем, бесклассовом на словах, на деле были классы. Не могло не быть в государстве, руководившем распределением социальных благ, и градаций среди инвалидов. Здесь тоже — и не случайно — образовались свои «классовые прослойки», свои привилегированные и свои парии. Государство сознательно противопоставило инвалидов одной категории инвалидам другой, следуя известному принципу «разделяй и властвуй». Кто не видел в различных учреждениях и ведомствах табличек с надписью «Инвалиды войны обслуживаются вне очереди»? Спору нет, ветераны войны заслужили льготы и привилегии, тем более, это люди уже пожилые и, как правило, нездоровые. Далее идут, согласно утвержденной классификации, инвалиды труда, и тоже все вроде объяснимо: человек работал, приносил пользу обществу, а потом вдруг заболел — производственная травма, несчастье. Жалко человека, не виноват он, и потому помогает ему предприятие, путевками на лечение обеспечивает, а государство пенсию платит в соответствии с бывшим заработком. Далее идут инвалиды рангом ниже — по общему заболеванию: они тоже работали, а потом заболели, и им положена пенсия с заработка. Ну, а в самом низу этой своеобразной иерархической лестницы располагаются инвалиды с детства, они вообще «лишние люди», изгои. Потому как этот инвалид ведь не работал, он изначально и по гроб жизни неработоспособен, он сидит на шее у государства, у общества.

...Помнится, испортился у меня как-то телефон, а дело было в выходные дни. Соседи дозвонились до подружки, тоже спинальницы, и та взялась за дело круто. Спустя два часа ко мне явился мастер из бюро ремонта. Я в это время лежала и потому открыла дверь с помощью дистанционного устройства. Мастер объяснил мне, что придется подождать до понедельника, поскольку в какой-то местной «коробке» заклинило дверцу и он не может проверить, в чем там неисправность. Но через несколько минут после его ухода я машинально поднесла дотолк молчавшую трубку к уху и вдруг услышала диалог между мастером и диспетчером на телефонном узле — он докладывал обстановку: «Надь, ну нет там никакого инвалида войны! Лежит на диване девица, я ей все разъяснил...» — «Ну надо же, а говорили — срочно, инвалид войны! Во люди, ну как врать насобачились, а?» Я положила трубку, хотя очень хотелось спросить: «А что, просто инвалиду, просто беспомощному человеку легче от того, что у него телефон не работает, чем инвалиду войны?» Да толку-то что, если бы и спросила, ведь это не только на языке у подобной Нади, это в сознании людей.

И ох как не скоро будет преодолен этот психологический барьер в душах людских! Генетика — штука страшная, заложенное в дедах и укоренившееся в отцах отзывается во внуках и правнуках. Пренебрежение к старости, равнодушные к больным, бессильным — это все оттуда: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Невеселой былью обернулась та сказка. И оказалось, что в стране нашей есть «незащищенные слои населения», и вот уже у нас не только Минсо-

бес, но и Министерство социальной защиты населения, и соответствующие постановления «о мерах по социальной защите». И есть у нас нищие, бомжи, бездомные старики и дети-отказники. И проходят люди мимо чужого горя, не приученные или отученные проявлять сочувствие, испытывать сострадание. Стараются не смотреть в лица стариков — может, боясь разглядеть в них собственное будущее?

Солнечный сентябрьский день, прибалтийский город Кемери. Во всю ширину тротуара растянулась цепочка женщин в инвалидных колясках. Мы довольны и веселы: только что побывали в магазинчике, накупили себе разной галантерейной мелочи, а одна женщина из далекой глубинки купила красивые шторы на окна. Мимо нашей кавалькады проходят юноша и две девушки. И вдруг парень, разведя руки в стороны, с досадой произносит вслух:

— И зачем им здесь разрешают ездить?

Не сразу, уже отъехав, поняла я, что это он о нас. А если бы и «врубилась» с ходу, поняла, что ничего не могла бы сказать этому цветущему юноше. Он ведь не одинок, реакция отторжения продолжается. Убедительно показал это однажды проведенный опрос родителей на тему «Надо ли детям-инвалидам учиться в обычных школах?» Почти четверть опрошенных ответили: «Ни в коем случае!» «Нет для нас ни черных, ни цветных»...

«Сдвинутость» основных нравственных критериев привела к тому, что в нашем обществе воспитали, казалось бы, ни на чем не основанную антипатию к людям с физическими недостатками. Да, раздражение, неприязнь — эти чувства и в самом деле кажутся случайными, неоправданными. Но ведь если случайность повторяется — это уже закономерность.

Исключение инвалидов из полноценной общественной жизни не было случайным, оно было исторически обусловлено. Не случайной была ликвидация Всероссийского кооперативного союза, имевшего свои инвалидные артели, дававшие больным людям возможность зарабатывать и жить по-человечески. Ведь для государства-монополиста всякое объединение людей опасно: разобщенным обществом легче управлять. Вот почему во времена Хрущева были закрыты все артели, а инвалиды были отданы под опеку Минсобеса. Сделав инвалидов иждивенцами, просителями у государства. Система лишила их законного права защищать себя. Естественно, всякая попытка «нарушить тишину», потребовать себе места под солнцем беспощадно пресекалась, и применялись, как и ко всем инакомыслящим, дискриминационные меры, начиная от разгона демонстрации людей на колясках и кончая психушками и тюремным заключением. Трудно поверить, но в тюрьмы сажали и «сидячих», парализованных людей...

В хитроумной государственной машине все было предусмотрено: рабы величались в песнях хозяевами жизни и стремились занять свое место у кормушки. И — не пускать других, тех, кто слабее, при виде которых срабатывал проверенный психологический рефлекс: ишь ты, и он туда же! Рабская психология страшна тем, что порождает жестокость по отношению к более слабым и беззащитным, не могущим постоять за себя. Такой странной жестокости не понять со стороны. Один из поэтов, тяжелобольной человек, писал: «Этот своеобразный расизм здоровых ощущаешь только тогда, когда становишься инвалидом сам».

А теперь вернемся к философской стороне проблемы и вновь зададимся вопросом: для чего же все-таки существуют на свете инвалиды? Ясно ведь, что в

мире все устроено не просто так, а согласно некоему высшему плану, все имеет свой смысл.

Была, помнится, в инвалидной среде теория, согласно которой инвалиды будто бы аккумулировали в себе все те болезни, которые должны бы «поровну» достаться всем живущим на Земле. И уже, дескать, поэтому здоровые люди просто обязаны заботиться о больных, помогать им. Мне эта теория всегда казалась ущербной, порожденной все той же иждивенческой психологией, которую десятилетиями внедряли в человеческое сознание.

Существует еще и такое мнение, что неуклонное увеличение количества больных на планете — своего рода историческое возмездие человечеству за прогресс и за все зло, которое этот самый прогресс принес с собой: загрязнение окружающей среды, отказ от христианских заповедей, падение нравственности. Верующие люди вообще полагают, что каждый больной человек расплачивается за грехи предыдущих поколений, искупает их своими страданиями. Не смею судить, может быть, и так.

А может быть, все проще: каждый человек, каждое живое существо на Земле — это еще одна краска в картине бытия, и, не будь на свете людей страдающих, людей с физическими недостатками, эта картина была бы неполной? В телевизионном цикле передач «Беседы о культуре» профессор Ю. М. Лотман рассказывал как-то о произведениях мировой живописи как об одном из средств общественной жизни и, коснувшись полотен испанца Диего Веласкеса, на которых часто изображались карлики, задался вопросом: зачем художнику нужны были эти персонажи? И высказал свою точку зрения: затем, чтобы показать, что все в этом мире взаимосвязано — добро и зло, красота и уродство. И связано, и переплетено: столько в глазах этих уродливых человечков ума, одухотворенности, и в то же время в лицах особ царственных, имеющих и фигуры отличные, и вид представительный, столько пустоты, и несут на себе эти лица печать вырождения, подчас жестокости, порочности. Добро и зло едино присутствуют, в мире, и далеко не всегда внешность отвечает сущности.

Или все-таки истина близка к вышеупомянутой библейской притче, и тогда, согласно ей, инвалиды — это своеобразное зеркало, в котором общество видит себя, свое лицо?

Не так давно показали по телевидению американский документальный фильм «Вот пришел Джо» — о юноше, который родился с болезнью Дауна. Я не помню, сколько длился этот фильм, — так интересно было его смотреть, так непривычны для нас и сюжет, и сама идея, руководившая его создателями. Мать Джо разошлась с мужем из-за того, что тот хотел отдать больного мальчика в интернат. Она посвятила сыну всю жизнь. Мальчик не смог прижиться в большом городе, и они с матерью переехали в маленький городок. И вот произошло чудо. В городке, куда однажды «пришел Джо», все жители постепенно узнали его, сначала юношу, потом молодого человека. Узнали и признали, полюбили. Люди увидели в нем не несчастного человека, не инвалида, а равного им человека, который своей изначальной, ничем не замутненной добротой и открытостью пробудил в них, людях здоровых, чувство той самой доброты, которая исходила от него самого. Мы, зрители, видели, как светлы улыбки людей, идущих навстречу Джо, приветливы лица парикмахера, почтальона. Главное, что удалось показать авторам этого фильма и что мы поняли, — как этот самый парень по

имени Джо просто самим фактом своего существования изменил людей, их души.

Так, может быть, верны слова библейской притчи: «...Чтобы люди здоровые могли проявить в отношении слабых свою человеческую сущность»?

Или же существование инвалидов — это тайна, и люди разгадывают ее по-разному, в зависимости от своего мировоззрения, от времени, в котором они живут, — как и многие другие тайны бытия?

Кто знает...

ГОЛЬ НА ВЫДУМКУ ХИТРА

Некий профессор из Лондона, посетив Москву, с удивлением спросил своего переводчика, почему на улицах города он не видел инвалидов. Действительно, инвалидов у нас больше, чем в Европе и Америке, вместе взятых, но на улицах столицы их видишь редко¹. А вот недавно я смотрела телефильм об Англии и за сорок пять минут, что он длился, видела четырех колясочников: в зоопарке, на городской улице, в Гайд-парке. Тележурналист В. Молчанов рассказывал, как в Амстердаме, в музее Рембрандта, видел инвалидов в колясках с электрическим управлением: они постояли перед картиной «Ночной дозор» и поехали дальше смотреть произведения художника в соседних залах. В том же Лондоне для инвалидов предусмотрены на улицах подъезды и пандусы, бортики-спуски, а у входа в банк имеется специальная кнопка и висит объявление: «Просим инвалида нажать — к вам выйдет служитель». Увы, по сию пору справедливы слова, сказанные Пушкиным: «Что можно Лондону, то рано для Москвы!» Кто-то видел за границей даже полисмена в инвалидной коляске...

Да и вообще в телерепортажах зарубежных журналистов часто мелькают люди в инвалидных колясках — на улицах, на демонстрациях, на богослужениях, на стадионах, в концертных залах. И всякий раз, глядя на экран, удивляешься тому, как спокойно воспринимается это всеми здоровыми «там». Моя соседка, недавно побывавшая по экскурсионной путевке в Испании, сказала, что у нее сложилось впечатление, будто половина населения прибрежного города, где она отдыхала, инвалиды, — так много их было везде: и на улицах, у магазинов, и на пляже, среди загорающих на южном солнышке.

В чем тут дело? Историк Карамзин писал, что патриотизм требует рассуждений. А у нас, как известно, страна крайностей — либо все хулить, либо так же бездумно и безоглядно все хвалить. И восторженное нынешнее отношение к Западу, к его процветанию, к благополучной тамошней жизни — тоже очередная наша крайность. Увы, человечество еще не придумало такого общественного устройства, чтобы где-то, «в отдельно взятой стране», наступило всеобщее равенство и благоденствие для всех без исключения граждан. И капитализм, при всех его достижениях и высоком уровне жизни, как система достаточно жесток и жесток. Давно известно, что в странах «развитого капитализма» преобладает принцип выживаемости, а критерием оценки личности и условием успеха слу-

¹ Очень может быть, что это положение скоро изменится. Обнадёживают хорошие новости: началась долгожданная реконструкция столичных дорог «под инвалидов». Оборудуются пандусами Триумфальная, Пушкинская, Театральная площади. Тверская улица. Господи, быстрее бы!

жат прежде всего такие качества, как деловая хватка, предприимчивость, умение делать деньги.

А еще известно, что капиталисты, и вообще все богатые люди на Западе, очень практичны и денег на ветер не бросают. Так почему же тогда, спрашивается, инвалиды у них в целом живут лучше, и лучше устроены, и не являются такой уж обузой, и не режут глаз прохожим на улицах, как у нас? Да все потому же: государству и отдельно взятым предпринимателям это выгодно. Есть в лингвистике такой принцип — принцип разумной достаточности и необходимости. Так вот, в соответствии с этим принципом помогать немощным старикам, увечным — действительно выгодно. И дело тут не только в налоговой системе, которая обязывает предпринимателей давать работу инвалидам и освобождает их за это от колоссальных налогов. Дело еще и в том, что, приспособив для этой категории маломобильных граждан жилые дома, улицы и транспорт, государство освобождает себя от необходимости думать о том, как инвалиду передвигаться по городу, чтобы побывать в клинике, в магазине, в городском парке. То, что для нас все еще остается мечтой, уже давно стало стандартом западной жизни.

Создание специализированных реабилитационных центров, в которых есть и спецперсонал, и всевозможные тренажеры, приспособления, — тоже, надо думать, дело не дешевое, но и оно окупается с лихвой. Ведь инвалид, прошедший курс социальной реабилитации, учится быть максимально независимым в домашней жизни, в быту. Далее, получив в таком центре профессию по своим силам и возможностям, он начинает трудиться и зарабатывать деньги, то есть перестает быть иждивенцем, сидящим на шее у семьи и у того же государства. В результате, будучи материально обеспеченным, больной человек может позволить себе пользоваться теми же правами на отдых, что и другие, он путешествует, лечится на курортах, бывает в кафе, в театрах и концертных залах. Причем выигрывают от такой социальной политики обе стороны: инвалид чувствует себя полноправным членом общества, а общество может заботиться уже только о самых беспомощных людях, не способных трудиться в силу возраста или тяжелого недуга, врожденного или приобретенного увечья.

В последние годы появились у нас переводы книг шведской женщины-инвалида Джонни Эриксон Тада. В первой из них, «Джонни», автор рассказывает о себе, о том, как пришла она к религиозному движению, активным членом которого является. Когда я читала эту книгу, мой друг, тоже инвалид, все допытывался у меня, что именно пишет Джонни о своей инвалидной жизни — ведь она шейница, то есть человек, почти полностью обездвиженный, зависимый от окружающих, от бытовых условий. Но удовлетворить любопытство своего друга я практически так и не смогла — нашла в повествовании лишь несколько эпизодов пребывания девушки в клинике после травмы. Описывалось, к примеру, как она лежала на особой функциональной кровати, сетка-матрац которой вращалась вокруг оси, чтобы не было пролежней, а когда Джонни приходилось лежать на животе, ее голова была опущена в прорезь парусинового матраца, и она могла читать положенные на пол книги. Не нашла я никаких подробностей инвалидного бытоустройства — настолько, видимо, все у нее в доме и в жизни было предусмотрено и приспособлено, что подразумевалось само собой и позволяло этой девушке сосредоточиться на духовном, объездить полмира, петь под гитару, писать книги... Конечно же, пример Джонни исключительный, человек она очень состоятельный. И все же, все же, все же...

Кажется, году в 79-м на очередной международной выставке «Медтехника» впервые была представлена немецкая фирма «Майра». Подарили мне тогда каталог этой фирмы. Это было потрясением для нашего брата — увидеть, как «там, у них» думают об инвалидах. Чего только нет и в последних каталогах прославленной на весь мир фирмы: комнатные и прогулочные, с электродвигателями, коляски, всевозможные приспособления для дома, для работы, для личной гигиены. Все предусмотрено для максимально возможной «автономизации» жизни, для независимости физически беспомощного человека. Как говорится, нам и не снилось...

По контрасту вспоминается эпизод из собственной жизни. Вторая бесплатная коляска, полученная мною, была производства Рижского завода, складная. Когда ее привезли домой, собрали и усадили меня в нее, мама разочарованно, с какой-то печально-презрительной интонацией сказала:

— Ой, ну ты прямо как инвалид!

Было смешно...

Но ежели серьезно, это было бы смешно, кабы не было так грустно. «Куйбышевка», первая моя коляска², была тяжелая, не складная, и в такой коляске долгие годы «гуляли», а многие и по сей день ею пользуются, инвалиды, особенно на периферии. Она была громоздкая, держать ее в малогабаритной квартире практически невозможно, и у меня она стояла в маленькой кладовочке под лестницей в подъезде. Однако же эта самая коляска, как русская телега, — вездеход, она хороша при езде по «резко пересеченной местности», преодолевает все рытвины и колдобины наших российских дорог.

Я имела случай убедиться в этом, уже имея в своем распоряжении югославскую прогулочную коляску, сделанную «под Майру». Конечно, выполнена она хуже, ее рычагами может управлять лишь инвалид, имеющий сильные руки, тогда как на немецкой рычажке прекрасно катаются даже шейники с полупарализованными руками, но внешне моя «югославка» была вполне респектабельна. И вот летом, уже после смерти мамы, друзья решили вывезти меня погулять в Тимирязевский парк. Проведя полдня на поляне, мы двинулись в обратный путь. То ли переднее колесо наткнулось на корягу, то ли камень подвернулся, но раздался треск-хруст, и колесо отвалилось. Хорошо, что соседка с первого этажа была дома и открыла кладовку под лестницей! На старой-престарой «куйбышевке» со спущенными шинами меня благополучно транспортировали домой, а колесо приварили в НИИ с помощью местного «дяди Васи».

А вот следующая по времени получения рижская коляска, складная, делалась гораздо позже, но все достоинства новой модели сводились лишь к тому, что ее можно было складывать. Проверки на прочность она не выдержала, разваливалась на ходу: моя знакомая застряла на ней в самом центре Москвы — сломалась ось. И опять же она была тяжелой и с низкой посадкой, из-за которой провисаешь в ней, даже сидя на подушке.

Все импортные коляски, конечно, дороги, и это естественно, но надо видеть, как они сделаны! Сидя в такой коляске, я чувствую себя человеком, я «смотрюсь», везут ли меня или еду сама. И разве наши коляски идут в сравнение с элегантными иноземными красавицами?

² Кстати, подробные характеристики всех колясок, присутствующих на российском рынке, читатель может найти в книге Л. Индолева «Тем, кто в коляске и рядом с ними» (Пермь: «Здравствуй», 1995), в частности в главе «Как выбрать коляску».

Когда я говорю о том, что инвалидная техника у нас «на грани фантастики», невольно вспоминаю давний эпизод. Вез меня, еще на «куйбышевке», по аллее парка хороший знакомый, молодой парень, а коляска все норовила свернуть налево, и ему приходилось прилагать усилия, чтобы она не свалилась в кювет. А мне самой было не до того: запрокинув голову, я смотрела в небо сквозь ажурную листву высоких деревьев, слушала веселую переключку лесных пичужек, наслаждалась меняющимися картинками. И вдруг обратила внимание на то, как тяжело дышит измученный плохим ходом коляски мой «возчик». Не выдержав, он сказал:

— Ракеты космические изобрели и не могут придумать такой коляски, чтобы, как катер на воздушной подушке, сама катилась, а я бы придерживал ее да направлял!

Что же удивляться редкому появлению инвалидов-опорников на улицах, если отечественные модели прогулочных колясок выглядят монстрами, режут глаз своим видом, как и мотоколяски, имевшие в обиходе прозвища «Матильда», «Мотя». Слава Богу, их теперь мало осталось, и чаще видны «Запорожцы» и «Москвичи» с ручным управлением.

Но это, что называется, на публике, на улице. А вот дома, в обиходе такая импортная красotka далеко не всем подойдет: она ведь рассчитана на большие квартиры и широкие в проемах двери. В наших «хрущобных» домах такая коляска, по сути, бесполезна. Отсюда — обилие самодельных или переделанных комнатных колясок в домах, где есть инвалиды: идет неизбежная подгонка «под себя». Каждый вынужден приспособливаться к своим условиям жизни и совершенствовать свое житие с учетом собственных физических возможностей.

Великое множество поговорок и пословиц есть в русском языке на все случаи жизни: «Хочешь жить — умей вертеться», «С миру по нитке — голому рубаха», «Не боги горшки обжигают», «Голь на выдумку хитра», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Они придуманы как будто бы для нас, людей, которым больше, чем другим, приходится приноравливаться к меняющимся обстоятельствам, выбираться из самых разных и порой очень непростых ситуаций, надеясь либо на друзей, либо просто на хороших людей. Зачастую же — только на себя.

А ведь головы российские тоже не из последних, недаром нашу страну называют страной Левшей. Помню, давным-давно мама рассказывала, как наши полиграфисты ездили в командировку в тогдашнюю ГДР. Так вот, в Германии говорили, что русские печатники способны сделать из четырех-пяти красок цветную репродукцию с картины более качественную, приближенную к оригиналу, нежели немецкие — из десяти-пятнадцати. Вот так. И разве не талантлив был тот инженер из маминой типографии, который придумал и сотворил для меня коляску из самых простых подручных материалов, в глаза меня ни разу не видевший? Ту самую, родную, отечественную, на которой я сижу дома с самого начала своей болезни и по сию пору.

Если вернуться к красочным каталогам фирмы «Майра», то я уверена, что, глядя на всевозможные бытовые приспособления — для еды, чтения, письма, пересадки с коляски на кровать или в ванну, наши инвалиды думают: а вот это можно было бы и для меня сделать, а это — почти то же, что у меня есть, но — лучше, а вот над этим стоит немного подумать, может, и мы сделаем.

Кажется, Паскаль сказал, что человек — не более чем тростник, самый слабый в природе, но этот тростник мыслит. Вот и мыслят, и придумывают инвалиды всю жизнь, не имея порой ни чертежей, ни технического образования. Немного смекалки да умелые руки — вот что нужно. Правда, руки-то, как правило, чужие, и не всегда они рядом, руки эти. Хорошо, если существует в твоей жизни человек, который может найти где-то нужный материал и сделать необходимое приспособление для инвалида.

Жизнь постоянно заставляет искать и находить, думать и изобретать. Да я сама когда-то, в восемнадцать лет, чисто интуитивно придумала себе колесноупор, хотя и названия-то такого не знала! Просто попросила маму прибить фанеру между двумя тумбами письменного стола, за которым сидела в коляске. Да на доску повесили сложенное в несколько раз одеяло. Я клала на стол подушку, поднималась на руках и, навалившись на подушку, таким образом «стояла», не чувствуя ног своих, но упираясь коленями в эту доску. Через восемь лет, когда врачи Боткинской больницы задумали сделать мне аппараты для ходьбы, они были удивлены неплохим состоянием моих мышц, слабеньких, но позволивших поставить меня на ноги, в «вертикаль».

Ну, а в нынешней квартире, тоже постепенно, появлялись у меня все новые, необходимые для жизни больного человека придумки, приспособления, устройства.

— Так, простите, мне звонят в дверь, — не сдвигаясь с места, я протягиваю руку к боковине стола и нажимаю тумблер. Раздается громкий выстрел-щелчок, и, толкнув дверь, входит соседка. Причем, звонков на входной двери у меня два — обычный, электрический, и валдайский колокольчик. И по тому, как звонят, в который из двух, я почти всегда определяю, свой человек ко мне пришел или кто-то незнакомый.

— Ой, минуточку, листок бумаги на пол упал! — опираясь на одну руку, другой беру специальную палку-зажим и, наклонившись, поднимаю бумажку. Подняла, положила на место, а палку повесила на боковину стола.

— Кто там? — спрашиваю я, уже лежа в постели, в переговорное устройство, висящее над диваном. «Переговорку» сделал мне мой друг со товарищи, а электронную коробку прислали когда-то бандеролью из Прибалтики.

Да, я же не сказала о балконе! Архитекторы времен Хрущева были люди мудреные: помимо подоконников-огрызков, на которых не могут толком стоять горшки с цветами, они зачем-то опустили пол у балкона аж на двадцать сантиметров. И сосед по подъезду, столяр, соорудил мне на балконе деревянный помост, на который я въезжаю по специальной дощечке-пандусу, кладущейся всякий раз у порога балкона. Поднимаю и опускаю я этот пандус с помощью палки и проволочной петли на доске.

Летними днями и теплыми осенними вечерами я выезжаю на этот пяточок и сижу там за «столом» — им служит положенная поперек балкона гладильная доска, под которой стоит стул с плотной подушкой: на него я кладу свои вечно отекающие ноги. Книгу или журнал, правда, приходится придерживать рукой, но — идеала нет. Не сомневаюсь, что моя фотография в таком самодельном интерьере не украсила бы рекламный проспект, но мне так удобно, я читаю, пишу, и потом — я сама это все придумала, сбила, сшила, склеила: жизнь заставила, мысль сработала, добрые руки сделали.

И коляску-то свою всю жизнь обиваешь, меняешь с чьей-нибудь помощью подлокотники, сиденье, обшиваешь, обклеиваешь. А уж колеса переделывает-прилаживает мой друг, который сделал мне на своем заводе и металлическую раму-петлю для пересадки с коляски на диван, когда настала пора страховать себя от возможного падения. И если кто-то из гостей спрашивает, что это такое, я шутя отвечаю, что появление в нашем районе летающих тарелок связано с желанием космических пришельцев понять назначение этой оригинальной конструкции в моем доме.

Любопытный человек, впервые переступивший порог моей квартиры, оглядевшись, непременно задает вопросы. Например, увидев на столе пишущую машинку, спрашивает: «Вы печатаете?», картины на стенах: «Вы рисуете?», а швейную машинку на столе: «Вы что, шьете?». Ну, машинку пишущую можно и убрать, про картины рассказать, а вот со швейной машинкой сложнее. Да, я шью себе кое-что по необходимости, но вторая причина постоянного пребывания на столе древней машинки «Зингер» не всем известна: она «заземляет», утяжеляет этот самый стол, стоящий посередине комнаты, чтобы он от меня не отъехал, когда я, опираясь на него, проезжаю мимо. Мой инвалидный быт диктует «многофункциональность» некоторых предметов в доме. Я, например, ворчу, если кто-то брал из стола длинную ученическую линейку и не положил на место: она ведь у меня не только и не столько линейка, она нужна для передвижения предметов по полу.

Я уж не говорю о том, сколько разных палок и палочек стоит, лежит, висит в разных местах квартиры. Вон та, что на подоконнике, — чтобы ставить на место пандус, держа его на весу. Эта, длинная, — чтобы раздвигать оконные шторы или придвинуть что-то далеко лежащее. Та, что в ванной, — для развешивания белья на веревках, а та, что в коридоре, — чтобы убирать с дороги забытые посетителем домашние тапочки или отогнуть коврик у самой двери. Деревянная ручка, прибитая в центре стены-ниши, служит для того, чтобы, проезжая мимо, оттолкнуться от нее и не застрять посреди комнаты. А еще одна дверная ручка вбита прямо через ковер в стену над диваном, чтобы ночью, держась за нее, переворачивать себя в постели. Все в доме моем «не просто так», и все должно быть по возможности на своем месте и в пределах досягаемости, иначе в какой-то момент я могу остаться обезоруженной, ведь подать мне нужную вещь некому.

Все, что необходимо и возможно, подогнано именно под меня, под конкретную ситуацию и мои физические возможности. Вот почему, когда меня, из самых добрых побуждений, приглашают в гости с ночевкой или даже пожить, переменить обстановку, я благодарю и отказываюсь. Трудно объяснить хорошим людям формулу-отказ: «Спасибо большое, но это все очень сложно». Трудно объяснить, что для меня имеют значение каждый пустяк, каждая бытовая деталь, например, с какой стороны я могу пересесть на кровать. В гости с собой мне пришлось бы взять и доску под матрац, и подушечки под спину — она, искривленная болезнью, того требует, — и еще многое другое. Да, все устроено у меня в доме далеко не идеально и не выдерживает критики с эстетической точки зрения, но все это — мое. Все «исторически сложилось» именно так, а не иначе, и складывалось не в один день, а годами. Надо сказать, что и в санатории в первые дни пребывания всякий раз идет неизбежное обустройство, начиная с матраца и кончая шитьем подушек для сиденья и под спинку коляски — иначе нельзя...

Один из героев знаменитого романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо», аббат Фариа, говорит: «Несчастье раскрывает тайные богатства человеческого ума; для того, чтобы порох дал взрыв, его надо сжать. Тюрьма сосредоточила все мои способности, рассеянные в разных направлениях; они столкнулись на узком пространстве...» На узком пространстве своей комнаты или квартиры инвалид вынужден сосредоточиваться на своем повседневном житье-бытье, и если вся жизнь, как говорят, состоит из мелочей, то от многих бытовых мелочей напрямую зависит степень самостоятельности больного человека, его независимости от окружающих, максимальной «автономизации».

«Помоги себе сам!» — эти слова в быту, в жизни инвалида приобретают особое значение, становятся принципом. Могут себе представить, какое количество всевозможных устройств, приспособлений придумывают сами инвалиды! И делают их из имеющихся подручных материалов, с чьей-то помощью. Об этом узнаешь из разговоров в санатории, при случайных встречах в медучреждениях и порой с готовностью перенимаешь чужой опыт, чужую подсказку.

Теперь и в журнале «Красный Крест России», и в инвалидном «Преодолении» даются чертежи и описания несложных технических приспособлений, изобретенных самими опорниками. Лишь часть подобных материалов является перепечаткой из зарубежных изданий. Большинство же домашних усовершенствований, маленьких хитростей — ноу-хау, плод самодеятельного творчества.

Моя знакомая сама садится в кровати, которую ей переделали в функциональную, то есть с поднимающейся головной частью. Это самодельное подъемное устройство, состоящее из автомобильной камеры, компрессора, подзарядного устройства и выключателей. Я не знаю, кто это все придумал и сделал, наверное, два-три человека потрудились, чтобы женщина с полупарализованными руками могла, приняв сидячую позу, переползать с кровати на коляску без посторонней помощи.

Другая женщина по чьей-то подсказке сумела приспособить сиденье и спинку куйбышевской коляски, имеющей свои особенности, для пользования туалетом. Множество подобных приспособлений, немудрящих, но облегчающих жизнь инвалида, я знаю и от других, и из собственного опыта: вот дощечка, оббитая мягкой тканью, хороша для пересадки на коляску; зеркало на кронштейне, прикрепленное к стене у кровати, — чтобы лежачий больной мог смотреть телевизор, стоящий у него за спиной; громкоговорящее устройство при телефоне позволяет говорить, не пользуясь телефонной трубкой, нажимая носом (!) висячую кнопку, головная телефонная гарнитура дает возможность и работать, и разговаривать одновременно, и т. д., в т. п. Каждый, я думаю, приведет свои примеры разнообразных устройств и приспособлений.

Помню, как я удивила женщину из Архангельской области, отдохавшую со мной в санатории, показав ей нехитрую заколку на чулках, стягивающую колени, чтобы ноги ровно стояли на подножке инвалидной коляски. А вот пример более серьезный. Когда я осталась одна, передо мной остро встала проблема пересадки на коляску с кровати — всю жизнь мне помогала мама. Несколько дней я пересаживалась сама, с большим риском упасть: ставила коляску, как при маме, под острым углом к кровати и «перепрыгивала» на нее, упираясь руками в подлокотник и сиденье. Потом поняла, что в любой день это может плохо кончиться, расстроилась-опечалилась, и вдруг — щелчок в мозгу! — вспомнила. Я вспомнила, как была устроена функциональная кровать в санатории, вспомнила,

что при пересадке на нее коляска стояла строго перпендикулярно к кровати, и я втягивала себя на коляску, опершись рукой на ее сиденье. Правда, у санаторской коляски были тормоза, а у моей самодельной их нет и быть не может. Но зато у моей — три колеса; если упираешься, заведя руки назад, в ее сиденье, то она становится как бы рамой на пол, и тогда можно втянуть себя на это сиденье. Небольшой риск, что коляска отъедет, остается, но он не так уж велик.

Позже, когда мой диван пришел в негодность, соседка по площадке как раз меняла у себя мебель и отдала мне свой, еще крепкий. Я побывала у нее, все измерила и, учтя особенности пересадки с дивана на коляску и обратно, завысила «новый» диван сантиметров на десять, воспользовавшись досками своего старого ложа. Конечно, мастерила это сосед-столяр, но все моменты и все детали просчитывались мной, ибо здесь важен каждый сантиметр, каждый угол наклона.

«Худо худу не равно», мы все разные, и болезни у нас разные, и поражения конечностей — тоже. Вот почему, получив в свое распоряжение коляску, ее зачастую доводят дома: кому-то зауживают, кому-то снимают обода, чтобы можно было проехать в дверной проем — в общем, доводят до ума. Вот почему красивая импортная коляска может оказаться непригодной для одного больного и отлично подойдет для другого, живущего в иных условиях, ведущего иной образ жизни. И вот почему я вынуждена периодически ставить парализованные ноги на какое-то возвышение: моя «вездепроезжающая» коляска не имеет подножек, ноги стоят на раме неправильно и быстро отекают.

Так что, глядя на умело продуманные и красивые приспособления фирмы «Майра», всякий раз мысленно прикидываю-примеряю на себя: это вот хорошо, но, увы, для меня не подошло бы. Например, подъемник для ванны — да он такой, как на картинке, просто не поместится в моем крохотном санузле, не говоря уже о том, что и сидеть на нем я не смогу так, как сидит мужчина на фото: мышцы спины у меня парализованы, я держусь только за счет рук, и как ни крути, меня надо опускать на дно ванны, дабы я могла держаться за ее края, пока меня моют. У каждого свои возможности, и им не соответствует то, что я вижу в каталоге. Как говорится, тот же блин, да на другом бы блюде...

Помню, как в южном санатории, когда на аллеях парка рычажных колясок зарубежного производства еще не было видно, мы с удивлением провожали взглядом мужчину-инвалида, который не спеша катил в самодельной коляске — некоей помеси велосипеда (видна была цепная передача) и «куйбышевки». Двигался мужчина, не крутя колеса ободами, а вращая специальные ручки, расположенные по бокам, на уровне опущенных вниз рук. Вряд ли ее владелец, а возможно, и создатель, считал свою коляску высшим достижением конструкторской мысли и, надеюсь, не слышал, как в народе ее прозвали «мясорубкой». Но неподвижный торс и посадка инвалида подсказывали, что и руки у него частично парализованы, и потому, какой бы внешне ни была эта непривычная коляска, сработана она была именно и только для него, с учетом его физических особенностей.

Непременное условие жизни инвалида — «техника безопасности», связанная с ограниченными физическими возможностями. И в пределах квартиры, и на улице, и в санатории — везде приходится быть осторожным, чтобы, не приведи Господи, не упасть, не подвернуть ногу, не ушибиться. Падать мне доводилось, к счастью, в аппаратах, которые вместе с корсетом, как скафандр, защитили от несчастия. В санатории мне пришлось первые дни пристегивать себя ремнем к

спинке новой рычажки: освоить ее перед отъездом я не успела и потому при движении могла запросто вывалиться.

Неизбежными в быту были и ожоги — от горячей батареи, к которой случайно прислонилась коленом, от грелки, приложенной к простуженному боку. Да и корсеты, коих за свою жизнь переносила я немало, вызывали потертости, раны металлическими шинами, жесткой кожей. Все эти «прелести» инвалидного бытия, увы, неизбежны, и всю жизнь боишься не синяков и ссадин на руках, а потертостей на ногах, на теле, не говоря уже о более серьезном — о пролежнях.

Бдительность и осторожность здесь требуются постоянные. Не забуду крика женщины в санатории: подошедшая сзади санитарка, не предупредив больную, резко двинула коляску вверх по пандусу, ведущему к грязелечебнице. От сильного толчка спинальную выбросило из коляски на пол, она сломала и так неподвижную ногу. Я сама однажды только чудом спаслась от падения на улице: увлекшись быстрой ездой под гору, не вписалась в поворот, и коляску завернуло прямо в кювет. Спасло меня то, что у самой кромки тротуара были густые кусты и коляска буквально зависла на них под опасным углом, а вынул меня оттуда случайный прохожий. С тех пор я старалась всегда быть начеку, объезжала ненадежные дорожки и спуски, понимая, что, ежели что случится, не миновать беды: у хроников все хрупко — и кости, и мышцы, и связки.

Да, все, что относится к быту, требует от инвалида предельной осторожности, и чем больше стаж болезни, тем меньше полагаешься на свои силы и тем больше разных страховочных приспособлений приходится придумывать. У меня это мною же изобретенная подушка-тормоз с проволочной ручкой — для коляски; металлическая рама-петля над кроватью и крючки на ремнях вокруг матраца — для пересадки.

Заключенные, в каменных и бетонных клетках своих домов инвалиды, даже имея родных, не всегда могут выехать на улицу погулять, если в доме нет лифта. Некоторые добиваются в своих РЭУ и ДЭЗах установки поручней у дверей подъездов и заливки цементом двух-трех ступенек перед площадкой первого этажа. Я знаю двух женщин, которые выезжают на улицу... через балконную дверь. Нет-нет, с ними все в порядке, просто балконы у них — на первом этаже, в домах с высоким цоколем, и, застеклив балкон, сделав в нем дверь с довольно крутым пандусом, они, с чьей-нибудь помощью, съезжают по нему на коляске прямо во двор.

Но какими усилиями это достигается, сколько нервов при этом тратится! Ведь не было и нет четких постановлений на сей счет, и нет своих инвалидных мастерских, которые работали бы специально для нашего брата, и нет материала, нет никаких чертежей, схем... Нет ничего, кроме проблем. у

...А меж тем жизнь идет-продолжается и ежедневно подбрасывает нам задачи, которые требуют немедленного решения. Каждому — свои. Вот и мне опять предстоит решить одну такую: друг сделал для моей старушки коляски новое сиденье, а оно оказалось на два сантиметра выше дивана, на котором я сплю. И я должна срочно придумать, каким способом зависить уровень постели, чтобы без риска пересаживаться. Снова твори, выдумывай, пробуй.

Стоп, эврика! Кажется, я уже кое-что придумала... Ну почему же мне сразу-то в голову не пришло, это ведь так просто?! «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух...»

ПОМОГИ СЕБЕ САМ

Ах, если бы речь шла только о приспособлениях да усовершенствованиях!.. Инвалид брошен на произвол судьбы в едва ли не самом главном — во всем, что касается непосредственно его здоровья.

Как прекрасны слова Авиценны: «Здоровье сохранять — задача медицины, болезнь понять и устранить причины». Уж какой там Авиценна, если врачи у нас, не по своей, конечно, воле, превратились постепенно не столько в лекарей, сколько в писарей.

Меня всегда умиляла запись-рекомендация, которую делали врачи в конце санаторской книжечки с перечнем процедур: «Находиться под наблюдением невропатолога». Господи, да мне кажется, лишь один из пятидесяти таких, как мы, тяжелобольных людей, действительно наблюдается невропатологами районной поликлиники. Я, к примеру, встречаюсь со своим «профильным» врачом в основном, чтобы получить нужную справку или рецепт на лекарство, которое, можно сказать, сама себе прописала. Да, мы — «хроникально-документальные» больные, то есть больные-хроники, со стажем, да порой еще каким! И потому поневоле про свое заболевание каждый из нас знает не меньше, а в чем-то даже больше, чем врач-профессионал: коли живешь всю жизнь со своей болячкой, то, и не имея специальных знаний, постепенно узнаешь, как действуют на тебя те или иные препараты, как и почему происходят ухудшения в организме и — чем тебе лучше не лечиться.

Дело в том, что многие заболевания, связанные с повреждением спинного мозга, несмотря на обилие докторских диссертаций, не изучены настолько, чтобы можно было безоговорочно положиться на рекомендуемые препараты, а механизм некоторых болезней для специалистов и до сих пор загадка. В большинстве своем мы — отказники, больные, от которых врачи отказались, ибо помочь не в силах. Вот почему, вверив себя медикам и горько разочаровавшись, больные просто стараются делать все возможное, чтобы не ухудшать свое состояние. Помню, как один парень в санатории советовался с другим, соглашаться ли ему на операцию. Диалог был кратким:

– Ты как сейчас мочишься?

– По часам.

– А после операции часы тебе не понадобятся, будешь мочиться постоянно.

Это говорилось не в 50-х годах, когда оперировали меня, это в 80-х...

Безразличие к отдельному, конкретному человеку, внедренное во все области нашей жизни, самым жестоким образом сказалось на медицине. Вопреки красивому лозунгу «Лечить больного, а не болезнь» индивидуального подхода больному не было, да и быть не могло. И потому квалифицированная медицинская помощь медленно, но верно замещалась-заменялась в народе самолечением. Что уж говорить об инвалидах, которым и поликлиника-то практически недоступна.

Моя знакомая, у которой помимо больного позвоночника пострадала психика, долгие годы живет на психотропных препаратах. Каково же было мое удивление, когда я узнала, что группу лекарств, которые она принимает ежедневно, она подобрала себе когда-то сама! Расспросив врачей и проанализировав свое состояние, она установила предельно допустимую дозировку, необходимую ей для поддержания нормального состояния.

Многие годы я сама себе «клепала» пломбы на больные зубы, пломбы, которые вылетали через неделю после посещения стоматолога, — завела дома нехитрый набор необходимых препаратов и пломбировала, — а что было делать?

Как и во многом другом, подсказки самого организма определяли наличие лекарств у меня в доме. Привычная домашняя аптека с возрастом и стажем болезни неизбежно пополнялась новыми препаратами, причем, как правило, без врачебной подсказки, самостоятельно подобранные, порой — с оглядкой на опыт товарищей по несчастью. Даже в санатории, когда врачи после обследования назначают курс лечения, ты сам выбираешь себе нужные процедуры, отказываясь от тех, что, по твоему разумению, вредны. Йоги, между прочим, вообще считают, что если к тридцати годам ты сам себе не доктор, ты — дурак.

Но если серьезно, то во многом самолечение идет по принципу «авось, небось да как-нибудь». Многие больные-спинальники обращаются к нетрадиционным методам лечения и зачастую получают результаты негативные: пьют, например, всевозможные травяные настои, но после многомесячных курсов лечения состояние здоровья ухудшается, ибо ни у продавцов-лекарей, ни у больных нет четких знаний всех особенностей фитотерапии.

А ведь именно обездвиженный человек прежде всего нуждается в адаптационных рекомендациях, в знании саморегуляционных возможностей организма, в комплексном лечении.

В зарубежных реабилитационных центрах есть даже такая профессия — купационный терапевт. Его главная задача — социально-бытовая реабилитация инвалида, а ведь это целая наука: как самому одеться, как обуть парализованные ноги, как пересаживаться на коляску и т. п. Увы, наш «отечественный» инвалид постигает эту науку сам, на собственном опыте, методом проб и ошибок.

Как-то по случаю принесли мне на дом видео, и посмотрела я фильм, отснятый в международном реабилитационном центре в Швеции. Надо было видеть, как свободно и раскованно чувствовали себя люди в колясках, собравшиеся сюда из многих стран мира, и как доброжелательно относились ко всем и тренеры, и обслуживающий персонал! Колясочники на спортплощадке играли в волейбол и гоняли по шоссе на особых «активных» моделях колясок. А на поле со специальными досками, имитирующими лестничные ступени, один инвалид обучал других без посторонней помощи подниматься и спускаться по лестнице, лишенной приспособлений. Стоящие рядом здоровые молодые люди лишь подстраховывали ребят, не более. Грустно стало мне после просмотра этого фильма...

Но рядом с грустью живет надежда. Живет мечта о том, что и у нас появятся когда-нибудь настоящие центры реабилитации с консультативной службой, в которой все — и психоанализ, и фитотерапия, и нетрадиционные методы лечения — будет на вооружении специалистов по заболеваниям спинного мозга. Чтобы, подходя сугубо индивидуально к каждому больному, врачи могли бы оказать действенную помощь, подсказать, посоветовать. Ведь что нужно хроничку? Поддержание нормального общего состояния, облегчение болей, создание благоприятного режима дня, включающего и посильные физические упражнения, массаж, аутотренинг, релаксацию. Но обо всем этом, повторяю, можно говорить лишь в мечтательном наклонении...

Пока же различные рецепты лечения трофических язв, пролежней, потертой, отеков, а также описания физических упражнений разбросаны по разным журналам. Вот почему, пока суд да дело, всем нашим органам печати, телевиде-

нию, где появилась программа для инвалидов, нужно почаще давать подобную информацию, чтобы можно было воочию увидеть, какие упражнения для мышц или пораженных контрактурой суставов можно делать дома, исходя из медицинских показаний, прочитать либо услышать, какие домашние средства помогают при тех или иных обстоятельствах, получить совет, как родным и близким ухаживать за лежащим больным... И, наконец, увидеть, какие приспособления облегчают жизнь и быт инвалида.

В главе «Голь на выдумки хитра» я писала о том, как совершенствовала под свои возможности собственный дом, какие простые, на первый взгляд, но физически выстраданные, «подсказанные кожей» приспособления придумывают обездвиженные люди. Но как рассказать о них всем? Как помочь тем, кто еще «не догадался», чтобы не мучился изобретением очередного велосипеда? Ведь в нашем бытовании цена такому изобретению — боли и муки беззащитности, беспомощности, бессилия.

Такие центры, о которых мечтается, могли бы стать средоточием подобных больших и маленьких открытий, находок, придумок, изобретений, копилкой и распространителем подлинно народного опыта.

Наконец, при таких центрах могли бы существовать небольшие предприятия, где одни инвалиды осуществляли бы свои изобретательские задумки, а другие — за доступную плату заказывали нужную ортопедическую обувь, аппараты, протезы, корсеты. В этих малых предприятиях могли бы наконец осуществиться мечты инвалидов об индивидуальном обслуживании.

Я не помню своего первого корсета, который надели на меня после операции на позвоночнике в институте имени Бурденко. Но все остальные, что я переносила за свою инвалидную жизнь, делались в Центральном институте протезирования и ортопедии. И каждый раз, через четыре-пять лет, накануне поездок туда, начиная с первой, когда изготавливают гипсовый слепок, и кончая последней, «примерочной», мама не спала всю ночь. И дело было не только в том, что поездка требовала подготовки и хлопот: кто, как снесет меня вниз, пересадит из такси в коляску на месте, в институте. Нет, главное — она знала, как тяжело придется нам там, в кабинете, где врачи и техники заняты своим прямым делом, а вот поддержать, пересадить на кушетку, поднять — некому. Для таких больных, как я, самое страшное, можно даже сказать, «лобное» место на протезном заводе — это так называемая виселица, умопомрачительное и до жути примитивное сооружение, предназначенное для вытяжки позвоночника при изготовлении гипсового слепка. Для ходячего больного это не страшно: он встанет на специальный помост, ему наденут на голову ременную «узду», придадут телу нужную позу и начнут лепить. Но если ты не чувствуешь собственных ног, если мышцы спины парализованы и не держат — вот это ужас! Техники лепят, врач наблюдает, а держат тебя в вертикальном положении уже те, кого удалось привезти с собой. Иначе в дело вынуждены включаться и врач, и техники, что, разумеется, качества не улучшает.

Процедура эта незабываема: все время экзекуции приходится держаться руками за металлические столбы, расположенные на расстоянии вытянутых рук. А чего стоит сама «удавка» — ременной ошейник для вытяжки головы и туловища, который периодически сползает и грозит тебя задушить, а ты и сказать-то ничего не можешь — подбородок зажат! Остается только Богу молиться, чтобы поскорее все это закончилось.

Спустя месяц-другой следует первая примерка на заводе, за ней вторая, и при удачном раскладе получаешь наконец в руки готовое изделие. Готовое? О нет, дальше начинается собственная твоя работа: подгонка, переделка, отделка, пришивание подушечек, чтобы не возникли потертости. Ибо корсет — это твоя вторая кожа, и в ней тебе сидеть-дышать изо дня в день, в ней тебе жить. Шорные работы длятся порой с месяц, не говоря уже о неизбежных последующих «реставрациях», починках и заменах ломающихся металлических шин на заводе. Чтобы как можно реже переживать эту муку мученическую — делать новый корсет или аппараты, — чинишь-перечиниваешь, латаешь кожно-металлическое изделие «до упора», пока еще можно терпеть, пока совсем не развалится...

И что интересно — институт новый построили, в нем современные интерьеры, пластик кругом и телевизор в коридоре, а главное — качество работы и обслуживание больных — не улучшается, «виселица» так и стоит! Московский институт протезирования с клиникой-стационаром — это единственное и уникальное в своем роде заведение, но многие инвалиды-протезники не могут носить изготовленные там протезы, потому что они натирают кожу, образуют мозоли, раны. Массовое, конвейерное производство ориентировано по-прежнему на некоего «среднестатистического» потребителя, но ведь двух одинаковых увечий не бывает и быть не может. А дефективный протез может вконец испортить жизнь больному человеку.

Когда-то, еще в послевоенные годы, были у нас искусные шорники, мастера, лепщики. Позднее их сделали «придатком» машинного производства. И некуда теперь инвалиду-протезнику податься, и всюду слышишь: «Я бы лучше заплачу, но чтоб сделали легкие и удобные». Гигантомания обернулась деградацией целой отрасли здравоохранения и привела к упадку большого и нужного дела.

Как же не мечтать мне и мне подобным о маленькой уютной мастерской, где тебя понимают, твою беду разумеют и умеют ей помочь?

Как же не тосковать нам, инвалидам, о своем реабилитационном, адаптационном центре, где тебе помогали бы при всей неодолимости-неизлечимости недуга поддерживать, насколько это возможно, сносное общее состояние?

И как же, грезя о таком центре, не обращать с надеждой взор на родимое Общество инвалидов?

И ОПЫТ, СЫН ОШИБОК ТРУДНЫХ...

«Прошу вас, в порядке исключения, помочь мне... прошу разрешить...» Кому из инвалидов не знакома эта сакраментальная фраза из писем во всевозможные инстанции, учреждения и ведомства! Фраза эта предваряла самые разнообразные просьбы, начиная с лекарств и кончая подпиской на редкое издание.

Трудовая моя биография, если судить по книжке, невелика: год работы в артели — для получения начальной мизерной пенсии, два с половиной года на госпредприятии — для «нормальной» пенсии по инвалидности, да еще три года надомной работы на фабрике, применяющей труд инвалидов. Хотя были еще двенадцать лет рецензирования в издательстве, но эти годы вроде как не в счет: работа была внештатной. Спрашивается: как я отношусь к такому трудовому стажу? Спокойно отношусь: три с половиной года я отработала ради пенсии и еще три — ради и только для того, чтобы съездить по бесплатной путевке в санаторий.

Да, официально я работала немного. Почему? «Вроде не бездельница, и могла бы жить», то есть работать. Да потому, что все виды работ для инвалидов, которые существовали и существуют поныне, так скучны и так одуряюще тупы, что берутся за них тяжелобольные люди только ради заработка, чтобы вносить посильную лепту в семейный бюджет или же содержать собственную семью, ибо пенсии по инвалидности, как говорится, оставляют желать...

На фабрике имени Советской Армии работали настоящие асы своего дела, накатчики трафаретной печати, которые гнули спину целыми днями, сидя за самодельными станочками. Работа — сугубо моторная, она годится для роботов, и если не набрать бешеной скорости — чтобы листочки с текстом вылетали из-под рук, — делать тут нечего, ничего не заработаешь. Один из моих знакомых, забывая о своем здоровье, о больных почках, вкалывал так несколько лет, чтобы купить машину, обставить квартиру. Года через четыре он и машину купил, и квартиру они с женой получили, но вскоре он умер... Вот и спрашиваешь с тоской: стоило ли? А ведь он хотел жить, «как белый человек», быть как все, стать материально независимым.

Что еще могли предложить мне, когда я искала работу? Вот нехитрый перечень занятий, предлагаемый и по сию пору: сборка электродеталей, изготовление бижутерии, раскраска сувениров из дерева, вязание шапочек и платков, плетение сеток. Все эти работы — сдельные и малооплачиваемые. Вдобавок ко всему угнетает сознание: ты тратишь время, здоровье, которого и так мало, на то, что какая-нибудь умная машина делает за считанные минуты. Но и это, как нам объясняли в свое время, благодеяние со стороны государства, и это дают инвалидам «в порядке исключения»! Сомневаюсь, чтобы кто-то получал удовлетворение от подобной работы. Знакомая женщина, инвалид по зрению, призналась мне, что, хоть и слушает она во время надомной работы «говорящие книги» на магнитофоне, ей порой ужасно хочется схватить этот самый магнитофон да и выбросить его из окна, — так действует на нервы изнуряющий, монотонный труд.

Когда я заканчивала рабочий день, меня мутило, смотреть не хотелось на дело рук своих. И это при том, что, работая руками, я умудрялась разговаривать по телефону, прижав трубку к плечу, или слушать радиопередачи. И это при том, что мне помогала мама, выполняя всю черновую работу: сталкивала готовые полусотки листочков-ярлыков, перевязывала их, упаковывала пачки. Нечего и говорить, как подобная работа отражается на физическом состоянии парализованного человека, вынужденного часами сидеть совсем неподвижно! У меня, например, после такого рабочего дня сильно болела спина.

Есть в Москве одно специальное бюро или контора юридического и машинописного обслуживания, где работают переводчиками инвалиды, получившие образование на курсах иняза.

Есть среди опорников те, кто заболел или же получил травму, уже имея профессию инженера, бухгалтера, и потому работают на своем родном предприятии, только надомно. Но это тоже «в порядке исключения» если администрация, войдя в положение тяжелобольного человека, идет ему навстречу. Да и моя последующая работа в издательстве тоже проходила по линии шефства ЦК ВЛКСМ, в том же сакраментальном порядке.

И бесплатные путевки в санаторий, о которых хлопотали хорошие люди, тоже выделялись профсоюзами «в порядке исключения». Коляски, которые я по-

лучала уже за плату через объединение «Медтехника», требовали ходатайства и писем все с теми же словами: «Просим помочь нашему сотруднику, в порядке исключения». И лекарства, и какие-то бытовые приспособления, электроприборы, книги получали инвалиды так и только так. Порой складывалось впечатление, что жизнь вообще дана тебе кем-то «в порядке исключения»...

Сегодня многие мои московские знакомые говорят, что раньше было лучше, что раньше «все было». Они забывают, что жили они, и здоровые, и больные, в столице, что Москва всегда снабжалась лучше, потому что сюда стягивались нити всех поставок. А вот каково было людям в провинции, тем, кого кляли москвичи в очередях, называя мешочниками! О том, как жила огромная наша Россия в далеких городах и забытых Богом деревушках, я узнавала из писем которые приходили в редакцию, сопровождая рукописи. Когда я читала такие письма, порой мурашки по коже бегали: Боже праведный, как же они живут, эти люди, не имея самых элементарных удобств, питаюсь хлебом, ржавой селедкой да водкой: невероятное количество рассказов о пьянстве и горе, приносимом этой русской бедой-болезнью, приходило в редакцию.

Что уж тут говорить о живущих в глубинке инвалидах... Когда-нибудь дойдет очередь и до них, до их трудной и скудной на радости жизни. А между тем именно в одном из провинциальных домов-интернатов инвалид Г. Гуськов, передвигаясь на сконструированной им же самим коляске лежа, еще тогда, в «железобетонные» застойные времена, затеял новое дело. Он решил создать артель молодых инвалидов, он хотел, чтобы ребята не спивались, чтобы имели возможность получать настоящую заработную плату, чтобы у них были трудовые книжки и шел стаж. Случайно появился об этом хороший материал в «Литературке», была поддержка местных органов, но — сработала Система, начались комиссии, разборки и поиски криминала. Хорошее начинание было свернуто, скрыто с глаз, а главного «зачинщика» перевели в глушь, в другой интернат.

«Не то забота, что работа, — гласит поговорка, — а то забота, что ее нет». Ведь работа — это и «копейка», и чувство собственного достоинства, и ниточка, связывающая больного человека с обществом. Нынешних инвалидов уже не устраивает ни государственная система льгот и помощи «на бедность», ни унижительное положение иждивенцев. Между тем, по неполным данным, только в Москве из тридцати тысяч инвалидов трудоустроено лишь несколько тысяч. Да, есть предприятия местной промышленности, которым вменено в обязанность принимать на работу инвалидов, но на деле под разными предлогами им отказывают. Да, инвалиды, как правило, более дисциплинированны, чем здоровые, работают добросовестно, дорожат своим местом, но производительность их труда, опять же как правило, ниже. Надомный труд, даже скучный, монотонный, теперь не всем доступен, на него претендуют и домохозяйки, и пенсионеры, и многодетные матери. Например, вязальные машины для здорового человека удобны, вяжут быстро, да и сырье, готовые изделия здоровый работник отвозит сам, а инвалиду все привозить-отвозить надо, при том, что цены на бензин научно-фантастические.

Трудоустройством людей, которые в крайне тяжелых условиях получили высшее образование, и вовсе никто не занимается. Мне известны случаи, когда инвалид, что называется, выбился в люди, имеет интересную интеллектуальную, отвечающую его образованию работу на дому, но только благодаря энтузиастам, хорошим людям, которые, слава Богу, не перевелись еще на свете. Мне могут

возразить, что и в мире здоровых его величество Случай играет большую роль. Однако в жизни инвалида он порой играет роль решающую, судьбоносную, потому что далеко не каждому из нас повезет встретить такого доброхота, который возьмет на себя труд помочь. Сколько печальных некрологов на несбывшиеся судьбы людей, обездвиженных болезнью и обреченных на неизвестность, можно было бы написать...

В западных странах государство частично компенсирует финансовый ущерб тому предпринимателю, который дает работу людям с физическими недостатками, и даже при распределении заказов преимущество отдается фирмам, где работают инвалиды. Профессор-нейрохирург А. Лифшиц утверждает, что 78,3% инвалидов-опорников при определенной профориентации в состоянии полноценно трудиться. На деле лишь малая часть из них может найти себе работу.

Нелишне напомнить о самой системе установления инвалидности, о печально известных ВТЭКах (ныне МСЭК), где больной человек с трудом получает рекомендацию «работа на дому» и где регулярно нужно проходить унижительную процедуру переосвидетельствования: как будто парализованный инвалид по щучьему велению, по своему хотению может вдруг встать на ноги! Сам механизм ВТЭК направлен на установление того, какие возможности человека утрачены, а не на то, какие остались, чтобы их использовать. Причины понятны: инвалиды изначально были исключены «как класс», номинация их была сведена к минимуму, унифицированы были все болезни, отсюда — схематизм и нелепость врачебных рекомендаций. Говорят, есть в мире три зла: зло, подлое зло и статистика. Да и кому нужна была эта статистика, если инвалидное сословие было сознательно отброшено на обочину жизни? Оттого и цифры в разные годы назывались разные. Злую шутку сыграла подобная «статистика», когда пришло время собирать камни, когда придвинулись к рассмотрению инвалидных проблем: сколько инвалидных колясок нужно выпускать серийно, скольким больным людям нужны те или иные льготы и т. д.

В 1988 году родилось наконец десятилетиями выстраданное Общество инвалидов. Борьба за его появление была многотрудной и многолетней, были бесчисленные обращения и хождения активистов движения по самым высоким инстанциям, было и свое инвалидное диссидентство, были даже репрессии — много всего было. И вот долгожданное Общество, ныне Всероссийское, появилось на свет. Но, увы, многострадальное объединение, обращенное в будущее, в перспективу, во многом, к сожалению, унаследует пока бюрократические особенности эпохи ушедшей и, конечно, по причинам всеобщей бедности более печется опять же о государственной поддержке (и это естественная забота!), чем о самоорганизации инвалидов, о том, чтобы обеспечить достойное максимальное использование минимальных возможностей инвалидов на благо им самим и государству.

В системе новых для страны, нарождающихся рыночных структур должны найти свое место и новые инвалидные образования, независимые экономически и юридически. Что это будет — мастерские, кооперативы или акционерные общества, — сказать трудно, покажет будущее. Одно ясно: инвалидам надоела жизнь «в порядке исключения», они не хотят больше быть попрошайками у государства. Если инвалид получит настоящую, интересную работу, он станет материально независимым и в роли просителя выступать не захочет. Он почувствует вкус свободы, у него начнут развиваться предпринимательские способно-

сти, он наконец сможет реализовать себя как личность. Это будет не только реабилитация в собственных глазах. Но и в глазах близких, в семье.

Китайская, пословица гласит: «Если хочешь прокормить человека один день — дай ему рыбу; если хочешь прокормить его всю жизнь — научи его ловить эту рыбу». Пословица хорошая, но если вспомнить физические возможности инвалидов, сразу, встает вопрос: да разве это возможно, чтобы инвалид стал предпринимателем, создал самостоятельное дело? Рискну высказать крамольную мысль: психологически инвалиды более готовы к новым отношениям, к проявлению личной инициативы, нежели многие здоровые люди. Почему? Да потому, что они, по сути, никогда не были прикованы - привязаны экономически к государственным службам и предприятиям, как люди здоровые, и им нечего терять. И кем, как не индивидуалами, были те инвалиды, что в прошлые годы чинили на дому обувь, радиоаппаратуру, немудрящие бытовые приспособления? Или те, кто дома давал уроки математики, физики, русского языка, доводя до ума поступавших в вузы выпускников школы? И это в ту пору, когда еще и понятия такого — «индивидуальная трудовая деятельность» — не существовало!

Сейчас в России переходный период, и сколько он продлится — один Бог знает. Но «что-то делать надо, хоть неизвестно, что». Первое, что приходит на ум, — опыт Общества слепых, которое начиналось в 20-х годах с артелей: бродившие по городам и селам слепые люди объединились и стали плести метлы для дворников. И «вымели» свою честно заработанную копейку, и артели стали получать прибыль, приносить доход государству. Появились собственные производственные предприятия, потом — свои санатории, дома отдыха, а в 60-е годы Общество было целиком снято с государственной дотации. Теперь оно выплачивает стипендии учащимся вузов, обеспечивает своих членов радиоаппаратурой — при всех неизбежных недостатках оно все-таки действует, оно защищает незрячих, и оно им. необходимо.

Однако слепых-то людей можно собрать под одной крышей, они мобильны, в цехах учебно-производственных предприятий работают тысячи людей. А как соберешь в одном месте инвалидов-опорников, разобщенных и немобильных? Для них нужно искать иные формы объединения, создавать пригодные условия работы. В старых союзных структурах таких условий не было и быть не могло, были одни бумажные проекты.

В южном санатории, о котором было много красивых слов написано в брошюрке «Саки», помню, я специально проехала по всем этажам и подвальным помещениям. Я тщетно искала упомянутые в книжечке кабинеты фотографии, машинописи и резьбы по дереву, где специалисты призваны были за срок пребывания в санатории дать инвалиду профессию, обучить его ремеслу. Увы, кроме трех сломанных пишущих машинок в одном из кабинетов, я так ничего и не обнаружила. И то сказать, стал бы кто-то из отдыхающих здесь «приобретать профессию», прекрасно зная, что по сути ему это ничего не даст, потому что в родном городе, тем более в деревне, найти надомную работу — чистая утопия. Все написанное по этому поводу в рекламной брошюрке было фикцией. Ни социальные институты, ни медицинские и исследовательские учреждения ничего не могли сделать для инвалидов, а красивые декларации предназначались для отчетов, для «галочки». Что ж ныне?

Из средств массовой информации мы знаем о московском институте-интернате для молодых людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с

факультетом прикладной математики, с факультетами юридическим, экономическим, редакционно-издательским, иностранных языков. Но — цыплят по осени считают, и неизвестно, к каким результатам придут подобные институты, выживут ли, выполнят ли благородные свои намерения — дать новому поколению опорников, больных ДЦП, ампутантов шанс получить настоящую профессию, устроиться в жизни. Многие из нас — скептики, на своем горьком опыте знающие, что за порогом таких институтов — реальная жизнь, в которой ох как трудно инвалиду найти свое место! «Знание с ногами никак не связано», — горько заметила одна девушка из дома-интерната.

Мне больше верится — и пусть я рискну повториться — в новые некрупные образования, товарищества по типу кооператива «Инватехника», где инвалиды-опорники, самоучки, вместе с теми, кто имеет техническое образование, пытаются делать протезы, несложные бытовые приспособления, ремонтируют инвалидные коляски, часы, обувь, изготавливают мебель, предметы быта, различные пошивочные изделия.

Почему бы наиболее предприимчивым из них не создавать собственные небольшие кооперативы? Высказывались в печати и предложения о создании мастерских по прокату колясок, бывших в употреблении, по ремонту транспортных средств. Специалисты по радиоаппаратуре, электронике, работавшие в одиночку, могли бы организовать свои ателье по ремонту теле- и радиоаппаратуры, и для самих инвалидов нужные, ибо государственные службы нынче не всем по карману. Бухгалтерская работа, работа на компьютерах также интересна многим молодым инвалидам. ,

Новое поколение, думается, легче, органичнее войдет в рыночные условия, потому что чем моложе человек, тем легче он приспосабливается к новым обстоятельствам. Молодые люди по природе своей обращены в будущее, они уже не хотят жить той жизнью, которую застали, они стремятся освободиться от запретов и предрассудков и спокойнее принимают новые формы жизнеустройства.

Когда спрашивают, какие именно структуры для жизнедеятельности и реабилитации инвалидов нужны, можно ответить: разные, а их истинная ценность будет выявляться путем естественного отбора — которая выживет, та и будет нужна.

Есть такая немецкая поговорка: «Много поваров портят кашу». Но, мне думается, если каждый повар будет варить свою собственную кашу хорошо и вкусно, то голодным все каши сгодятся. И если говорят о многоукладности экономики, то можно говорить и о «разноукладности» образований, призванных решать наши проблемы: одни структуры и общественные институты отмирают, другие нарождаются, третьи вынуждены трансформироваться.

Конечно, децентрализация, проходящая в хозяйственной и общественной жизни, вносит и хаос, и неразбериху, но ведь «пена» со временем осядет, и начнет побеждать разумное отношение к человеку. Кто-то хорошо сказал: о том, что корабль идет, можно судить по тому, что берега уходят. Уходит постепенно так долго царствовавшая установка на то, что государство — все, а человек — ничто. Устанавливается иной, разумный по сути своей принцип «каждому — свое», чтобы человек стремился прожить свою собственную и неповторимую жизнь, отбросив навязанный когда-то стереотип: будь, как все! И самое важное для него (я говорю в первую очередь о нас, инвалидах) — определиться профес-

сионально, обрести в труде психологическую самодостаточность и, пусть скромный, достаток.

Ну, а что же родимое наше Всероссийское общество инвалидов? Есть такое неписаное мнение, что любая общественная организация существует и более или менее успешно функционирует лет десять — тринадцать, не больше. Может, наше Общество, так долго рождаясь, состарилось в борьбе за свое существование? Нет, думаю, не стоит, «осердившись на вшей, шубу жечь». Просто, если Общество хочет доказать свою жизнеспособность, оно должно выкарабкаться из бюрократических схем и поворачиваться лицом к конкретным нуждам и проблемам инвалидов — представлять на самом высшем уровне их интересы, разрабатывать четкие программы реабилитации и юридической защиты прав инвалидов во всех структурах общества, проводить их в жизнь. А главное — добиваться, чтобы право инвалидов на труд было зафиксировано в юридически точных нормах и в дальнейшем обеспечено системой экономических мер и рычагов, как это делается в западных странах.

Путь к трудовой реабилитации, надо думать, будет и тернист, и нелегко, и здесь поможет определиться, сделать свой выбор накопленный за прошедшие десятилетия опыт, тот самый «опыт, сын ошибок трудных», который имеют за плечами многие инвалиды.

Пока же, как и в былые времена, инвалидам приходится пробиваться и выживать в одиночку, что они и делают, стараясь не терять надежды, этой ломкой соломки между бытием и небытием.

ВСЕ МЫ НЕМНОГО РОБИНЗОНЫ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О СРЕДЕ ОБИТАНИЯ

Когда в конце 60-х годов на экранах появился фильм И. Хейфица «Дама с собачкой», я приняла его как вторую удачную экранизацию Чехова после знаменитой «Свадьбы».

Среди убийственных и точных художественных деталей в фильме был и длинный черный забор с гвоздями, который изо дня в день видела из окон своего дома несчастная Анна Сергеевна.

«...А из нашего окна площадь Красная видна! — А из нашего окошка — только улица немножко...» А у нас на старой квартире, в коммуналке, в четырнадцатиметровой комнате, где мне довелось жить-сидеть в инвалидной коляске до двадцати лет, было окно с высоким подоконником, над которым голова моя чуть-чуть возвышалась. И из окна этого дома тоже виден был забор на противоположной стороне маленького переулка. Правда, в отличие от чеховского, то был забор добротный, каменный. Вот этим забором да в конце его дворянского вида двухэтажным особняком, где тогда находилось аргентинское посольство, и ограничивался мой ВИД ИЗ ОКНА. За забором стояли великолепные вековые клены, освещаемые дневным и закатным солнцем. И я на всю жизнь полюбила и клены, и закатное небо, хотя все обозримое для меня пространство оставалось очень замкнутым, тем. более что единственное окно выходило на север, да и находилось оно в нише, так что солнца у нас в комнате вообще не бывало, потому и простужалась я часто.

Но вот началось «великое переселение» начала 60-х, и нам дали однокомнатную квартиру в новом районе. О чудо! Комната угловая, и в ней целых два

окна, одно — на север, другое — на запад. И — солнце, начиная с полудня на балконе и до самого-самого заката в комнате! Боже мой, да солнечными закатами можно любоваться в любое время года и всю жизнь, они никогда не повторяются, всякий день другие. А вскоре на балконе был сооружен тот самый деревянный помост, и я могла теперь выезжать «на волю», дышать свежим воздухом, немного загорать и — видеть людей, кусты, деревья...

Психологи утверждают, что для нормального существования человеку необходима постоянно меняющаяся среда обитания. А некий бывший узник одиночной тюремной камеры уточняет: разнообразие — это не дополнительная острота жизни, это сама ее суть. Еще я вычитала в одной статье о современной архитектуре любопытную вещь. Оказывается, человек, живущий в комнате, из окна которой не видно дали, перспективы, а видна, скажем, только стена соседнего дома (чеховский забор!), может заболеть нервным расстройством. Что же говорить о человеке уже больном, об инвалиде, который годами смотрит на мир из своего окошка, изо дня в день видит одно и то же, не имея возможности ничего переменить!

Помню, когда я впервые была в крымском санатории, моя знакомая, вынужденная лежать возле корпуса на кресле-кровати, обижалась, что я постоянно отъезжала от нее «погулять». Спустя время, покрутившись по аллеям, я возвращалась и, оправдываясь, говорила:

— Пойми, я должна менять «картинку», дома-то этого не будет!

И я крутила колеса, глядя по сторонам, под ноги, на траву, вверх на небо и на людей, проходящих мимо. Душа требовала постоянной смены впечатлений — тогда приходило умиротворение, и можно было спокойно посидеть на одном месте.

Отношение к смене обстановки разнится у больных и здоровых людей. Проезжая изредка на такси в потоке городского движения, я замечала, что сидящие в троллейбусах пассажиры либо читали, либо дремали. Редко кто смотрел в окно в отличие от меня, глазевшей по сторонам и впитывавшей в себя все, что пролетало мимо. Эти люди ежедневно по пути на работу и обратно видят все, что для меня — редкость, и потому оно для них — уже однообразие.

Отсутствие движения неизбежно сказывается на психическом равновесии, на настроении. Знаю по себе: когда годами видишь одно и то же, притом с одной только точки зрения, так порой хочется «освежить взгляд», что, лежа в постели и глядя в потолок, на минуту представляешь все в опрокинутом виде: потолок — полом, мебель и вещи — висящими. Лишь бы переменить ракурс! Помню, как удивила свою приятельницу, описав такое в письме: если, сидя на балконе, сильно запрокинуть голову на спинку коляски, то можно представить себе, будто конек крыши, освещенный полуденным солнцем, — это нос корабля, а синее небо — это море. И еще, ежели прищурить глаза, то в щепотке пальцев можно «зажать» заходящее оранжевое солнце, сверкающее сквозь листву, и тогда — кажется, что держишь в руке драгоценный камешек, от которого во все концы расходятся разноцветные лучики. А порой в минуты отдыха я позволяю себе еще одну роскошь: мысленно переделываю пейзаж за окном — вон там вдали будет шоссе с мчащимися машинами, а вдоль дороги — дома с витринами магазинов и многочисленными окнами... Что делать, зовешь на помощь собственное воображение, чтобы спастись от однообразия видов, дать отдых уставшей душе.

Окружение инвалида — это и весь его дом, двор, если таковой имеется. Очень важно, как он ощущает присутствие в своей жизни этого двора и этого дома. И как дом и двор относятся к нему.

Сейчас понятие «двор» разрушено, люди в городах живут замкнуто, не всегда общаются даже с соседями по лестничной площадке. Но если здоровый человек воспринимает новую квартиру как несомненное благо, то для инвалида переезд из старого дома в новый — не просто вежа в жизни, это порой социально-психологическая драма. На новом месте его никто раньше не знал и, по сути, не узнает, разве что один-два соседа. И в результате тяжелобольной человек оказывается наглухо запертым пусть и в благоустроенной, но клетке.

Один мой знакомый, тоже инвалид с детства, до сорока лет жил в старом многоквартирном доме, в коммуналке. Там его знал весь двор, к нему приходили поговорить, «трешку» до полочки перехватить, да и просто за советом, зная его житейскую мудрость. Там его уважали и видели в нем не беспомощного инвалида, а личность, человека, сумевшего создать семью, многого добившегося, начиная с установки первого во всем доме телефона и кончая получением квартиры в новом доме. Но вот семья переехала в новый высотный дом, на седьмой этаж (на старой квартире был первый, с окном во двор). И что же? Изменился весь микроклимат: соседи восприняли его только и исключительно как инвалида, общение с людьми свелось к телефонному, с товарищами по несчастью, этот человек оказался полностью изолированным от окружающих. Меж тем, на старой квартире с помощью соседей он мог поехать в кино, в кафе, в министерство, он вел полноценный образ жизни. И теперь потерял практически все...

С другим произошло то же самое. Поэт, он переехал в «престижный», писательский дом и тоже резко поменял свой социальный статус: если прежде к нему часто заходили соседи, помогали в мелочах (а в инвалидной жизни это так важно!), то в новом комфортабельном доме этого не стало, и опять-таки общение свелось к минимуму: семья, приезжающие родственники, знакомые, друзья.

Проезжая изредка в такси по московским улицам, я глядела на мелькающие дома и дворы и всякий раз прикидывала: а вот здесь хотела бы я жить? И, как правило, сама себе отвечала: да нет, хоть и многолюдно, и дорога видна, и вечерами красиво от множества огней, а «под крышей дома своего» — лучше. Да, в моем доме нет лифта, да, я не могу гулять, даже редкие выезды в медицинские учреждения сопряжены с массой трудностей (кто оденет, кто снесет вниз и посадит в коляску?). Но зато у меня зеленый район, зато у меня не худший вариант жилья, в нем даже совмещенный санузел — плюс для больного человека. Но — самое главное — меня знает множество людей вокруг. И когда мне говорят иногда, что хорошо бы поменять квартиру на такую же, но в доме с лифтом, я качаю головой: э, нет, нельзя мне никуда отсюда уезжать, я живу тут много лет, меня все знают, я тут одна такая. Случись что, я могу позвонить не только своим соседям, но и в соседний дом, и ко мне придут люди, которых я только видела из окна: они знали маму, они знают, кто я и что я. Известный во всем мире архитектор Оскар Нимейер на вопрос о том, какой дом он считает самым лучшим, ответил: «Тот, где рядом живут хорошие соседи»... Для человека, годы напролет проводящего в стенах квартиры, важно и то, что его окружает в этих самых стенах, Я говорю уже об интерьере. Редко мне за мою инвалидную жизнь доводилось бывать в других квартирах, но доводилось. Я видела там иногда модные, дорогие, красивые вещи. Однако, честно говоря, из подобных квартир возвраща-

лась в свою, немодную, с ощущением холода и неуюта. Все эти полированные стенки, функционально-выгодные и вместительные, оставляли у меня чувство однообразия. Глядя на них, на настенные и напольные ковры, нельзя было понять, кто, какие люди здесь живут, чем они увлекаются, что для них дорого, — все тут было стандартно-безлико. Разве что различались книжные шкафы, да и те порою говорили больше о моде и материальных возможностях хозяев, чем об их подлинных пристрастиях.

Моя квартира — это моя планета.

Каким должно быть жилище инвалида — об этом у нас не думают, не пишут. А если и пишут, то без учета реалий нашей жизни, планировок квартир и материальных возможностей людей.

В последние годы вышло несколько переводных изданий, среди которых — маленькая книжечка англичанки М. Айшервуд «Полноценная жизнь инвалида». Уже в предисловии выражалось опасение, что она вызовет у читателя скептическое отношение. Увы, опасения не напрасные. Несмотря на ряд интересных и полезных советов, касающихся быта инвалидов и поведения в семье, в целом эта брошюра вызывает отнюдь не те эмоции, на которые рассчитывал автор. Все реалии английской жизни, описанные в книжке, начиная от существования множества социальных служб и кончая техническими средствами передвижения, предназначенными для посещения инвалидами клубов, закусокных и библиотек (!), у нас вызывают не только грустную улыбку, но и смех. Вероятно, доведись М. Айшервуд увидеть, какую веселую реакцию вызывают некоторые ее советы, она просто не поняла бы, что смешного содержится в таких, например, фразах: «Дом вами выбран. Он должен быть приспособлен к передвижению в нем на инвалидной коляске, удобен в использовании, экономичен, расположен так, чтобы можно было добраться до аптеки, врача, соседей, магазинов, до друзей и родственников»; «Кухни на колесах и дневные клубы, в которых можно позавтракать, обеспечивают едой по себестоимости»; «Если вы инвалид и работаете на кухне, то лучше всего пользоваться инвалидной коляской с электромоторчиком», так как «коляску без электромоторчика необходимо двигать обеими руками, и всегда есть опасность уронить вынимаемую из духовки подгорающую индюшку и расплескать молоко». Да, книга советов и рекомендаций рассчитана на «их» жизнь, на людей, живущих в иных, не реальных для нас условиях, она лишь дает представление о том, какова должна быть в идеале среда обитания для людей, прикованных болезнью к инвалидной коляске.

Я не страдаю клаустрофобией — боязнью замкнутого пространства, но во мне всегда присутствовало стремление расширить видимый простор, я не люблю закрытых дверей в кухню и в коридор, задернутых штор. Это желание раздвинуть рамки оконных «картин», я думаю, естественно для человека, чей мир сужен до размера комнаты. Отсюда же и моя мечта — повесить на все стены пейзажи любимых художников: их картины тоже были бы окнами в широкий мир. Помню, я вела настоящую борьбу с мамой за то, чтобы как-то разрушить унылое однообразие стен, повесив на них подсвечник, книжную полку, цветные репродукции, собственные картины-копии.

— Все стены гвоздями исковыряла! — говорила мама, у которой были свои представления об интерьере.

Господи, если бы она видела, сколько поместилось на стенах комнаты теперь! И термометр, и барометр, и полусамодельная лампа-фонарь у изголовья, и

транзисторный приемничек прямо на ковре, и переговорное устройство там же, и металлическая конструкция для пересаживания на коляску... И все это нужно, и я еще повесила бы картины, если бы было место, потому что это все — мой мир.

Будь я здорова, я бы сделала свою квартиру, точнее, комнату, «разнотонной»: в одном углу были бы теплые тона обоев и предметов, в другом — холодные, которые по закону цветовых контрастов зрительно увеличивают пространство. А еще я устроила бы так, чтобы каждый предмет обстановки, каждая вещь в доме были нужного для меня размера, высоты и конструкции, везде — в комнате, на кухне, в ванной.

Увы, за неимением такой «силы возможности», как говаривала моя мама, приходилось нажимать на детали, разнообразия и украшая свой быт: картины на стенах, безделушки на шкафу и на серванте. Что-то со временем раздарила, а что-то осталось — самое необходимое и памятное. Глядя на каждую такую вещь, я могу вспомнить: вот эту я сама купила в Прибалтике, а эту — в Крыму, это мне подарила подруга, а вот это сделано другом. Вещи напоминают мне о времени, о людях, о событиях моей жизни.

«Моя планета» должна быть чиста и опрятна. Неубранная постель, немытая посуда, неметенные полы, да и вообще беспорядок в квартире угнетающе действуют на психику, усиливают чувство одиночества.

Помню, как давняя знакомая, которой сейчас, увы, уже нет в живых, говорила мне, что утром первым делом спешит закрыть-застелить постель. Зная, с каким трудом она себя обслуживает, — у нее был полиартрит, — я удивилась: зачем? Она ответила, что слишком много времени провела в больницах, и вид белых простыней вызывает у нее неприятные ассоциации.

По той же причине — не желая ни выглядеть, ни чувствовать себя больными, — инвалиды стараются по возможности следить и за внешним своим видом. Об этом нужно сказать особо. Конечно, приятно смотреть на хорошо одетых, опрятных людей в инвалидных колясках зарубежного образца, присутствующих на концерте или на спортивных соревнованиях, — их теперь нередко можно видеть по телевизору. Но так было не всегда. Выехав впервые в прибалтийский санаторий, наглядевшись на красоту тамошней природы и надышавшись чудесным морским воздухом, я невольно стала присматриваться к тому, на чем ездят и во что одеты инвалиды. И, надо сказать, то снисходительно-пренебрежительное отношение к нашему брату со стороны прохожих и курортников в немалой степени этим внешним видом объяснялось. На громоздких, ржавых колясках с грубыми деревянными подножками-корытами ездили полусогнутые люди, с низкой посадкой, да еще и в «рабочих» рукавицах — как с плаката «вира-майна!», — увы, зрелище это было весьма грустное, об эстетике тут и говорить не приходилось. Со временем картина менялась, внешний вид инвалидов на миру стал гораздо пригляднее.

Но и здесь, как во всем, нужны мера, вкус и знание себя, своего характера, своих физических особенностей. Я, например, брала с собой в санаторий немудрящий набор украшений — перстни, колечки. Но всякий раз повторялось одно и то же: надев раз-другой кольцо на руку, к вечеру я его снимала — слишком «рабочими» были мои руки, которыми приходилось крутить сначала колеса тяжелых на ходу санаторских колясок, а позже — югославской рычажки. На таких руках неуместными казались красивые колечки.

Помню, как перед серым зданием санатория на одном и том же месте ежевечерне сидела в коляске красивая яркой южной красотой женщина в шикарном брючном костюме, и вся с ног до головы увешанная золотыми украшениями: бусами, серьгами, браслетами, кольцами. И помню ироничные взгляды мужчин, проезжавших мимо. Здесь был явный перебор, и потому эффект от этой витринной внешности был не тем, на который рассчитывала бедная женщина.

Когда инвалидные проблемы начали обсуждаться, когда сотрудники различных ведомств стали выезжать за рубеж, появились и у нас всевозможные проекты жилых домов, рассчитанные на семьи с инвалидами. Естественно, делались они с оглядкой на Запад, где в крупных городах первые этажи домов занимают всевозможные службы быта и где в маленьких квартирках живут престарелые одинокие люди.

Не знаю, построен ли в Москве хоть один такой экспериментальный дом, но среди нас проводились телефонные социологические опросы: хотим ли мы проживать в таком доме и если нет, то почему. Мнения разделились — от безусловно положительных до резко отрицательных. И неудивительно: инвалиды, живущие в семьях, молодые инвалиды выиграли бы, живя в таком доме, специально приспособленном для них и их родных, а вот как быть одиноким или живущим с престарелыми родителями? Попав в такую своеобразную резервацию, одинокий человек, предоставленный самому себе, вряд ли сможет рассчитывать на помощь соседей — ведь у каждой семьи свои заботы, проблемы и — свой инвалид. Да и ощущение одиночества у живущего в таком доме, вероятно, будет более острым.

Город-курорт Саки, где находится санаторий для больных с нарушениями опорно-двигательного аппарата, иногда называют городом спинальников. На первый взгляд, похоже: на улочках города, на базаре и в магазинах, в парке — повсюду колясочники. К ним давно привыкли. Но Саки — отнюдь не райский уголок для тяжелобольного человека.

Я видела убогие домишки, в которых инвалиды снимали комнаты без всяких удобств, без горячей воды — это в нашем-то положении! — жалкие дворики, полиэтиленовые пленки-«крыши». Нет, этот спинальный Гарлем, этот вариант житья-бытья — тоже не из лучших, он не от хорошей жизни. Не мне, живущей в столице, судить обо всем, но я никому бы не пожелала подобной «среды обитания».

Между прочим, по исследованиям зарубежных психологов, жизнь среди себе подобных усиливает депрессию и в целом отрицательно влияет на больного человека. Помню, как ощутила это сама во время пребывания в Крыму, когда мы, несколько человек, отправились на машине в Ялту. Дело было осенью, но там, на юге полуострова, было еще лето. Когда мы возвращались к себе «на север», в Саки, местность менялась, становилась равнинной, скучной. Похолодало, начал накрапывать мелкий дождь, и настроение, недавно бывшее таким солнечным, тоже изменилось. У самого санатория я увидела знакомые кучки наших колясочников — и мне вдруг стало вовсе тоскливо...

Возвратившись потом в Москву, я поделилась своим впечатлением с приятельницей, употребив при этом словосочетание «скопище инвалидов». Ее покорили эти слова, но я почему-то на них настаивала, и позднее поняла почему. Из окошка автомобиля я взглянула на нас на всех как бы со стороны, глазами здорового человека, но, будучи сама инвалидом, приняла скопление именно как

резервацию, и потому впечатление мое от увиденного было таким тоскливым, угнетающим.

Нет, не «резервации» нужны, нужна интеграция! Не устану повторять: новые жилища должны бы строиться со съездами у входов в дом, с пандусами на лестничных площадках. Замена лестничных маршей на пандусы в обычных жилых домах и общественных зданиях нужна не только инвалидам, по ним могут спускаться и детские коляски, да и другим маломобильным людям они удобны — пенсионерам, немощным. Архитектура городов должна стать максимально безбарьерной, только в этом случае прогулка станет для больного человека праздником, а не мукой, квартира же — квартирой, а не клеткой.

Интеграция инвалидов в общество по сути начинается с его дома. Пусть здоровые люди привыкают к тому, что с ними рядом, на одной лестничной площадке или в одном подъезде, живет человек, нуждающийся в помощи. Здоровым людям психологически важно и полезно иметь рядом больного и беспомощного хотя бы для того, чтобы более правильно и объективно относиться к собственной жизни. Им придется учиться милосердию — и для того, чтобы душу очистить, и для того, чтобы старость свою не представлять непременно благостной и благополучной. Что же касается самих инвалидов, то в любом случае у них должен быть выбор, где им жить и с кем.

Ну, а вопрос: как жить в предлагаемых судьбой обстоятельствах, — легче задать, чем на него ответить. Мне кажется, больные люди долго еще будут сами создавать себе «среду обитания», исходя из нелегкого, но неизбежного в наших условиях принципа «сделай сам». Ведь в известном смысле инвалид оказывается в доме своем, как на необитаемом острове...

Ну как тут не вспомнить замечательного героя романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», доказавшего, на что способен умелый и находчивый человек, оказавшись в экстремальной ситуации. Да, это был здоровый мужчина, но ведь он жил на острове совсем один! И ведь он не только сам построил себе жилье, но и обустроил свое житье — своими руками создал, как говорится, всю необходимую систему жизнеобеспечения. Пример, достойный подражания.

Ведь все мы немножко Робинзоны...

НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЦА

Однажды в тяжелом разговоре с родственницей, устав слушать о том, как со мной, инвалидом, тяжело, я предложила:

— Ну что ж, давай поменяемся местами!

Она тут же замолчала. На такое никто никогда не согласится. Да Боже упаси, не надо никакого обмена, подобные слова срываются с уст в минуты отчаяния, когда бьешься, как об стенку, пытаешься что-то объяснить про себя близкому человеку, доказать свое право на то, что тебе, пусть больному, но тоже живому человеку, нужно и важно...

«Счастье — это когда тебя понимают», — так написал в школьном сочинении герой кинофильма «Доживем до понедельника». Понимание, то есть сочувствие, сопереживание, необходимо каждому человеку, кем бы он ни был, где бы и с кем ни жил, как бы ни сложилась его личная судьба.

Инвалид в семье — тема особая, во многом деликатная. Конечно, жизнь среди родных и близких ни в коем случае нельзя сравнивать с жизнью больных и

престарелых людей, в силу различных обстоятельств вынужденных обитать в домах-интернатах, «домах печальной и безнадежной старости». Но и у нас, живущих, так сказать, на вольных хлебах, есть свои сложности и свои проблемы. Их немало, но наиболее важная, а может,- и самая главная — это проблема понимания, моральной поддержки. Или отсутствия таковой, что случается, к сожалению, нередко.

Что говорить, горько, если ребенок рождается или становится инвалидом. Один из учеников Конфуция на вопрос о том, как относиться к престарелым родителям, ответил: «Единственное, чем сын может огорчить своих старых родителей, — это своей болезнью». И чувства самых близких людей понимаешь по настоящему лишь со временем, зачастую — поздно...

Когда мне было двадцать лет, я остро переживала свои обиды, идущие оттого, что мать не понимала меня, моих интересов, стремлений. Сейчас, подойдя к ее возрасту того времени и вспоминая, как она всю жизнь меня обихаживала, я уже могу посмотреть на вещи и с другой стороны, с иной точки зрения. Я понимаю теперь, какие чувства испытывала мама, когда вывозила-выносила меня прогулять на улицу. Какую обиду на судьбу, на ее несправедливость переживала она, сидя на скамейке у подъезда среди соседок и поглядывая на меня, крутящую колеса инвалидной коляски. Тогда я не могла понять, почему у нее на лице такая грусть-печаль, — ведь мне-то все вокруг было так интересно, и так хорошо было побывать на солнышке, среди зелени, да еще в парке, на полянке! Мне было досадно: ну почему ей не порадоваться, ведь я так редко бываю на свежем воздухе?! Теперь понимаю... У других дети как дети, пусть радости от них тоже порой немного, но они здоровы, да еще внуков подарят, вот и жизнь продолжится. А у нее... Да, не принесла я радости маме, добавила печали в ее и без того несладкую жизнь.

Все это можно понять. И все же, все же, все же...

Насколько нелегко приходится инвалиду в семье, если его не воспринимают как полноценного человека, если на нем с самого начала, с самого детства поставили большой крест. И как больно его ранит душевная глухота именно близких людей — на чужих в юности не очень-то реагируешь. Наплевать на сердобольные охи-вздохи старушек: я их в первыми и в последний раз вижу, да и не до них мне сейчас, в кои-то веки удалось выбраться на волю, под открытое небо! Иное дело дома, в семье, среди родных. Ох, недаром говорят, что сильнее всего может обидеть именно близкий человек — он лучше других знает твое больное место.

«О память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной»... Помню, сколько тяжелых минут и часов было пережито, когда я решила помочь слепому парню получить высшее образование. Да, нелегко было матери менять установившийся домашний распорядок, терпеть чтение вслух непонятных и неинтересных книг, тем более что и уйти-то некуда: кухонька в пять метров — и все! Долгие объяснения, слезы, нервные срывы были моей платой за то, что на пять с лишним лет ввела в наш дом чужого человека. Потом, постепенно, все близкие приняли это как должное, даже гордились мной перед соседями, знакомыми, но сколько нервов было зря потрачено, сколько было ненужных, уносивших силы переживаний... И еще помню, как развалилась почти устроившаяся поездка на художественную выставку, неповторимую, любимого Ван Гога. Причем поездку эту затеяли даже не мои друзья, а друзья сестры. Они уже все продумали, созво-

нились с музеем, договорились о деталях поездки, но, столкнувшись с ее нежеланием, вынуждены были отступить, не посмели вмешаться в чужую жизнь.

«У сильного всегда бессильный виноват» — эта крыловская фраза применима к некоторым ситуациям в семье, где живет инвалид. Сильные, здоровые, пауся перед трудностями и скрывая это от самих себя, обвиняют не свою слабость, а больного человека, обвиняют его в эгоизме, в капризах. Мне думается, где-то в душе они чувствуют, что сильные — не они, но признаться в этом, конечно же, не хотят и потому перекалдывают вину на инвалида. А ведь это он, человек больной, предлагает им, здоровым, не поддаваться обстоятельствам, смотреть на вещи проще и разумнее, суметь организовать жизнь вопреки беде, используя для этого все возможные средства.

Снова парадокс, но многие инвалиды подтвердят: в некоторых случаях легче иметь дело с людьми чужими, нежели с близкими, психологически легче. Всякий раз, знаю это по себе, когда возникает попытка сделать маленький шагок в сторону независимости, какого-то самостоятельного решения, следует жесткий отпор, без малейшего желания понять, что тобой движет. И всякий раз в оправдание говорится одна и та же сакраментальная фраза: «Ты не понимаешь, как нам это тяжело».

Считается, раз ты накормлен, обихожен — скажи спасибо. Спасибо, конечно, спасибо, но ведь не хлебом единым жив человек, тем более человек, лишенный стольких естественных связей с миром; для которого порой и мир-то весь — в окошке... Вот и приходится подчас, живя в семье и не встречая элементарного понимания, проявлять настойчивость, идти на конфронтацию, защищая, отстаивая свою духовную независимость — при зависимости физической. Много подобных горестных зарубок, душевных травм, я знаю, наберется и у других инвалидов, чувствующих себя душевно одинокими в родной семье.

Известны случаи, когда инвалид добровольно уходил из семьи в доминтернат, предпочтя богадельню жизни «на воле». Но есть примеры и обратные, счастливые, где в семье есть взаимопонимание, где делается все, чтобы жизнь дочери или сына-инвалида была максимально богатой, содержательной. Однако это как бы две крайности, два полюса, а меж ними — обычная жизнь, полная переживаний, связанных не только и не столько с самим недугом, сколько с моральной атмосферой, с тем, как тебя воспринимают близкие в семье.

Представьте, как обидно, если твои жена или муж, брат или сестра стыдятся самого факта — у них в семье инвалид. Отсюда ведь и нежелание, чтобы их видели вместе на улице, нежелание как бы признать прилюдно это нерадостное обстоятельство, чем бы ни пытались объяснить это нежелание — усталостью, сложностями быта, необходимостью обращаться за помощью к соседям.

Особенно тяжело в юности, когда ты наиболее раним, когда обиды, связанные с болезнью, с физической беспомощностью, воспринимаются так остро. И к тому неизбежному, что происходит со всеми родителями — они забывают собственную юность, — прибавляется непонимание того, что их больному сыну или дочери как воздух необходимо общение со сверстниками. Очень трудно выдерживать эту психологическую несвободу, это моральное давление в семье! Причем ни образование, ни житейские тяготы не играют здесь решающей роли: самая простая, необразованная женщина, книг не читавшая и институтов не кончавшая, сердцем материнским может понять, что ее ребенку надо делать так, как нужно именно ему.

И порой я с грустью думаю о том, как много было бы у меня сейчас, в моей сегодняшней жизни, друзей, хороших знакомых, не будь юность моя обделена не только сверстницами, но и сверстниками. Люди в доме появляются и уходят, а старый друг — он лучше новых двух, он знает тебя с детства и принимает такой, какая ты есть. А в те мои юные годы, кроме двух-трех дворовых девчонок, никто у меня не бывал. В более поздние годы заводить знакомства труднее: болезнь сковывает не только тело, но и душу, закрепляется комплекс неполноценности, да и в сознании родных устанавливается стереотипное отношение к тебе как к больному человеку. Потому, оставшись одна, я оказалась в «женском коллективе», а ведь чтобы выбраться из того же дома без лифта, нужны мужские силы, да и в прогулочную коляску без посторонней помощи не сядешь. Все надо делать вовремя, теперь уже поздно.

Нет слов, переживания родных и близких в семьях, где есть инвалиды, тяжелы. Многие семьи после рождения больного ребенка распадаются, и нередко инвалид с детства, взрослея, чувствует себя невольным виновником обделенности матери. И без того нелегкая ноша болезни вдвойне тяжела, когда ты видишь уныние и безнадежность в глазах близких. Я не говорю, что они должны изображать бодрость и веселье, вовсе нет. Я говорю о том, что для больного человека активная доброта, поддержка делом, понимание куда как важны — тогда он и сам будет искать выход из замкнутого круга. Особенно важно это в юности, когда, с одной стороны, болезненно ощущаешь свою ситуацию, когда невыносима сама мысль, что планы, которые строят сверстники, для тебя нереальны, когда порой охватывает глухое отчаяние от неопределенности будущего. А с другой стороны, это период, когда вопреки всему в тебе кипит такая энергия, что будь какая-то возможность выхода — учиться, работать, общаться с друзьями — жизнь все равно была бы прекрасна! Ах, если бы еще знать, куда обратиться, если бы иметь рядом добрых и активных людей, стремящихся тебе помочь, направить, научить... И винить-то, собственно, получается, некого: нет у нас пока таких служб социальной помощи и поддержки, где здоровые члены семьи могли бы получить необходимые сведения о том, как помочь ребенку получить медицинскую помощь, как ему получить какое-то образование, найти посильную работу.

Редкие попытки исправить положение пока, к сожалению, не всегда удачны. Вот предложили мне как-то написать рецензию на одно из первых пособий, рассчитанных на семьи, где есть инвалид по зрению. Я прочитала выпущенную в свет брошюрку, посмотрела на иллюстрации в ней — и отказалась. Не знаю, на какую семью и с каким уровнем интеллекта было рассчитано пособие, но впечатление складывалось такое, что автор учит мать и детей общаться с отцом не как с человеком, лишенным зрения, а как с инопланетянином или вовсе недоразвитым существом. Нет, никакие пособия, на мой взгляд, «не пособят», если нет человеческой теплоты и доброты, которые могут сделать семью счастливой вопреки все горестям и бедам.

Взять то же общение, для инвалидов, живущих в городе, — в первую очередь телефонное, как самое доступное. Американские психологи выяснили, что, если женщина хотя бы минут пятнадцать в день не поговорит по телефону, у нее возможен нервный срыв. Это у здоровой женщины, которая болтает с детьми, приятельницами, соседками. Что же говорить о нас, людях, которые месяцами, кроме своих домашних, никого не видят и день-деньской сидят безвыходно в

квартирах! Увы, и в этом нас дома не всегда понимают. «И как тебе не надоест столько времени болтать по телефону?!» — многие из нас слышали это от близких. И порой приходится выдерживать целые баталии по этому поводу. Конечно, чужие разговоры по телефону раздражают, когда слышишь их со стороны. Конечно, здоровые члены семьи устают от твоего общения с людьми, у них самих этого общения, как говорится, выше крыши: в транспорте, на работе, в очередях, в гостях — и вечером им хочется отдохнуть. А тебе еще не всегда удается уложиться в дневной отрезок времени — жизнь не регламентируешь, особенно если у тебя есть работа на дому или появились общественные нагрузки.

В общем, и здесь нужны взаимотерпение, взаимопонимание. Стоило бы задуматься, например, о том, что 90% информации человек получает через зрение, и здоровый человек бывает повсюду, многое видит, а человеку больному, оторванному от внешнего мира, остается полагаться на слух, то есть на телефон. Здесь порой доходит до смешного: ко мне, например, приходят соседи с вопросами, надолго ли выключили горячую воду, что говорят по поводу пенсий и вообще «чего в мире происходит!» Люди чувствуют, что в мою квартиру каким-то образом стекается нужная им информация. Мало того, здоровые члены семьи не всегда ценят ту помощь, которую именно беспомощные физически друзья «их» инвалида способны оказать — найти нужное лекарство, достать интересные книги, узнать адреса и т. п. Им бы задуматься, всегда ли от своих-то друзей они получают столь оперативную помощь. Ан нет, не дают себе труда задуматься, не понимают...

Порой «нервы-стервы» не выдерживают — от напряжения, от усталости, да и болезнь делает свое черное дело. Но сколько же сил прибавляется (и откуда они только берутся!), если получаешь поддержку, если встречаешь искреннее желание помочь! Помочь наладить быт, сделать нехитрые, но столь необходимые приспособления, порой поступившись эстетикой интерьера, наконец, наполнить жизнь больного общением с друзьями, раздвинув тем самым стены дома, в которые он заключен болезнью. Да, счастливы те из нас, кто в семье своей защищен любовью, и не столь важно, как пойдет жизнь, важно, что любой шаг будет понят правильно, найдет поддержку. Тогда ничего не страшно, тогда и невозможное возможно.

Писатель М. Пришвин делил людей по их любви или нелюбви к животным на «узкоглазых» и «широкоглазых». Мир человека, имеющего и любящего животных, считал он, расширяется, он глубже и богаче, и потому такой человек — «широкоглазый». Мне кажется, это определение можно перенести и на тех людей, которые понимают инвалидов, их жизнь, — эти люди тоже шире, многограннее видят окружающий мир, больше знают о нем, становятся богаче душой.

Конечно, у «семейного» непонимания есть и более глубинные, социально-психологические причины, не всегда и не во всем виноваты наши близкие. Они ведь тоже потерпевшие — и от несправедливости судьбы, и от общества. Вся система воспитания у нас в стране была поставлена таким образом, что и в семье — ячейку общества — глубоко внедрялись все ложные идеалы и представления о личности, о свободе выбора человеком своего пути в жизни. В результате того, что десятилетиями вытравлялось из сознания милосердие, сострадание, худо приходится обеим сторонам — здоровым и инвалидам, нелегко дается ломка стереотипов, приходится учиться пониманию друг друга, вспоминая слова

Священного Писания: «Прости ближнему своему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои».

Жить в обществе и быть свободным, от него, как известно, нельзя. Ну, а в общественном сознании физически неполноценный человек был уже как бы недочеловек. Аналогия страшноватая, но что поделаешь... Банальной стала мысль о том, что здоровье общества определяется его отношением к детям, старикам, инвалидам.

Сейчас много пишется о лицемерии и пустоте бытовавших в прошедшие годы лозунгов типа «Все лучшее — детям», «Старикам — везде у нас почет», «Никто не забыт, и ничто не забыто». Лозунгов подобного рода, касающихся инвалидов, не было, если не считать табличек, напоминающих о льготах для ветеранов войны, инвалидов войны. Более того, долгие годы не предполагалось, что такая категория граждан, как инвалиды, вообще существует. Ну, провезли кого-то на коляске, ну, видели человека с тросточкой в руке, слепого, хромого — ну мало ли что: несчастье приключилось, заболел человек, но ведь это исключение...

Однако время пришло, и открылось многое, о чем молчали, о чем предпочитали не говорить; С экрана телевизора заговорили о проблемах инвалидов, пошли сюжеты об одиноких, забытых Богом и людьми стариках, об интернатах для престарелых, о брошенных матерями-кукушками детях. Смотрят эти сюжеты по-разному: одни сочувственно вздыхают, другие даже плачут, а третьи — третьи просто раздражаются: других тем нету, что ли? Помню, как, взяв однажды телефонную трубку, услышала концовку разговора двух женщин: «Ты смотришь телевизор? Там дом малютки показывают — какой ужас!» — «Я такие вещи вообще не смотрю и тебе не советую!» Вот так и живут эти люди, сторонние чужому горю, прячась от всего, что может вызвать тяжкие думы и переживания, живут, оберегая себя, свой покой. Они поступают подобно детям: закрой глаза — и исчезнет страшный дядя.

Один из романов С. Цвейга называется «Нетерпение сердца». Героиня его — больная девушка, дочь богатого человека. Влюбившийся в нее офицер близлежащего военного гарнизона узнал о ее болезни не сразу: вернулся как-то с полпути за оставленными перчатками, вошел в гостиную и вдруг увидел, как девушка тяжело поднялась с кресла, на котором всегда сидела при его посещениях, и, с трудом переступая, пошла на костылях по комнате. А увидев и поняв все, офицер сбежал — не выдержали нервы, испугался. Причиной тому, говорит писатель, — «нетерпение сердца», то есть желание скорее уйти, избавиться от тяжелого, тяжкого, требующего, в свою очередь, именно «терпения сердца», то есть душевного мужества. Сюжет романтический, и финал этой печальной повести о любви соответствует цвейговскому восприятию жизни: девушка, поняв все, выбрасывается из окна.

Так вот, «нетерпение сердца», по-моему, очень точное определение для того отношения к инвалидам, которое свойственно не всем, конечно, но все же очень многим людям.

Стереотипы в отношении к инвалидам не только в критических ситуациях, но и в обычных житейских проявляются любопытно с психологической стороны. Повезли как-то мою знакомую в гости, а дело было зимой, и коляска, в которую ее пересадили из такси, застряла в сугробе. Все, начиная с нее самой, смеялись, выбираясь из снежной западни, все старались отнестись к случившемуся с

юмором. А из окон дома люди смотрели на все это с недоумением: такая ситуация, а беспомощный инвалид — смеется! Им не понять, что ты не хочешь огорчать друзей, которые устроили тебе поездку, и вообще не желаешь раскисать на глазах у людей. Это отнюдь не означает, что, оставшись наедине с собой, мы не расстраиваемся, не плачем, переживая свои неудачи, неприятности, незаслуженные обиды. Мы — такие же люди, мы тоже «как все, как все, как все»...

Помнится, один режиссер, отвечая на вопрос журналиста, почему его фильм не был запущен в прокат, ответил:

— Я позволил себе посмеяться над тем, как я живу.

Больной человек смеется, как здоровый. Здоровые этого не прощают.

Одна лежачая больная поведала мне, как зашедшая к ним соседка, взглянув на нее, сказала с интонацией непередаваемой:

— Надо же, она еще и губы накрасила!

Без юмора тут не обойтись, право слово, ибо объяснять что-либо — дело бесполезное, не поймут. Или вот мое личное воспоминание. Севастополь, Сапун-гора, пологий въезд на нее, для автомашин запрещенный. И мы, с разрешения милиционера, пешеходной скоростью движемся наверх, к памятнику защитникам крепости-героя. Никто из сидящих в машине, начиная с шофера, выйти из нее не может, все — инвалиды. И до самого верха горы мы ехали сквозь толпу спускавшихся вниз людей, как сквозь строй, слыша неприязненные реплики в свой адрес: «Совсем охамели, на святое место — в машине!» А на машине, между прочим, был специальный знак, говорящий о ее принадлежности инвалиду...

Что делать, сознание людей, как показала отечественная история, революционным путем не переделывается, этим путем его делают ненормальным, нездоровым. Ибо только духовно неразвитое, нездоровое общество может так неприязненно относиться ко всему непривычному. Один мальчик, объясняя, почему не любят в народе интеллигентов, привел интересный пример-анalogию:

— Видели вы, как порой собаки лают на проезжающий автомобиль? А почему? Собаки не понимают, как эти «штуки» передвигаются, они им непонятны и потому вызывают раздражение.

Но то ведь собаки...

Кстати сказать, отношение детей к инвалидам, как правило, вполне нормальное. Вероятно, здесь играет роль возрастная психология. Еще Христос говорил о том, что дети ближе к жизни, чем взрослые. Дети еще многого не понимают, они не знают, что это такое — инвалид, и потому их реакция естественна. Когда в былые годы мне доводилось летом кататься на коляске по улице, ко мне непременно подходили местные ребята:

— Тетенька, а вы почему сидите, у вас что, ноги не ходят?

Я подтверждала этот факт и, понимая, что интерес вызывает не столько «тетенька», сколько коляска, предлагала одному из мальчишек:

— Давай, докати меня вот дотуда. И тот с удовольствием катил незнакомую машину до указанного места, после чего, удовлетворив свое любопытство, все они оставляли меня в покое и бежали гулять дальше. То же бывало и в парке, когда, пользуясь самодельным мольбертиком, я рисовала пастелью пейзаж с натуры: подойдут сзади, посмотрят, зададут пару вопросов — и побежали по своим делам. Детское сознание еще не замутнено предрассудками, дети пока не знают, не ведают драматизма жизни.

Не раздражают меня и сердобольные вздохи старушек — они, напротив, вызваны пониманием прожитой жизни, старики знают, почему фунт лиха. Среднее же поколение уже многое понимает, но зачастую не хочет допускать до своего сердца это понимание, которое расстраивает, нарушает гармонию: зачем думать о грустном? Отсюда отчасти и отторжение, инстинктивное, в целях самозащиты, от всего физически некрасивого, неполноценного — при полном нежелании задуматься: а правильно ли, нормально ли это.

Разве нормально, например, то, о чем рассказал мне инвалид, вернувшийся с летнего отдыха на даче? Он лежал себе на солнышке в разложенном кресле-кровати, слушая транзистор и наслаждаясь видом дальнего леса, зеленой травы, цветов. Мимо проходил какой-то мужчина, остановился, подошел, наклонился и спросил:

— Ну что, плохо тебе?

Тот поначалу опешил, но, поняв, какого именно ответа жаждет от него этот человек, подтвердил:

— Да, неважно.

Прохожий удовлетворенно крикнул, довольный своей «прозорливостью», и пошел себе дальше. А. Райкин говорил, что есть люди, которым плохо, если тебе хорошо. Может, человек был из этой самой категории, и ему стало как-то веселее...

При всем при том я с детства почему-то не любила излишне сентиментальных людей. Позже, став взрослой, почитав книги, посмотрев фильмы, по жизни столкнувшись с такими излишне чувствительными людьми, обожавшими музыку, животных, все красивое, я поняла, почему: таким людям легче отдавать свои эмоции тому, что не требует большой затраты душевной энергии, душевных сил. Это легче, нежели, жалеючи в душе, спокойно и активно помогать словом и делом тем, кто в этом нуждается.

И еще одно. Умение инвалидов из всякой маленькой удачи, неожиданной заботы, нежданной помощи извлечь большую радость — это своего рода духовное противостояние, инстинктивное стремление противиться судьбе. А это и удивляет, и даже порой раздражает тех людей, которые не умеют ценить дарованного им свыше блага — здоровья. Вспоминаю санаторий в Крыму. В сумерках, когда зажигались огни огромных окон и красивые наземные фонарики, на широкой площадке перед корпусом и на ближайших аллеях собирались колясочники. Сакки — город небольшой, но место курортное, известное своей грязелечебницей, и потому санаториев в нем несколько. А поскольку главная аллея парка и нашего санатория — одна, то в вечерние часы толпы курортников совершали здесь свой променады. И надо было видеть, какие не просто любопытные, но и недоумевающие взгляды бросали здоровые люди в сторону собравшихся колясочников, откуда то и дело слышался хохот по поводу кем-то рассказанного анекдота или житейской байки. Проходившим мимо это казалось, вероятно, странным: сами они шли так степенно, вели себя так сдержанно...

Говорят, если ситуацию нельзя изменить, остается отнестись к ней с юмором. Речь не о каких-то серьезных коллизиях, а о том, что И. Триус в своей автобиографической книге назвала «жестоким любопытством посторонних», когда инвалиду, униженному болезнью, трудно бывает сохранять эмоциональное равновесие. И каждый из нас, находясь в миру, среди людей, вырабатывает свою систему самозащиты: кто принимает агрессивный вид — «Не замай!», кто наде-

вает маску равнодушия, кто спасается иронией. Из своего мини-опыта вспоминаю, что ежели ехала я, бывало, по санаторским аллеям навстречу толпе курортников в хорошем настроении, то не обращала внимания на любопытствующих; а если настроение бывало неважнецким, то применяла не очень симпатичный, но безотказно действующий прием: так же пристально оглядывала с ног до головы человека с открытым от любопытства ртом. Через минуту он как-то терялся, глаза становились жалкими, казалось, что на время мы поменялись местами.

Я уже говорила, что считаю себя избалованной, ибо основную часть жизни прожила с матерью, которая меня обихаживала. Но избалована я еще, пожалуй, и тем, что, сидя безвыездно дома, я невольно соблюдала трамвайный принцип «Не высывайся!», и потому не терпела от чужих людей столько унижений, сколько выпадало на долю тех, кто, стремясь к активной жизни, ехал, например, в другой город — поступать в вуз. В этом случае инвалидам приходилось проходить весь крестный путь от равнодушия до жестокости, когда чиновник или администратор бросал в лицо человеку в коляске: «Не положено!» И у скольких таких смельчаков, пытавшихся вопреки обстоятельствам, болезни выбиться в люди, не хватило сил, чтобы преодолеть нетерпимое к себе отношение...

Мне кажется, что многие здоровые люди отстраняются от чужой беды не только из чувства самосохранения, но еще и по другой причине. Не секрет, что многие любят себя пожалеть, а еще больше — чтобы их пожалели. И потому такой человек боится узнать-осознать, что есть на свете люди, которым куда хуже и тяжелее живется. Для сравнения скажу, что инвалид, напротив, впервые оказавшись в санатории, испытывает в основном чувства бодрые: он-то думал, что он один такой несчастный, а оказывается, есть ситуации более суровые, и тем не менее люди умудряются жить активно, интересно. И вот он уже невольно психологически «подтягивается», видя подобные примеры.

Конечно, всем нелегко. Но вот что интересно: тот, кто все-таки находит время и силы, чтобы помочь человеку, нуждающемуся в помощи, как-то и на вид жизнерадостнее, и реже жалуется на собственные невзгоды. Недаром советуют: если тебе тяжело, найди человека, которому еще хуже, — легче станет. Ну как, например, можно угрюмо думать только о своем несчастье, когда видишь по телевизору ленинградцев - блокадников, людей, прошедших сталинские лагеря и сохранивших человеческое достоинство, или воинов-афганцев, или тех, кто пережил Чернобыльскую катастрофу? Писатели Д. Гранин и А. Адамович, создатели знаменитой «Блокадной книги», в ходе многочисленных бесед со своими героями выявили удивительную закономерность: среди выживших ленинградцев большая часть — это те, кто, сам едва держась на ногах, выживал совсем слабых и беспомощных, умиравших от истощения. Поистине, спасая — спасешься.

Как-то возле нашего санатория в Саках я застала группу курортников и решила послушать, о чем им рассказывает женщина-экскурсовод. Вранья, как водится, в ее лекции было много: о чудесном исцелении инвалидов, о профессиональной реабилитации, о приобретении ремесла во время пребывания инвалида в санатории... И тогда, глядя на этих здоровых людей, слушавших банальные и в общем-то далекие им истины, я не очень по-доброму подумала: вот бы водить вас всех регулярно вовнутрь, в палаты, где лежат на койках покалеченные и беспомощные люди, целиком зависимые от сестер и нянечек, — может, меньше стали бы ныть да жаловаться на свои неурядицы!

Сейчас я понимаю, что мысли мои тогдашние были недобрые, тоже от «нетерпения сердца». Не поймут эти люди ничего, пока все общество наше не оздорвится нравственно. Вячеслав Иванов, говоря о спасительной силе красоты, писал и о том, что уродство, — это когда отсутствуют обычные, естественные отношения между людьми. Но легко ли сразу, в одночасье, отбросить то, что вбивалось в головы десятилетиями, что вошло в кровь, растворившись в ней? Ведь на то, чтобы построить дом, уходят порой годы, а на то, чтобы перестроить сознание, психологию людей, нужны десятилетия. Человеческое сознание всегда меняется медленнее, чем обстоятельства жизни, однако же ни болезней, ни травм в ней не избежать, и потому перестройка сознания неизбежна, пусть и медленная, постепенная.

Естественное отношение, понимание и действенная доброта, конкретное, пусть совсем небольшое дело, посильная помощь нуждающемуся в ней, зачастую живущему рядом, в одном доме, на одной лестничной площадке, — это должно быть не актом милосердия и не благородным порывом. Это должно становиться нормой поведения и, хочется верить, когда-нибудь станет естественной потребностью каждого человека. Ибо, как писала Марина Цветаева, «человечество живо одною круговой порукой добра»...

ЖАЖДА ЖИЗНИ

В нашем крымском санатории две-три палаты отводились больным особым, привилегированным: писателям, спортсменам, иностранцам. В последний мой приезд в одной из этих комнат поселился молодой, лет двадцати, дипломат из Йемена, сразу же ставший местной достопримечательностью, потому как был он из далекой экзотической страны и была у него интересная для молодежи современная радиоаппаратура, классные магнитофонные записи. Али — так звали юношу — в результате автокатастрофы стал инвалидом.

От повышенного внимания к своей особе в стенах санатория отдыхал он на улице, в аллеях парка, передвигаясь на импортной английской коляске. Мы с приятельницей как-то незаметно благодаря юной спинальнице из моей палаты влились в молодежную компанию, состоявшую из этой самой Людочки, Али, армянской девушки Рузанны и сопровождавшей ее сестры. Нам, «старушкам», было любопытно следить за развитием лирических отношений Али и Рузанны, нам было интересно с этими молодыми людьми — всегда приятно погреться возле чужой юности.

И вот как-то раз сидели мы перед корпусом санатория, где вечерами «тусовались» группы колясочников. Кто-то из нас указал Али глазами на супружескую пару, недавно прибывшую в санаторий: муж был туркмен, он лежал на разложенном кресле-кровати — у него заживали пролежни, а жена — миловидная украинка — сидела рядом в коляске. Эта пара вызывала у всех теплое чувство, ибо с ними были их очаровательные детишки. И мы сказали Али, что эти двое — муж и жена, шустрый черноглазый мальчишка — их сын, а белокурая девчушка — дочка.

— Как это? Я нэ понимаю! — удивился Али.

Нам пришлось несколько раз повторить сказанное, но, как мы ни старались, так и не развеяли недоумения новоиспеченного спинальника, растерянно повторявшего:

— Она на коляска, он на коляска... я нэ понимаю...

Ему, волею судеб перешедшему в «иную жизнь», было непонятно, как эти физически беспомощные люди в колясках могли иметь семью, детей. Он все еще смотрел на инвалидов из того, «здорового» мира, откуда его так безжалостно выбросило несчастье...

Тема семьи для инвалидов — наиболее сложная, во многом щепетильная и вместе с тем всегда актуальная, «вечная», она волнует каждого, ибо в каждом человеке заложена извечная жажда жизни, здоров он или нет.

В голову приходит аналогия несколько неожиданная. В прессе освещается нынче тема сексуальных меньшинств — гомосексуалистов, транссексуалов. Медики, психологи, социологи пишут о том, что, как бы ни относились к этим людям, они испытывают в своей жизни те же чувства, что и все остальные люди: влюбляются, страдают, создают брачные пары. Но что сказать о другого рода меньшинстве, социальном — об инвалидах? Речь о нас, спинальниках, людях с нарушениями опорно-двигательного аппарата, так как незрячие, как и люди с нарушением слуха, создают обычные семьи, имеют детей, то есть при всех трудностях бытия в этом плане судьбой не обделены.

Помню, как в первое свое пребывание в крымском санатории мельком увидела и почему-то запомнила сидевшую в аллее парка молодую грустную женщину. А в последний свой приезд в Саки оказалась с ней в одной палате и даже не сразу признала — так сильно она изменилась. Люба — так звали эту женщину — теперь была замужем, сама отдыхала по путевке, а муж, тоже колясочник, снимал в городе комнатуху, и потому встречались они только во второй половине дня, после «тихого часа». Всю первую половину дня Любу терзали болезни и болячки. Она была шейницей: в юности ее случайно подстрелил часовой из находившейся по соседству военной зоны. У нее почти не работали руки, болела обожженная батареей спина, мучило воспаление почек. Но вот наступал пятый час дня, и эта женщина буквально на глазах преображалась — куда что девалось! Ее сажали в рычажку, одевали «на выход», она прихорашивалась, подкрашивалась, мы ей с удовольствием помогали — ей хотелось помочь! — и ехала на встречу со своим «солнышком», как она называла мужа. Она улыбалась, она пела — это было удивительное зрелище, ведь все мы в палате знали, как нелегко живется этим двум людям, решившимся соединить свои жизни: он был разведен, но сын от первой жены все лето проводил с отцом, и невооруженным глазом видно было, что не признает он «такой» мачехи... И все равно их было двое, они были пара, семья.

Еще одно воспоминание. Как-то в столовой рядом со мной за столом появился новый сосед, шейник, то ли из Курска, то ли из Перми. Он работал внештатным сотрудником местной газеты, и мы быстро нашли общий язык. Я немного ухаживала за ним во время еды, подвигала ложки-вилки. И вдруг, в один прекрасный день, он смущенно извинился и сказал, что хочет поменять место за столом, — глазами он указал, куда именно намерен переместиться. Там, спиной к нам, сидела девушка с длинными распущенными волосами. Мой сосед сказал:

— Понимаешь, мы с ней два года назад познакомились, а потом поссорились. И вдруг она вчера появилась. Извини, это подарок судьбы.

А на другой день, проезжая мимо небольшой аллейки, полускрытой ветвями огромной южной акации, я увидела их, они обнимались...

Кто-то сказал, что счастье — это не станция назначения, это способ путешествия. И способ этот избирается каждым человеком свой, в зависимости от обстоятельств и от характера. Там, в спинальном санатории, я убедилась в верности словосочетания «всюду жизнь»: и здесь тоже люди влюбляются, ревнуют, переживают разочарования, находят спутника жизни. Здесь можно было наблюдать все виды любви — от романтики случайных встреч и романов в письмах до пошловатых, порою скандальных случаев. Так же, как все, встречаются и любят больные люди. И женятся — тоже. Правда, последнее, к сожалению, случается реже и не всегда хорошо кончается. Помню, когда я впервые заговорила на эту тему еще в прибалтийском санатории, моя соседка по палате с грустной иронией сказала:

— А-а, знаю я эти санаторские браки! Поживут годик вдвоем, помыкаются на колясках, а потом разъезжаются по своим городам домой, к родителям.

И еще помню, как весь санаторий обсуждал историю любви двух инвалидов: они встретились здесь, полюбили друг друга и решили пожениться. Свадебный кортеж с молодоженами отправлялся в город Евпаторию, где им дали комнату, отправлялся прямо от санатория, и все колясочники и ходячие инвалиды, весь медперсонал стояли живым коридором на пути от дверей корпуса до нарядной свадебной машины... А через год эта женщина приезжала навестить отдохнувшую здесь подругу, сидела печальная у ее постели: муж изменил ей с соседкой по коммунальной квартире, они разводятся. Сама она была на коляске, он ходячий, с палочкой...

«Если хочешь быть счастливым — будь им», — сказал незабвенный Козьма Прутков. И пытаются люди, вопреки всему, быть счастливыми, иметь свою семью. Но не у всех и не всегда это получается, и не всегда причина неудачи — пресловутое «несходство характеров». Не один раз доводилось слышать банальную завязку такой истории: «Его мать была категорически против», и — концовку: «Но он настоял, и они живут все вместе». Приходится делать грустную оговорку: речь идет, как правило, о мужчине, женщина-инвалид редко выходит замуж, чаще остается одинокой. Или — брошенной, как это случилось, с одной из моих соседок по палате, которая стала инвалидом уже на склоне лет в результате несчастного случая: катаясь на лыжах, упала и сломала шею. Травма изменила всю жизнь, порвала семейные отношения продолжительностью в тридцать лет. Через год после несчастного случая муж уже ушел к другой женщине, хотя и заботился о бывшей жене, помогал летом вывозить ее на дачу. Не забуду, как грустно сказала она мне:

— Я поняла, что уйдет, уже в такси, когда он вез меня из больницы домой. Год продержался...

Возможно, мой взгляд на эту проблему субъективно-женский, слышала я и о неверности жен, бросавших своих мужей, которые стали инвалидами, но так случается все-таки реже, чаще — наоборот. Недаром народная мудрость гласит: «Муж любит, жену здоровую, а брат сестру богатую».

В несчастливых семьях есть свои печальные закономерности. Например, в неравном браке, если жена здорова, а муж — инвалид. Когда женились, оба были молоды, казалось, все одолеют, горы свернут. Но время идет, болезнь, что называется, не дремлет, и — «любовная лодка разбилась» об инвалидный быт: не всякая женщина перенесет то, что выпадет ей на долю. А если есть дети, проблема усложняется. От жены, от женщины зависит их отношение к больному

отцу. Трудно судить чужую жизнь, но матери, которые упускают этот важный момент в воспитании ребенка, не думают о своем собственном будущем, когда старость и болезни подступят и к ним, и ох как горько аукнется все плохое, что видел, наблюдал ребенок в детстве, чему учился на примере отношений между родителями.

В семье моего знакомого вырос сын, которому отец-инвалид, прикованный к постели, уделял много внимания, гордился его школьными успехами. И вот незадолго до окончания школы все изменилось. Поняла я это случайно, удивилась, когда мой знакомый замялся, услышав просьбу посмотреть в книге нужный мне адрес. На вопрос: «А почему ваш сын не подаст книгу?» — он ответил с такой горечью, что я поняла: вырос сынок, и отношение к отцу у него уже другое, как к человеку неполноценному... Известно, что дети — такова уж их психология — страшатся, если чем-то сильно отличаются от сверстников. Они хотят быть похожими на других, хотят, чтобы и родители их были «как у всех», как у их друзей.

Грустных историй можно рассказать предостаточно. В иных семьях, как, впрочем, и у людей здоровых, порою задаривают ребенка, балуют его, желая показать, что у него родители не хуже других, что они тоже могут дать ему все, и даже больше. И, откупаясь таким образом, они отторгают, отстраняют постепенно ребенка от всех трудностей, неизбежных в семье, где отец или мать — инвалид. И вот уже горе, несчастье, уготованное судьбой, становится виной, а результат известный: очень скоро сын начинает стыдиться больного отца, дочь уходит к подружкам, старается не приводить своих друзей в дом.

К счастью, есть и иные примеры. В одной палате со мной была молодая женщина-шейница, она получила травму позвоночника на производстве — упала со строительных лесов. Муж, как водится, ушел, оставил ее с ребенком. В санатории она была с дочкой лет десяти. Мне не очень нравилась эта девочка, излишне свободная в манерах, немного разболтанная. Но вот я услышала от ее матери такое: как-то у них во дворе один из ребят со свойственной подросткам жестокостью сказал этой девчужке, что ее мать — калека. И тогда малышка, ни минуты не колеблясь, ответила обидчику: «Моя мама — самая хорошая и самая красивая на свете, а если ты еще раз скажешь такое — я тебя изобью». Этой женщине, видимо, повезло, и хочется верить: как бы ни сложилась в дальнейшем жизнь, она не останется одна.

Обидно бывает, когда совместно прожитые супругами годы омрачаются непониманием, которое, накапливаясь, приводит к нетерпимости, ожесточению. А ведь мужчина-инвалид, делая порою все мыслимое и неммыслимое в его положении — добываясь лучшей жилплощади, устраивая быт, строя дом свой, — думал, что, несмотря ни на что, он — хозяин этого дома, он — муж. Вывод, который делает инвалид, когда уже ничего не вернешь и жизнь прожита: не надо было жениться на здоровой женщине.

Но и женская судьба в подобном браке нерадостна. Одну такую историю я знала, и в ней был здоровым мужчина, женившийся на колясочнице. Я познакомилась с ней в санатории, когда их с мужем отношения были уже обречены. Она мечтала только о ребенке, и когда мы гуляли по аллеям парка, не пропускала ни одной детской коляски, заглядывалась на малышей. Много хорошего в их с мужем жизни было, но кончилось тем, что они расстались: тоже непонимание, тоже не сложилось. К счастью, сбылось другое — теперь у нее есть ребенок от

другого человека. Трудно себе представить, как она со всем справляется, колясочница с престарелой больной матерью, тоже требующей ухода. Ведь все обычные житейские проблемы для инвалида возводятся в квадрат! Сам по себе этот факт удивительный, он говорит о том, как неистребимо желание женщины быть матерью, как велика у человека жажда жизни полноценной. До знакомства с этой судьбой я слышала только о женщинах с остаточным зрением, которые рожают вопреки запретам врачей — так сильно в них желание материнства.

Есть еще один непростой и деликатный вопрос. Конечно, как говорил Шекспир, «любовь — маяк над бурей в океане», и брак по любви — это прекрасно, но бывают в жизни ситуации, когда единственно возможным и вполне естественным может быть и брак по расчету.

В инвалидной среде тоже бывают ситуации, когда, к примеру, больной и немолодой уже мужчина, оставшись один, женится на женщине здоровой, которая тоже одинока и в состоянии ухаживать за ним. Негативное отношение к подобным ситуациям отражает укоренившиеся предрассудки, условности. Но ведь условность — это то, о чем люди условились, чтобы прожить оставшиеся годы по-людски, достойно. Однако при неудачном «раскладе» последствия ошибки здесь порой более жестоки: брошенный инвалид, физически беспомощный человек может просто погибнуть, и, к сожалению, подобное бывало. Случаются, к счастью, и удачи, когда сходятся люди, понимающие и уважающие друг друга. Когда человек и свое одиночество скрашивает, и чувствует себя нужным другому, слабому, когда союз строится на взаимопонимании и сострадании. Неистребимая надежда на личное счастье движет самыми разными людьми, которые дают объявления в газеты и журналы в рубриках «Знакомства».

«О, одиночество, как твой характер крут...» Да, строки о крутом характере одиночества понятны всем, и больным, и здоровым, но многие инвалиды так и остаются одиночками, если оказываются сильнее объективные обстоятельства — сама болезнь, физические недостатки, просто вынужденная изоляция, невозможность бывать на людях либо неприятие возможности такого брака родными и близкими.

Когда я думаю об этой великой и неистребимой «жажде жизни» у больных людей, всякий раз вспоминаю случайно увиденную сценку в санаторском парке. Проезжая мимо маленького озера с плавающими в нем грустными белыми лебедями — их было двое, — я обратила внимание на другую пару. Молодой человек лет двадцати пяти сидел в инвалидной коляске, а рядом стояла высокая загорелая девушка с длинными светлыми волосами. Было солнечно и тихо, оба молчали. Я не знаю, какие отношения были между ними, какой был разговор, но, мельком глянув на парня, я увидела в его глазах такую нежность и одновременно такую немую мольбу, что поспешила проехать дальше. Для меня эта сценка навсегда осталась олицетворением молодости, оборванной и поломанной болезнью...

Сколько таких молодых людей, чья «любви желанная пора» была омрачена и обречена инвалидностью, можно увидеть в спинальных санаториях, где встречаются девушки и юноши, чтобы сказать «здравствуй и прощай» личной жизни, личному счастью...

В крымском санатории живой легендой стал мужчина с Кавказа, ежегодно приезжавший сюда в сопровождении матери. Главной целью этой пары было найти невесту, и вот маленькая пожилая женщина подходила к каждой пригля-

нувшейся ей здоровой девушке, рассказывала ей о своем больном сыне, уговаривала выйти за него замуж, обещая всевозможные материальные блага. Видела я этого Азариха — так его, кажется, звали, — он сидел в инвалидной коляске и чем-то напоминал нахохлившуюся птицу с большим клювом. Многие посмеивались, глядя на мать и сына, но зрелище это было скорее грустное, нежели забавное...

Вспоминается еще одна санаторская любовь, неразделенная, но по-своему красивая. В моей палате тогда была совсем еще юная девушка-шейница, приехавшая из какого-то среднеазиатского села, очень красивая, но почти полностью парализованная. И вот в эту девчущку, выезжавшую на прогулки в разложенном кресле-кровати, влюбился молодой парень, тоже колясочник. Девчонка, для которой, что называется, еще пора не пришла, не созревшая для понимания серьезных чувств, капризничала, кокетничала с другими, парень страдал. Но интересно другое. Он прекрасно понимал, представлял себе ее дальнейшую жизнь в далеком глухом ауле и, вернувшись в Москву, начал хлопотать через знакомых журналистов, чтобы там, где жила эта девушка, к ней приходили учителя на дом и она окончила школу. Любовь кончилась, и неизвестно, как и чем живут они теперь, но любовь эта была деятельной, созидательной, несмотря на безнадежную ситуацию и неразделенное чувство.

Когда-то давно я услышала стихотворение о том, как женщины, не найдя себе спутника, строят свою жизнь из многих иных привязанностей, они «шьют» жизнь, как шили когда-то одеяло из множества разноцветных лоскутков. Ну что ж, теория «лоскутного одеяла» не столь уж плоха для тех женщин-инвалидов, у которых по тем или иным причинам не случилось любви, личной жизни. Например, если ты живешь в большой семье, где есть младшие сестры-братья или племянники, которыми можно заниматься, жить их интересами. Куда хуже полное и окончательное одиночество, когда, устав от домашних дел, остаешься наедине с самим собой и нет рядом никого, кому ты нужен и кто нужен тебе. Одиночество для больного человека страшно своей гнетущей пустотой, высасывающей душу...

А где найти, как обрести друга, подругу?

Мне думается, если изменится отношение к инвалидам в целом, изменится отношение к ним в семье, то и в их личной жизни произойдет необходимая реабилитация, откроются широкие возможности строить ее по-своему.

О том, что так будет, говорят и «Зовущие строки» в журнале «Красный Крест России», и «Служба знакомств» в журнале «Преодоление», в других специальных изданиях. Об этом говорят заметки и статьи о людях, сумевших, несмотря на болезнь, построить семью, о браках, которые «благословляют» районные общества инвалидов. Конечно же, у каждого свой «способ путешествия», рецептов здесь нет и быть не может. Но если есть возможность, если есть решимость, есть желание иметь собственную семью, — как говорится, Бог в помощь.

НЕ ОСКУДЕЮТ МИЛОСТЬЮ СЕРДЦА

Предупреждая людей о суде Божиим, Христос говорил, что в укор им будет поставлено, если кто не накормил голодного, не напоил страждущего, не помог больному, не посетил находящегося в темнице.

Революция 1917 года разрушила «до основания» не только царский строй, но и все представления о нравственных и духовных ценностях. «Милосердие» — поповское слово», — говорил Глеб Жеглов, герой фильма «Место встречи изменить нельзя». Благотворительность стала считаться унизительным делом, буржуазным пережитком, от которого, как и от многого другого, надо было избавляться.

В больном организме какой орган ни возьми, он работает плохо, он расстроен, раздражен, его действия неверны. В организме общественном тоже все взаимосвязано, и потому, когда разрушались «во имя светлого будущего» социальные структуры, разрушались и веками складывавшиеся отношения между людьми, искажались понятия, за которыми стояли и христианская мораль, и народные традиции, и просто человеческие нормы общежития.

Какое там милосердие, какая благотворительность! К чему эти устаревшие, из царских времен пришедшие слова?

Мне вспоминается, как еще в 60-е годы в наших дворах звучало: «Подайте, Христа ради!» Нищие звонили в квартиры, и порой мама подавала копеек двадцать — тогда и это были деньги. А иногда и отказывала, если за порогом стояла цветущая женщина с ребенком на руках.

— Работать надо, ты же молодая, и безработицы у нас нет! — возмущалась мама.

Конечно, ходили «дружною толпой» и цыгане, которых все боялись, тем более что отданные им старые вещи — монет они не брали — зачастую выбрасывались за первым же углом. Но, бывало, стояли за дверью и старые бабушки. Они-то, наверное, и были настоящими нищими и одинокими, но говорили: «Мы погорельцы», — так было «прилично», хотя им не очень верили, слишком уж часто, получалось, горели избы в окрестностях Москвы.

И вот теперь, когда развеялись, как дым, прекрасные мечты, повержены вчерашние кумиры, общество приходит к горькому осознанию того, что все мы шли «вверх по лестнице, ведущей вниз». Вновь зазвучали полузабытые слова «милосердие», «благотворительность»

И у больного организма есть здоровые клетки. Не утеряны, не вконец еще оборваны связующие нити — от сестер милосердия, которые в первую мировую перевязывали раненых в госпиталях, и медсестер, выносивших с поля боя солдат в годы войны Отечественной, до возрождающейся ныне благотворительной деятельности приходских сестер православной церкви.

Нити эти тянутся оттуда, из России дореволюционной, когда существовали общества попечения о раненых и больных воинах. И если в Европе они опирались в своей деятельности на светские мотивы, то в России — на мотивы христианские. Митрополит в воззвании обращался «к российским чадам православной церкви» с напоминанием евангельской притчи о добром самаритянине и уповал на «высокий патриотизм и горячее человеколюбие» русского народа. В стране проводились разнообразные благотворительные мероприятия: концерты, спектакли, лотереи, а после первой мировой войны был создан Всероссийский земский союз помощи больным и раненым.

«Благо творить» было делом и государственным, и личным для каждого гражданина. Само слово «милосердие» в христианском понимании — «милое сердце», это помощь не для того, чтобы прославиться или благодарность получить, а ради спасения души, Христа ради. Верующие люди в субботу уделяли

внимание «ближним своим», навещая больных, ухаживая за немощными. При церквях была развитая система благотворительности, тысячи богаделен в России существовали на частные пожертвования. Благотворительностью занимались и дворяне, и члены царской фамилии — царем был даже учрежден орден милосердия, — порой отрекаясь от своего высокого положения. Великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра последней русской императрицы, сказала своим православным сестрам-подвижницам: «Я оставляю блестящий мир, где я занимала блестящее положение. Но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир — мир бедных и страждущих». Она основала на свои средства Марфо-Мариинскую обитель любви и милосердия, которая в наши дни возрождает свою благородную деятельность, беря под опеку одиноких и престарелых.

Библейские сюжеты содержат много притч об исцелении больных Сыном Божиим³, о милосердии. До революции, пока Христианская мораль определяла нравственное воспитание общества, она же руководила и действиями благотворителей на Руси — купцов, промышленников, известных деятелей науки и культуры.

Настоящее русское купечество считало делом чести, долгом своим вкладывать деньги в благотворительность. Мы знаем о купеческом сословии в основном по пьесам А. Островского, но ведь драматург выводил в них, как правило, далеко не лучших представителей этого класса — невежественных, жадных самодуров. Однако среди купцов были и другие — образованные люди и патриоты, заботившиеся о процветании Отечества. Остались в истории имена Мамонтовых, Морозовых, Солдатенковых, Щербининых, которые внесли огромный вклад в развитие русской культуры. Они строили на свои средства школы, больницы, работные дома, приюты для сирот. Все старейшие больницы Москвы были построены купцами. Эти люди считали, что, если Бог одарил их талантом зарабатывать деньги, то кого-то он обделил самым главным — здоровьем, и этим несчастным нужно помогать. Так, Павел Третьяков, создатель знаменитой художественной галереи, основал еще и школу-интернат для глухих детей, и сам в течение тридцати лет преподавал в ней, а после его смерти дело продолжили его жена и сестра. Создатели знаменитого Театрального музея богачи Бахрушины положили начало традиции благотворительности в столице. На их средства были построены Остроумовская больница и туберкулезный институт, дом для вдов и сирот с бесплатной столовой, детским садом, библиотекой, производственными мастерскими.

Сытины, Алексеевы, Рябушинские, Солдатенковы, Чайановы — с именами этих людей связано в России такое явление, как меценатство. На их средства творила целая плеяда русских живописцев, издавались книги, создавались театральные труппы.

Да, трудны первые шаги больного, пролежавшего в неподвижности долгие годы. Эти шаги делает, освобождаясь от долгих запретов и бюрократических рогаток, православная церковь, которой возвращаются храмы, монастыри, обители. В больницах все чаще появляются члены православных общин, прихожане, которые ухаживают за больными, следуя древней истине: «Наградой за доброе дело служит само доброе дело». Симонов монастырь в Москве открывает для глухих людей богослужение с сурдопереводом, здесь же создается центр по изуче-

³ См. «Исцеление больных» - <http://paralife.narod.ru/library/osborn/contets.htm> (прим. Paralife).

нию библейских текстов, с просмотрами фильмов для прихожан с нарушениями слуха. Уже состоялся первый выпуск сестер милосердия при Первой градской больнице. Церковь начинает строить на свои средства интернаты для престарелых и одиноких прихожан.

Конечно же, старики, больные, инвалиды — категория граждан, которая требует особой помощи и заботы государства. Но экономическая ситуация в стране такова, что в ближайшее время кардинального решения всех социальных проблем ждать не приходится. Вот почему внимание общества обращено сейчас на новые нарождающиеся структуры, на класс отечественных предпринимателей.

И что же здесь? Со страниц газет и с экранов телевизоров не сходят рекламы фирм, банков, коммерческих предприятий. Многие из них становятся спонсорами всевозможных благотворительных акций. К сожалению, зачастую спонсоры эти руководствуются лишь рекламными целями, стремясь «себя показать». Между тем благотворительность на Руси была всегда делом тайным — недаром в Библии сказано: милостыню надо дарить так, чтобы правая рука не знала, что творит левая.

Есть в садоводстве такое понятие — «ложное цветение». Это когда яблоня цветет второй раз в году и радоваться не стоит: яблоня эта погибнет. Так, видимо, обстоит дело и с ложным милосердием: оно во многом еще не настоящее, показное. Часть предпринимателей считают, будто благотворительность возможна лишь при большом богатстве, забывая о том, что с ростом капитала непременно должна расти и нравственность. Кто-то верно заметил, что и в бизнес нужно ввести библейские заповеди, иначе благотворительность так и останется чисто назывной, ради славы, ради рекламы. Остается надеяться, что неизбежная болезнь роста пройдет, когда предпринимательство, пройдя стихийную стадию развития, будет поставлено на четкую правовую основу, когда станут, как на Западе, действовать законы, делающие благотворительность экономически выгодным делом.

Однако какими бы целями — благими или корыстными — ни руководствовались те, кто организует благотворительные концерты или отчисляет средства сиротам в дома-интернаты, они привлекают внимание общества к положению обездоленных судьбой и государством людей. Главное — чтобы милосердие не декларировалось «сверху», чтобы помощь оказывалась не «полкам и батальонам», а конкретным людям, чтобы она была целевой, адресной. Кавказская мудрость гласит: «Костер, зажженный на вершине горы, не согреет того, кто находится у ее подножия».

В наше время все чаще вспоминают эпитафию к одному из романов Хемингуэя: «Нет человека, который был бы, как остров, сам по себе... Потому что ты един со всем человечеством. И потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе». Видимо, мир подошел к осознанию того, что все мы — дети Земли, а не просто граждане того или иного государства. И мир этот может быть уничтожен за несколько часов, он уже погибает из-за неразумных действий человека. И потому, если где-то, в каком-либо уголке планеты случается беда, ее ощущают все. Землетрясение в Армении показало это со всей очевидностью — буквально на другой день после страшной катастрофы откликнулись все страны мира, послали помощь пострадавшим.

Откликнулись они и на нашу российскую беду — экономический кризис. Из стран Европейского сообщества пошли грузы с гуманитарной помощью. Одной

из первых, была Германия: страна побежденных помогала стране-победительнице. За державу обидно? Конечно, хотя, как водится, стыдно и обидно было не тем, кто довел страну до такого состояния, а тем, кто эту помощь принимал. За то, что сами не можем выбраться из болота, за то, что наши ветераны, которых и осталось-то уже мало, живут плохо.

Но это не все. Те, кто каким-то образом соприкоснулся с международными акциями милосердия, знают, что при распределении продовольственных посылок пришлось столкнуться не только с воровством «распределителей», но и с психологией людей нашего, советского покроя. Воспитанные на принципе «государство — все, человек — ничто», мы все, и здоровые, и больные, стали по психологии своей иждивенцами и просителями у того же государства-распределителя. Отсюда столь короткая дистанция от «Не нужна нам помощь от фашистов!» до «А где моя посылка, мне положено!» Отсюда же и зависть, и расталкивание локтями других, и неприязнь к людям немощным, к инвалидам, к их «привилегиям». Отсюда крики в очередях, когда социальный работник убеждает очередь пропустить его с продуктовой коляской вперед: «Знаем, каких инвалидов вы обслуживаете! Мы все здесь инвалиды!» А ведь так оно и есть, как с грустью заметила одна писательница; все мы — инвалиды с детства, у всех у нас перевернутое, искаженное сознание, ненормальное отношение к человеческому участию, доброте.

Нормальному человеку свойственно отдавать что-то другим — материальное или духовное. Столь же нормально и брать от другого нужное тебе. Но в нашем обществе стыдно было и давать, и брать. Да что далеко за примерами ходить, я вспоминаю эпизод из собственного детства. Когда я заболела, мои одноклассницы решили купить мне телевизор «Ленинград», самых хороший по тем временам, для чего они собирали по дворам и сдавали металлолом. Чисто случайно я узнала о готовившемся сюрпризе и поторопила родных купить телевизор «КВН», на который мы копили деньги полтора года. И вот помню, как я специально позвонила школьной подруге и, торжествуя в душе, сообщила ей о том, что мы купили телевизор. Она с трудом сумела скрыть свое огорчение, а я радовалась: вот какая я молодец, мы хоть и бедные, но — гордые! А теперь думаю: ну и глупая я была, ведь девчонки от всей души старались, собирали по дворам железки, таска ли их, получали за это жалкие рубли, хотели сделать мне подарок. И зачем нужно было мне выпендриваться, лишать их радости? Увы, нас так воспитывали — бедными и гордыми...

Теперь я считаю иначе: коли кто-то искренне хочет тебе помочь и помощь эта тебе действительно нужна — дай этому человеку возможность оказать тебе ее и скажи спасибо, чем бы тот ни руководствовался, добросердечием своим, религиозными, ли соображениями или просто «откупаясь» от судьбы. Ради чего он это делает — его личное дело, пусть проявит себя с лучшей стороны, это тоже благо.

В конце 80-х в столице и в других городах появилась служба социальной помощи, которая теперь успешно функционирует, помогая тысячам престарелых и одиноких граждан, инвалидам. Благодаря этой организации многие одинокие и физически беспомощные люди избавлены от очередей, знают, что не останутся без куска хлеба, что в дом к ним придет человек, который поможет, посоветует, поговорит, — одиночество страшно прежде всего отсутствием общения. В глу-

бинке эту же социальную миссию берут на себя члены Общества Красного Креста России, патронажные сестры.

Но и тут тоже случаются проявления «советского синдрома»: некоторые из опекаемых предъявляют порой непомерные требования к социальному работнику. Спору нет, плохо тебе, старому, одинокому, больному, но тем более надо уметь быть благодарным, если приносят необходимое, о чем-то спросят и что-то расскажут. Таскать по этажам тяжелые сумки да выслушивать нелестные слова в свой адрес в магазинах, очередях — тоже не сахар, да и зарплата у соцработника невелика.

Конечно, служба социальной помощи находится в стадии развития, но у нее уже есть опыт и есть будущее. Вероятно, будущее это связано с новыми структурными образованиями — территориальными автономными центрами в каждом микрорайоне, при которых будет не только социальное, но и бытовое, и медицинское обслуживание. Если в таких центрах предусмотреть все основные виды услуг — прачечные, химчистки, парикмахерские, — да по доступным ценам, то многие проблемы жизни и быта малообеспеченных граждан будут решены. Ах, как говорится, эти бы пожелания да Богу в ухо...

Кончается целая эпоха, грядут новые времена, и неизвестно, как станут жить-выживать в новых условиях люди. Одно ясно — при любых режимах и в любых экономических системах человек должен оставаться человеком. Думается, что отношение к слабым мира сего всегда будет для общества той самой лакмусовой бумажкой, которая выявляет степень его здоровья.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. А пока, мне думается, истинное, непоказное милосердие будет исходить от отдельных людей, которые просто по натуре своей не могут не помогать тому, кто в этом нуждается. От людей добрых, которые живут и поступают по принципу: «Думая о больном мире, думай о больном, соседе».

Я в своей жизни часто получала помощь от добрых людей — знакомых и во все даже не знакомых, которые не проходили мимо. В той же Прибалтике, среди уличной суеты однажды вдруг увидела чью-то руку, положившую прямо мне на колени шикарный букет роз. Оглянулась и увидела удалявшуюся женщину — продавца цветов. В другой раз, когда я, сидя возле фотоателье, ждала проявленной пленки, из соседнего застекленного магазинчика выбежала молодая женщина, спросила, какое у меня заболевание, и долго рассказывала о способе лечения, который поставил на ноги ее тетю. И видно было, что ей очень хотелось помочь — хотя бы советом.

И вспоминается мне поездка на нынешний Российский выставочный центр, бывшую ВДНХ. При пересадке из такси в прогулочную коляску мне сильно ушибли руку дверцей автомашины. Спустя время я уже сидела посреди широкой площади перед главным входом, через который двумя большими потоками вливались на территорию выставки посетители. День был жаркий, и моя спутница пошла купить воды, а я поглядывала по сторонам и потирала ушибленную руку. В то время я и сама являлась своего рода экспонатом и потому старалась не смотреть на людей. Но вот боковым зрением вдруг отметила, что из проходящих мимо то одна, то другая фигура отделяется, нерешительно подвигается ко мне... И до меня дошло: эти люди видели, что у меня что-то с рукой, что я одна, а мои «оглядки» походили на молчаливый призыв о помощи. И это были уже не жесты, это было движение...

Если будет движение — будет и дорога, дающая надежду. Хватило бы только терпения, терпимости и благожелательного отношения друг к другу. И пусть, как сказано в Писании, «не оскудеют милостью сердца».

САМАЯ БОЛЬШАЯ РОСКОШЬ В МИРЕ

Однажды теплым вечером вся наша компания катила к площадке недавно построенного павильона-бювета, чтобы полюбоваться оттуда видом Сакского озера. По дороге мы перебрасывались словами с Али. Он интересовался тем, как я живу в Москве, и спросил между прочим, есть ли у меня друзья. Медленно и внятно, чтобы он понял, я рассказала, что мои товарищи по несчастью — почти все «телефонные», и самый близкий друг — тоже. Он даже остановился от удивления:

— Как, на телефона? И ты его не видал?!

— Нет, ни разу в жизни, хотя знакомые мы уже лет шесть.

— Как это? Я нэ понимаю... Он многого «нэ понимаю» в нашей жизни, этот смуглолицый юноша с черными, как уголь, глазами. Он был «свежий» спинальник, сын миллионера, и стыдась себя нынешнего, своей инвалидности, даже не хотел возвращаться на родину. Среди прочего, непонятного для Али, было и то, что мы, инвалиды-колясочники, зачастую знаем друг друга только по фотографиям и голосам в телефонной трубке, потому что, встречаться просто не имеем возможности. Что по телефону вообще можно не только решать какие-то деловые вопросы, но и дружить, можно ссориться, мириться, влюбляться.

Он и вообще-то приехал к нам из другого мира, да и в Москве будет жить в условиях иных, чем мы: иностранное подданство и деньги обеспечат ему и медицинский уход, и бытовой комфорт. Вот почему я не слишком удивилась тому, что он не мог понять, чем для нас, инвалидов, живущих в России, является телефон — великое изобретение человечества.

Гораздо страшнее, когда этого не понимают госчиновники. В конце 70-х по Москве прошел слух, да и в газетах стали писать о том, что скоро будет введена повременная оплата за пользование телефоном. Боже мой, какой ужас охватил нас при этом известии! Ведь по самым скромным подсчетам получалось, что ежемесячная плата для нас окажется нереальной, если не сократить до крайнего минимума пользование домашним телефоном.

Мы обрушили тогда на главное почтовое ведомство буквально мешки коллективных и индивидуальных писем. С того времени у меня сохранилась целая папка стереотипных ответов: «При введении повременной оплаты пользования телефоном будут предусмотрены льготы отдельным категориям граждан». В те годы на это нововведение не решились, а ныне просто периодически повышают плату за телефон. Но количество перешло-таки в качество, активность наша возымела действие: скидка для инвалидов, слава Богу, с тех пор предусматривается. Но тогда! Сама мысль о том, что придется «дозировать» телефонное общение по минутам, рассчитывать, сколько времени я могу тратить на деловые звонки в магазины, учреждения, аптеки, а сколько — на друзей, приводила в ужас. Ну где мы, люди парализованные, можем увидаться друг с другом? Да нигде! Когда в крымском санатории я встретила с москвичами, у которых путевки по времени совпали с моей, то с двумя-тремя из них я уже несколько лет была знакома заочно и только телефонно, и мы шутили до этого по поводу:

— Три года ты мне снилась, а встретились вчера!

В психологии есть такое понятие «сенсорный голод». Его испытывают люди, в силу различных обстоятельств ограниченные во внешних впечатлениях, в общении.

Конечно, инвалиды во все времена изыскивали возможность побывать у друзей, встретиться друг с другом. Были, к примеру, когда-то «съезды» миопатов — людей, больных миопатией: пять-шесть человек собирались на квартире, где площадь и родные позволяли, и за чашкой чаю устраивались литературные вечера с лекциями, чтением, дискуссиями. Но все же это были только единичные и редкие случаи, и хотя, говорят, для друга и семь верст не околица, в основном инвалидам-колясочникам встречаться очень сложно, а часто и невозможно.

Изменилось ли что-нибудь в наши дни? Вроде бы да, в районных обществах инвалидов проводятся праздничные вечера, концерты и встречи. Что еще? В Большом театре отведено несколько мест для колясок. Присутствуют нынче инвалиды и на эстрадных концертах, и на богослужениях, и на спортивных соревнованиях. Летом для нас, москвичей, абонируются места на прогулочном теплоходе. Правда, остается одно «но»: как инвалидам-опорникам добираться до этих самых залов и театров, стадионов и портов, если в доме нет лифта, а такси из-за дороговизны стало практически недоступным?

Пока что единственным видом их живого общения является спорт. Российская Федерация спорта для инвалидов проводит легкоатлетические соревнования, турниры шахматистов. Наше телевидение уделяет все больше внимания инвалидному спорту, и уже анахронизмом звучат слова бывшего директора Петербургского телевидения, отказывавшегося допустить спортсменов-инвалидов на экран: «Это неэстетичное зрелище».

Помню, в бытность свою в прибалтийском санатории я наблюдала подобные «неэстетичные» соревнования. Зрелище, надо сказать, не для слабонервных: по крутой лестнице со страшным грохотом, держась руками за перила и ежесекундно рискуя свалиться, спускались парни-колясочники. Молодая энергия кипела в них и требовала выхода, движения. И еще помню, я все удивлялась, почему в санатории не видно отечественных рычажек. Оказалось, что спортсмены-любители устраивали на таких колясках настоящие гонки по шоссе, ведущему к морю. И — загоняли их прямо в воду, финишируя, кто мог, плаванием. Естественно, в таких самостийных соревнованиях коляски разбивались вдребезг, администрации все это надоело, и рычажки были изъяты из санаторского «автопарка». Там же, в Кемери, спинальник с сильными руками на спор поднялся по пожарной лестнице до самой крыши корпуса. А в крымском санатории на всех этажах и в вестибюлях проводились местные турниры по шахматам и шашкам, часами сидели ребята за столиками, особенно в зимние заезды.

Внимание, уделяемое сегодня прессой и телевидением набирающему силу инвалидному спорту, можно только приветствовать. Ведь гоночные марафоны, соревнования по легкой атлетике, специальные олимпиады для детей-инвалидов — это реабилитация тех, чей удел — костыли и коляска. Многие виды состязаний оказались доступными для опорников: плавание и фигурная езда на колясках, баскетбол и гонки по шоссе, настольный теннис и толкание ядра, метание копья и стрельба из лука. И все это помогает не только вырваться из плена неподвижности, но и найти почву для живого общения людей одной судьбы. Правда, в основном, конечно, людей молодых, потому что не всем это под силу, да и

не у всех ведь есть склонность к занятию спортом. И потому основная масса опорников продолжает сидеть в четырех стенах, видя только родных.

Вот и получается, что, несмотря на происходящие перемены, основным средством общения, если говорить о столице и крупных городах, по-прежнему остается телефон. Это, как и телевизор, наше «окно в мир», это тоже Великий невидимка. И какая пустота наступает, когда он ломается, — обрывается связь с внешним миром, и делаешь все возможное, чтобы скорее включился чудо-аппарат! Своих «окончательных» друзей я обрела именно по телефону. Проходя по телефонным «тропам» в поисках нужной мне информации, я находила интересных людей, потом — людей, как говорят, одной группы крови, которым можно рассказать то, чего порой не скажешь близким, ибо это сугубо инвалидные темы, да и мировосприятие у нас, людей больных, во многом свое. Телефонные разговоры — это не общение в материальном пространстве, это общение во времени и в душах.

Нельзя переоценить того опыта, который дает общение с людьми одинаковой с тобой судьбы. Ну где я, инвалид с детства, могла получить это самое общение? Да только в санатории. Был полон открытий мой первый выезд в Прибалтику. Но и крымский санаторий не только оправдал мои ожидания, а даже превзошел их по обилию впечатлений, переживаний, встреч. Палата, в которой довелось мне прожить полтора месяца, была удивительной: мы въезжали в нее как в дом родной и говорили обо всем откровенно, помогали друг другу чем могли. Никогда не забуду нашего ночного возвращения из кинозала соседнего санатория.

Мы мчались в кромешной темноте, не видя дорожек, под проливным дождем, промокшие до нитки, грязные, мы хохотали на весь ночной парк и добрались за минуту до закрытия, санатория. Я вообще никогда потом столько не смеялась, как в этот первый южный заезд, а наш врач говорил, что давно не видел такой веселой палаты.

И была незабываемая поездка на юг полуострова на машине, длившаяся целых восемь часов! Была переправа на пароме в Севастополь, и потрясающий вид на долину сверху, с вершины Сапун-горы. Был бесконечный серпантин автомобильной дороги на самую высокую точку Крыма — Ай-Петри, и крутой спуск к Ялте, когда я тоже побывала «за рулем» — помогала шоферу-спинальнику держать ручной тормоз. И была трогательная встреча с палатными девчонками, которые докатили меня, досмерти уставшую, до палаты, где ждали заботливо укрытые тарелки с едой и горячий чай с вареньем — единственное, что мне нужно было в то время. Все было впервые, и все было здорово, несмотря на неурядицы, простуды, усталость.

Но я уже понимала, что дважды такое не повторяется: букет роз от нового знакомого, доставленный прямо в палату; прогулка по покатым улицам-«пандусам» Севастополя; вид на Ялту с высоты птичьего полета; яркое, сверкающее на солнце море; поездка в Евпаторию и лицезрение воспетого революционным поэтом евпаторийского пляжа; посещение базара и вечерней танцплощадки в парке; необычное скопление звезд на темном южном небе, когда я целый час просидела с задранной вверх головой, не понимая, что это за Плеяды, что за Млечный путь такой завис надо мной. Были и традиционные проводы, «отвальная», когда на плотно застеленную чистой простыней кровать поставили вареную в чайнике рыночную картошку, овощи, фрукты, легкое вино. Так и за-

печатлелась в моем фотоальбоме наша палата: на фоне молодых зеленых сосенок все улыбаются, глядя в камеру, чуть грустно, будто сознавая, что вряд ли мы еще когда встретимся и вряд ли будет еще такая палата...

Часто думаю: если бы я стала «выездной», как многие инвалиды, с юности, какая бы это была радость — ведь в юности иное восприятие жизни, более острое и непосредственное. Да и опыт жизни, который дает пребывание в санатории, во многом избавил бы меня от неизбежной закомплексованности, а возможно, подвигнул бы на более активные поиски товарищей по несчастью.

Какой же это опыт? Ну, прежде всего знакомство с различными судьбами, порой куда более суровыми, чем твоя собственная. Ведь каждому из нас, сидящему безвыходно дома и нигде не бывающему, представляется, что он — один такой разнесчастный, что только с ним судьба сыграла такую злую шутку. Конечно, теоретически представляешь себе, что в мире есть подобные тебе, парализованные больные, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, и если услышать, то от человека, который все испытал на собственной шкуре.

Есть такая индийская притча. Один бедный человек шел по дороге, прося милостыню; ему ничего не давали ни в первый, ни во второй день, и лишь на третий день подали несколько морковок. Он шел, грыз эти морковки, бросал на дорогу хвостики от них и приговаривал: «О-о, я несчастный!» Потом оглянулся и увидел, что вслед за ним идет человек, подбирает и ест брошенные хвостики. «О, я должен радоваться, тому человеку еще хуже!» — воскликнул нищий. Это мудрая притча: ведь всегда невольно подтягиваешься внутренне, если видишь, что кому-то рядом еще хуже. Я вспоминаю прелестную молодую девушку из Волгограда, шейницу. Она была альпинисткой, получила травму позвоночника в горах, в санатории ходила с большим трудом, подволакивая ноги, на костылях. Так вот, она рассказала мне о душевном подъеме, который однажды ей довелось пережить. Привезли лежачую больную, старушку, и вот как-то раз, когда в палате никого не было, кроме нее и девушки, бабулька вдруг попросила: «Олечка, намочи мне, пожалуйста, полотенце!»

— И я, как бабочка, вспорхнула и полетела на костылях к умывальнику, счастливая, что и я кому-то могу помочь! — смеясь, сказала мне Оля.

У каждого из нас своя, особенная жизнь, и никогда не помешает узнать, кто и как устраивает эту жизнь — в семье ли, среди чужих людей или в одиночестве. По-разному оцениваешь каждую отдельную ситуацию, и людей, и отношения между ними, сопоставляя собственные связи с окружающими. Слушая бесчисленные исповеди, воспоминания, без которых жизнь в одной палате не обходится, особенно в «тихий час» или на ночь глядя, мотаешь на ус рассказанное, примеряешь на себя ситуацию или конфликт: а как бы я? а как лучше для меня? а почему я так не могу? Живя полтора месяца в палате на четверых, учишься и себя видеть как бы со стороны, решаешь, как поступить в том или ином случае, какую линию поведения выбрать, как выйти из щекотливого положения. Общежитие проверяет тебя на психологическую совместимость, и не всегда эту проверку выдержишь, но и отрицательный опыт — он тоже опыт, он полезен: в другой раз будешь знать, как себя вести, пусть не здесь, просто — в жизни.

Живое общение не ограничивалось «палатным» опытом, оно продолжалось и на улицах, и в парке, и в концертном зале, где нам показывали художественные фильмы. Для меня это тоже было внове — совместное переживание происходя-

щего на экране: затаенное дыхание в драматических местах и дружный хохот в комических. Как отличалось это от одинокого домашнего сидения перед телевизором! Приезды гастрольных эстрадных групп дали возможность побывать на концерте, «живьем» увидеть современных певцов, услышать живое звучание музыкальных инструментов.

Ну и наконец, как правило, следует письменное продолжение знакомств, появившихся в санатории. Некоторые инвалиды приобретают друзей на долгие годы, особенно если есть возможность встретиться здесь еще раз. Но, по себе судя, скажу, что, к сожалению, санаторская атмосфера скоро выдыхается и, если людей не связывают особые личные отношения, переписка рано или поздно кончается. «Из дальних странствий воротясь», инвалид вновь погружается в свой микромир, с каждодневными заботами, проблемами, каждый продолжает собственную жизнь, которая поглощает целиком, уводя своим путем-дорогой.

Общение инвалидов с людьми «в домашних условиях» — тема особая. Ох, как много зависит в зависимой нашей жизни от людей, приходящих в дом! Кто он, новый человек, кем станет для тебя? Я уже рассказывала о том, как случай привел в мой дом незрячего парня, как на основе общего дела завязалась наша дружба и взаимопомощь на долгие годы. Его величество Случай... А почему бы, думаю я теперь, не пойти случаю навстречу? Ведь несмотря на все превратности судьбы, человек и сам для себя может сделать много хорошего, это ведь только в обывательском представлении инвалид беспомощен и ни на что не способен изначально. И не только для себя сделать — хотя по теории «здорового эгоизма» все, что человек делает в своей жизни, он делает для себя. Стоит только попробовать преодолеть собственную инерцию, помня давнюю истину: под лежащий камень вода не течет.

Известно, как много молодых людей, юношей и девушек, передвигающихся на инвалидной коляске или лежащих, не имеют друзей-сверстников.

У инвалидов по зрению — свои проблемы и свои жизненные сложности. Многие из них работают на специальных учебно-производственных предприятиях, однако виды этих работ, как и у нас, опорников, разнообразием не отличаются. Вот почему незрячая молодежь так стремится получить образование, и, несмотря на большие трудности, многие становятся юристами, математиками-программистами, историками. Есть среди них и музыканты, и массажисты. Но путь к заветной цели, как говорится, не усыпан розами, учиться слепому человеку в обычном институте или техникуме очень непросто.

Так почему бы не попробовать инвалиду-опорнику войти в жизнь и судьбу инвалида по зрению — и тем самым изменить собственную жизнь, заполнив ее интересным и полезным делом? Не исключено, что придется превозмочь сопротивление близких: непросто это — впустить в дом свой еще одно несчастье, еще одного инвалида.

Все будет: и привыкание к иному виду неполноценности, и преодоление своеобразного психологического порога, и изменение установившегося режима, и вхождение в другой характер, в отличные от твоих интересы, привычки, вкусы.

Однако за все это будет и великая награда — радость постоянного живого общения и удивительное сознание собственной силы: ты можешь дать другому человеку то, чего он лишен! У тебя появятся и новые друзья — молодые люди, жадно стремящиеся к знаниям, внимающие тебе, благодарные за любую новую

информацию. И некогда уже будет скучать и грустить, напротив — будет не хватать времени на все.

Как выйти инвалиду-опорнику на инвалида по зрению? Через газету, через знакомых, через местное отделение Общества инвалидов или Общества слепых. Позвоните и предложите свои услуги, объяснив ситуацию.

Во всяком случае, на мой взгляд, это один из вариантов сделать свою жизнь максимально полноценной. Как сказала одна журналистка: «Если трудно сегодня ответить на вопрос «зачем жить?», можно попытаться решить проблему с другого конца — повысить качество своего существования». Предполагаемый союз с другим человеком дает шанс проверить себя, выявить свои скрытые способности, и в конечном итоге — помогает стать личностью. И кто знает, что ждет тебя «там, за поворотом» — нужная, интересная работа, обретение новых знакомых или друга на всю жизнь? Но как бы ни сложились обстоятельства, в любом случае останется сознание, что ты сумел в жизни своей сделать большое настоящее Дело. Так, может быть, ради этого стоит попытаться преодолеть инерцию и начать движение?

А. Сент-Экзюпери говорил: «Единственная роскошь на свете — это роскошь человеческого общения». И нет в мире ничего страшнее одиночества среди людей, ощущения своей ненужности, неприкаянности в этом мире. Это тяжкое чувство знакомо каждому инвалиду.

И проблема-то снова упирается в отношение общества к нам, неходячим. Надо, чтобы общество признало наше существование и элементарно учитывало его. А именно: инвалид должен иметь возможность выбираться из своего дома. И тогда не суть важно будет, есть ли центры, ассоциации... Если будут в жилых домах пандусы, если будет решена транспортная проблема, начиная с подъемников в троллейбусах и кончая льготами на проезд в такси, если городская архитектура приобретет хотя бы частично «безбарьерный» характер, то наш брат сам уже выберет, куда ему сегодня податься: в магазин, в кино, на стадион или на зеленые лужайки ближайшего лесопарка. Он сам решит проблему своего досуга, а следовательно — проблему общения. Но, кажется, я начинаю повторяться...

И СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ

В первый же свой приезд в южный санаторий, обследуя огромный корпус, я побывала и в библиотеке. И была удивлена не только тем, что в этой тихой и уютной комнате можно было ездить на коляске прямо по коврам, подъезжая к книжным стеллажам, которые расположены низко, на уровне сидящего человека. Удивило меня и другое: на улице светило солнце, весь народ гулял, дышал свежим морским воздухом, а здесь, под самой крышей, упорно сидели пять-шесть человек, листали книги, отбирали и увозили с собой сразу по несколько томов.

Позднее я узнала, поняла, что больные, посвящавшие свой досуг чтению, в основном не москвичи. Молодые люди, запоем читавшие библиотечные книги, были из глубинки, из дальних городков и маленьких поселков, где нет возможности достать интересные новинки, классику. И они, пользуясь случаем, читали помногу, читали везде, в палатах и на садовых дорожках, наверстывая упущенное и словно начитывая впрок.

Но там же можно было наблюдать и другие, увы, печальные картины: многие пили, и пили, что называется, по-черному: под вечер с верхних этажей летели на землю пустые бутылки, некоторых за пьянство и нарушение режима выписывали из санатория раньше времени. Ежедневно под вечер мы наблюдали одну и ту же картину: нянечки увозили в корпус вдребезги пьяного мужчину, едва державшегося в инвалидной коляске. Непонятно и досадно было: зачем такому человеку дали путевку, о которой мечтают многие больные?

Тяжкое это зрелище — пьяный инвалид...

Запивают по разным причинам. Чаще всего тот, кто получает травму на производстве или в результате несчастного случая, не выдерживает неизбежного психологического слома, насильственного перехода в иное измерение, в иную жизнь, резкой смены социального статуса. Ведь у каждого человека разная степень сопротивления судьбе, да и жизненные установки тоже разные.

Но во многих случаях пьянство, увы, обусловлено и предопределено беспросветностью самой жизни, отсутствием перспективы: молодой человек, живущий в глубинке, не знает, чем занять свободное время, которого у него вдруг стало так много, — ну нет у него никакой возможности получить хоть какую-нибудь работу на дому! Для таких инвалидов наше недовольство монотонностью ручной работы может показаться блажью, капризом — им и такая работа была бы в радость. А при ее отсутствии вообще — чем занять себя? Что делать — лежать пластом или сиднем сидеть, проклиная жалкую свою судьбу.

Да нет, оказывается, можно найти занятия, способные вывести из ограниченного квартирному мирку в широкий мир человеческого общения, — была бы лишь охота. Среди подобных занятий — так называемые тихие виды спорта.

В Сакском санатории на каждом этаже стояли шахматные столики, за которыми часами просиживали любители этой игры. Очень популярна среди инвалидов игра в шахматы по переписке.

А вот еще один доступный инвалидам вид спорта — радиоспорт. Сидя перед аппаратом со множеством ручек и переключателей, спортсмен-колясочник связывается с разными городами страны, а также со многими далекими географическими пунктами, которые отмечены прямыми линиями на большой карте мира. Да, среди многотысячной армии радиолюбителей-коротковолновиков, выходящих в эфир, немало инвалидов. Конечно, есть проблемы с установкой антенны, добыванием радиодеталей. Наверное, созданная в России Федерация спорта для инвалидов может позаботиться о создании комитета инвалидов-радиолюбителей, а также похлопотать о предоставлении опорникам такой посильной надомной работы, как, например, комплектование наборов радиодеталей. Можно организовать заочный клуб радиолюбителей-инвалидов, шефство профессионалов-коротковолновиков над любителями и еще много интересного в этом направлении.

Теперь о главном: что дает инвалиду радиоспорт? Прежде всего, это возможность приобрести множество друзей, не выходя за порог родного дома. Можно путешествовать по всему миру без визы и паспорта. Можно принимать участие в спортивных состязаниях — правила одинаковы для всех — и получить спортивные разряды, вплоть до звания «Мастер спорта международного класса». Упростились многие формальности, ранее пугавшие инвалидов, например, для людей с физическими недостатками отменена сдача экзаменов на владение азбу-

кой Морзе. Радиоспорт может сблизить большое количество людей с поражением опорно-двигательного аппарата.

К тому же радиолобительство поддерживает интерес к техническому творчеству. Обратившись к этому виду спорта, молодой человек может проявить свои способности в технике, в конструировании. Некоторые инвалиды, например, участвовали в различных радиолобительских выставках и стали призерами.

И, конечно, расширение радиоконтактов, выход в мировой эфир помогает спортсмену-коротковолновому овладеть английским как международным языком радиосвязи.

Однако есть еще один, может, не всем пока известный и экзотический язык международного общения, язык, который тоже звучит в радиоэфире. Он прост, легок в изучении, им пользуются для проведения радиосвязи, в соревнованиях. Это эсперанто, и о нем мне хочется сказать особо.

В далекой своей юности я очень хотела вести личный дневник, но на собственном, ни одной душе неведомом языке. Во все времена в школах придумывают свой «тарабарский» язык, на котором говорят между собой ребята и который понятен только посвященным. Здесь, я думаю, соединяются игровые мотивы и мотивы юношеской независимости, желание иметь свой личный мир, куда нет доступа взрослым. Вот и я делала попытки придумать такой язык «для внутреннего пользования», некую помесь клинописи и элементов стенографии, о которой я и понятия не имела.

Ах, как жаль, что не знала я в те поры об эсперанто! Будь у меня хотя бы методичка и словарь, я была бы богатым человеком.

Нужный мне язык, как выяснилось, существовал уже много лет, такой легкий, такой удобный, но я об этом не могла знать, ибо долгие годы язык этот, как и многое у нас, был под запретом. Мое знакомство с эсперанто произошло чисто случайно в 1978 году. Поначалу мне достали старинную брошюрку-«ключ», позже появились методички и настоящие словари (в 70-е годы произошло «возрождение» эсперанто), а потом, по мере овладения языком, началось чтение газет и журналов. Пик моего увлечения пришелся на 1980 год, когда в венгерском эсперантском журнале была опубликована моя концовка детективного рассказа, и как победительница конкурса я получила литературную премию — книгу на эсперанто. Тогда же, после появления моего адреса для переписки, посыпались письма и открытки из Болгарии, Венгрии, Чехословакии с предложениями переписываться. К тому времени я могла читать не только переводную, но и оригинальную литературу, то есть написанную сразу на этом языке.

Так что же это за язык такой, откуда он взялся? Есть в Библии легенда, объясняющая существование многоязычия на нашей планете. Когда-то давно, говорится в ней, все люди говорили на одном языке. И вот возгордились они и задумали построить башню до небес, то есть превзойти самого Бога. Тогда всемогущий Бог, разгневанный такой неслыханной дерзостью, решил наказать сынов человеческих. Он сделал так, чтобы один не понимал другого, разделил их языки. И люди перестали понимать друг друга и не смогли воплотить свою мечту — построить Вавилонскую башню. «И рассеял их Господь оттуда по всей земле».

Прошли века, жители Земли построили космические корабли, их автоматические станции летают к другим планетам, а вот говорить на одном языке так и не научились. И сейчас на планете три тысячи языков, не считая диалектов. Языки для международных контактов есть — английский, немецкий, французский,

— но их изучение требует много времени, и потому целая армия переводчиков обслуживает всевозможные международные симпозиумы, конференции, съезды. А сделать международным один из национальных языков нельзя, ибо страна этого языка получит преимущества перед другими.

Вот почему с прошлого века появились проекты нейтральных международных языков, и наибольшего успеха добился в этом деле польский врач-окулист Людвиг Заменгоф. В 1887 году он выпустил первый учебник созданного им искусственного международного языка, подписанный так: «Doktoro Esperanto», то есть «Доктор надеющийся». Слово *espero* означает «надежда», «надеющийся» — такой псевдоним избрал себе Л. Заменгоф, гуманист и мечтатель, движимый благородной идеей: помочь людям разных национальностей преодолеть языковые барьеры. Псевдоним и дал название языку.

Вскоре язык эсперанто получил широкое распространение. Сейчас в мире насчитывается несколько миллионов человек, активно использующих этот язык в частной и профессиональной переписке; ежегодно выходит около сотни газет и журналов на эсперанто, на нем вещает более десятка радиостанций; на этом языке издаются и мировая классика, и оригинальная художественная литература.

В Москве и других городах России есть клубы эсперантистов при вузах, крупных предприятиях. Домах культуры, где читаются лекции, ведутся курсы языка, проходят встречи с гостями из-за рубежа. А летом устраиваются слеты молодежи в специальных лагерях, и там тоже общаются на эсперанто, проводят конкурсы, концерты, викторины.

Что дает изучение этого языка помимо живого, непосредственного общения? Прежде всего — я снова о том же! — заочных друзей, друзей по переписке. Эсперанто доступен всем, независимо от возраста, образования, местожительства, здоровья, наконец. Почему? Да потому, что он необычайно легко и быстро усваивается. Французская Академия наук недаром назвала этот язык «шедевром логики и простоты»: простейшая грамматика, шестнадцать правил и ни единого исключения! Автор эсперанто был полиглотом и создал его на основе различных языков, в основном из слов, наиболее часто употребляемых, получивших статус интернациональных.

Чтобы представить себе скорость овладения эсперанто, сравним: на изучение любого иностранного языка нужно потратить не менее трех лет, занимаясь систематически, а время, необходимое для овладения эсперанто, исчисляется месяцами, конечно, в зависимости от способностей человека и прилежания. Через две-три недели, усвоив правила грамматики и словообразования, уже можно начинать письма. Лев Толстой, ознакомившись с учебником эсперанто, написал так: «Жертвы, которые принесет каждый человек, посвятив несколько времени на изучение эсперанто, так незначительны, а последствия, которые могут произойти от его усвоения, так огромны, что нельзя не сделать этой попытки».

Ну, а как может инвалид, если пожелает, овладеть этим языком? Существует и успешно функционирует несколько лет заочный клуб эсперантистов-инвалидов «Согласие». Создан он в латвийском городе Вентспилс, а ведут его и руководят письменными курсами эсперанто инвалиды I группы Николай Гришин и Иван Присяжнюк. Члены этого необычного клуба получают регулярный печатный орган — газету «Согласие». На ее страницах ведется постоянный заочный диалог между членами клуба, идет обмен самой разнообразной информацией. В газете публикуются и уроки языка, и новости эсперанто-движения, и ан-

кеты новых друзей клуба, а также статьи, стихи, юмор, регулярно дается информация о книгах, учебных пособиях по эсперанто. Даются адреса, по которым можно выписать необходимые пособия и словари, чтобы самостоятельно изучать язык.

В наши дни, когда человек особенно остро чувствует свое одиночество, многие печатные органы завели у себя рубрики знакомств. «Хотел бы найти друга», «Хочу познакомиться», «Ищу друзей по переписке» — эти «зовущие строки» возымеют действие, если инвалид начнет заниматься международным языком. Эсперанто — это и есть интереса объединяющий людей в силу личных обстоятельств или тяжелого недуга.

Кстати, если сравнить обычные брачные объявления с предложениями о переписке в эсперантском издании, то по разнообразию увлечений инвалиды, ищущие друзей, дадут сто очков вперед людям здоровым. Из зарубежных эсперанто-журналов можно узнать, что многие семьи стали интернациональными, потому что супруги познакомилась именно благодаря международному языку. Интересно, что сам Н. Гришин нашел свою спутницу жизни тоже по переписке. Лариса — его верный помощник, сейчас они растят двух сынишек, вместе ведут большую работу по пропаганде эсперанто среди инвалидов. И его помощнику Ивану Присяжнюку язык этот помог создать семью. На страницах клубной газеты периодически сообщается о браках среди наших эсперантистов, публикуются поздравления, связанные с семейными датами и событиями.

Вот выдержки из писем инвалидов, для которых заочный клуб эсперантистов стал спасательным кругом: «Спасибо за номера «Согласия». Я узнала много нового, познакомилась с несколькими эсперантистами. У меня появилась надежда, что я создам семью благодаря вашей газете»; «С удивлением получил через «Согласие» поздравление с моим днем рождения! Мне было очень приятно».

Главная же цель, главная задача заочного клуба — это объединение инвалидов, живущих в разных далеких городах и селах, посильная помощь тем, кто в ней остро нуждается, да и просто душевное участие, моральная поддержка товарищей по несчастью, поиски выхода из различных жизненных ситуаций. У клуба есть своя небольшая касса, имеется система материальной взаимопомощи, основанная на добровольных взносах и благотворительных пожертвованиях. В наши дни, когда идут поиски видов и типов объединений инвалидов с целью их реабилитации, эсперанто может служить одним из средств такого объединения.

Что еще приобретает человек, овладевший этим необычным языком? Он может читать на нем книги и журналы, слушать на коротких волнах радиопередачи, он может вести международную переписку. Ведь это так необычно — получить вдруг письмо из Болгарии, Швеции или Китая, где сильно развито эсперанто-движение, либо из какой-нибудь вовсе экзотической страны. А затем, вскрыв удлиненный конверт с красивой маркой, прочитать письмо, каждая строчка которого понятна, хотя язык этой страны тебе неведом. Увлечение эсперанто часто приводит к коллекционированию: начинается обмен открытками, марками, конвертами, видами городов. Нелишне сказать, что знание эсперанто облегчает изучение иностранных языков романской группы, ведь в основе его латынь. Конечно, в наше прагматичное время можно смотреть на этот язык как на чудачество, но сторона духовная играет в жизни роль не меньшую, чем материальная, особенно если речь идет о таких судьбах, таких обстоятельствах, когда из-за тяжелой болезни человек лишен возможности общения с людьми.

Уже сейчас наши инвалиды становятся «выездными», они отправляются за рубеж в рамках всевозможных благотворительных мероприятий, спортивных акций. Лиха беда начало, возможно, в будущем эти выезды будут связаны и с лечением за границей, и с приглашениями на основе личных контактов. И как знать, может быть, эсперанто — язык мира и дружбы — и здесь сослужит свою благородную службу. Недаром эмблемой эсперанто служит зеленая пятиконечная звездочка, где пять лучей символизируют пять континентов, зеленый цвет — надежду, а белый фон — чистоту помыслов...

Говоря о проблеме объединения инвалидов, о способах общения, доступных нам, невольно думаешь: ну ладно у нас, жителей больших городов, есть какие-то варианты, есть пусть небольшие, но реальные возможности. Ну, а как же инвалиды, живущие в отдаленных уголках страны, в маленьких городках, в поселках? Кто-то из наших историков сказал, что Россия сильна провинцией. И в самом деле, во всех областях жизни мы наблюдаем большую активность и зачастую более разумный, рациональный подход ко многим сложным проблемам именно в провинции. Встречаясь в санатории с людьми из глубинки, я замечала, что они порой выгодно отличаются от нас, «столичных штучек», точнее и глубже осмысливают происходящее в стране. И будь у тамошних инвалидов больше возможностей, я думаю, они решали бы свои проблемы быстрее и успешнее, нежели в центрах, где до сих пор многое обюрокрачено и централизовано.

Тому есть примеры. Достаточно сказать об уральском клубе «Корчагинец», который существует уже много лет. У него множество заочных членов по России, есть своя система взаимопомощи, свои идеи, свои формы сотрудничества. Есть по стране и другие подобные товарищества, общение между их членами в основном заочное, письменное. Телефон, связующий нас, жителей столицы, на периферии заменяется письмом.

И созданные давно, и новые заочные клубы не только имеют свои уставы, они действенны, потому что изыскивают возможности помогать товарищам по несчастью. Они образуют содружество свое, минуя все центральные структуры. Думается, такие заочные объединения инвалидов и есть та самая инициатива снизу, о которой так много сейчас пишут и говорят, и которая, вероятно, и будет определять методы и способы решения многих наших проблем.

К сожалению, сегодня письменное общение для тяжелобольных людей, живущих на инвалидные пенсии, становится роскошью уже не в фигуральном, а в прямом смысле слова. Ах, кабы жили на крышах домов милые волшебники Карлсоны! Сунул бы такой человечек в кармашек своего комбинезончика нужную бумагу или письмецо в конверте и, запустив свой чудо-пропеллер, полетел по указанному адресу...

А если серьезно, то не худо было бы Обществу инвалидов заступиться за своих членов, а именно — добиться льгот на почтовые расходы, учреждения бесплатных почтовых отправок, подобно имеющимся и у нас, и во всем мире льготам для слепых. Ведь у членов ВОС письма, написанные шрифтом Брайля, посылки с книгами и журналами идут бесплатно, с пометкой «Бандероль слепых». Наверное, возможно выпускать, например, энное количество конвертов со штампом «Инвалидное» или «Эсперанто-инвалид» и распространять их через районные правления. Чтобы слова А. Сент-Экзюпери о роскоши человеческого общения не утратили для нас свой благородный смысл.

«КТО МЕНЯ НЕВЗНАЧАЙ ОБРОНИЛ?..»

Когда я, бывало, разбирала редакционную почту – присланные в журнал рукописи стихов и прозы, то многие бандероли содержали и сопроводительные письма, порою целые автобиографии и исповеди. Записки и письма, как правило, немало говорили о характере пишущего и обстоятельствах его жизни. Поэтому ответ мой автору строился с оглядкой на такое приложение к рукописи. Иной раз приходилось писать не столько рецензию, сколько просто письмо-утешение, письмо-совет.

Среди тысяч посланий, прошедших через мои руки, попадались и такие: «Пишет вам читательница из Белоруссии. Немного о себе. Зовут меня Людмила С., мне 34 года. Я инвалид с детства. Диагноз: ДЦП. Живу в деревне, с мамой. Развлечений никаких. Инвалидам в городе скучно и тоскливо жить. А тут совсем. От безысходности ищешь себе хоть какое-то занятие. Вы, может быть, посмеетесь надо мной, если я напишу, какое занятие я нашла для себя. Я совсем недавно стала писать сказки для детей». И дальше обычная просьба – прочесть, сказать правду о присланных работах: «Только правду, умоляю вас. Ложь для успокоения не для меня».

Грустно становилось от подобных писем, тем более что помочь я тут ничем не могла: работы зачастую были слабенькие, подражательные. Но речь сейчас не о литературном уровне рукописей. Само по себе стремление к самовыражению естественно для каждого человека, здорового ли, больного ли, – оно было, есть и будет всегда независимо от места и времени, от возраста и социального положения. Всегда пребудет в человеке стремление осмыслить прожитое, понять что-то главное в собственной жизни, найти связь между собой и окружающим миром, поведать о ней. Об этом говорят строки самодеятельного поэта-инвалида, опубликованные в журнале «Голос»:

...Этот мир неразрывными нитями
Будет накрепко связан со мной.
Не сейчас, так потом, через время.
Лишь хватило бы веры и сил.
Я из общего колоса семя...
Кто меня невзначай обронил?

Пишут в редакции газет и журналов все — от школьников до пенсионеров, от студента-филолога до заключенного, пишут в страстной надежде быть понятым и услышанным. Помню, когда я прочитала первую большую рукопись, данную мне на рецензию еще в «Молодой гвардии», я была в шоке: молодой, лет тридцати, человек писал фантастическую повесть, но как! Все в повествовании этом было до такой степени книжно и ненатурально, начиная с характеров персонажей и кончая основной идеей, что я по своей неопытности тогдашней решила, что это сочинение человека больного, который вроде меня сидит себе годами в четырех стенах и реальной жизни не видит, не знает, — вот и напридумывал! На мой недоуменный вопрос моя начальница и наставница объяснила, что все эти люди больны совсем другой болезнью — страстью к сочинительству, потому и называется она графоманией.

Позже, с опытом, я сама научилась различать, что за человек и зачем, с какой целью пишет, а мои дворовые девчонки, вникавшие во все, чем я занималась, и

читавшие из любопытства некоторые рукописи — в основном, конечно, про любовь, — тоже ошарашенные, спрашивали:

— А зачем они этим занимаются, зачем такую чепуху пишут?

Сейчас много говорится и пишется о старости, одинокой, скучной и безрадостной. Я уже давно, на примерах разных судеб, поняла, что если у человека в молодости или в зрелые годы были хоть какие-то интересы помимо основной работы, то и в старости своей, несмотря на все невзгоды, связанные с возрастом, он не замкнется только на себе, на своих немогах, страдая от гнетущего чувства одиночества. Поняла, что люди, изначально, от природы «заряженные» творчески, — это люди счастливые. Даже если они и не творят сами, а любят и понимают настоящее искусство, увлекаются музыкой, литературой, живописью.

И еще, пожалуй, с детства я думала о том, что уж инвалиду-то обязательно, всенепременно нужно иметь в жизни какое-то увлечение, неважно какое, но чтобы этому можно было отдавать и время, и душевные силы. Заложенные от природы способности к творчеству, будь то сочинительство, рисование, рукоделие, коллекционирование, — неоценимое благо для больного человека.

Гамлетовское «заключите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя хозяином Вселенной» — о силе духа, о внутренней свободе личности вопреки всему, всем жизненным обстоятельствам. Это применимо и к людям, волею судьбы заключенным в такую условную скорлупу, но стремящимся как-то себя выразить. Живя, казалось бы, в замкнутом пространстве, человек все равно остается внутренне свободным. Чехов недаром считал, что у человека две жизни: та, что наверху, на поверхности, и другая — тайная, внутренняя. Ведь мысль убить нельзя, даже если ты физически беспомощен и тело твое неподвластно тебе.

Вы не думайте, путь мой длинный —
От порога и до кровати:
Вечность времени полумрака,
Безграничный простор ума, —

это тоже строки поэта-инвалида, которому не помеха «потолок и четыре стены». Творчество — всегда самовыражение, а для инвалида это еще и стремление выйти в реальную жизнь, страстное желание уйти от абстрактных мечтаний. И несмотря на литературное несовершенство, естественное для дилетантов, у этих авторов не отнимешь двух качеств: особого, индивидуального взгляда и безусловной, исповедальной искренности. Для человека, чье общение с миром ограничено болезнью, творчество — и примирение с жизнью, и душевное отдохновение, отрада. Это тот самый спасительный «маленький плот, свитый из песен и слов»... Для многих инвалидов творчество — противостояние и судьбе, и болезни, физическим страданиям.

— Чуть отпустит болезнь, и сразу стихи в голову полезли, — признался журналисту один из таких самодельных поэтов.

У обывателя при словах «творчество инвалидов» может сложиться мнение: раз уж инвалид пишет стихи — значит, о страданиях, о горькой участи своей, в общем, не стихи, а сплошной мрак, «чернуха». Да вовсе нет, все, что видит и о чем думает, что переживает человек, что посылает ему жизнь, — все становится объектом его вдохновения. Разве говорят о болезни, о физических муках такие вот строки:

От любви с головой да в омут!
 Кто сказал — от любви не тонут?
 От любви только и тонут,
 От нее — с головой да в омут!

Или такие:

Антоновка в моем саду поспела —
 Благополучья признак и тепла.
 Собою будто в горечи согрела,
 И я покой душевный обрела.

Или такие:

Неужели человечеству земному
 Не оставить на планете добрый свет?
 Сколько же еще живому Дому
 Праздновать убийственных побед?

Весь необъятный и многогранный мир пропускает поэт через свое сердце, стремясь в меру литературных способностей передать собственное отношение, свое видение вещей и событий.

Людей, вовсе ни к чему не способных, я думаю, вообще не существует на свете, просто человек либо не подозревает о своих данных, либо не имеет возможности их реализовать. И то, что для здорового человека — дар Божий, то для больного — дар вдвойне, это подарок судьбы, компенсирующий болезнь. Человек обездвиженный обречен годами видеть один и тот же пейзаж за окном. Но зато как жадно впитывает этот пожизненный затворник все окружающее в те редкие часы, моменты, когда удается вырваться на волю, под открытое небо, на улицу, на природу! Как стремится он насытиться впрок видом деревьев, травы, каждой травинки! Попав на открытое пространство, на воздух, на люди, он испытывает массу впечатлений враз, они обрушиваются на него подобно водопаду, и в эти часы, в эти минуты он особенно остро чувствует радость и полноту бытия, забывая о своей болезни.

Помню, в свои двадцать лет, гуляя вокруг дома, наслаждаясь всем, что меня окружало, я с удивлением прислушивалась к обрывкам людских разговоров: прохожие говорили о работе, о семейных склоках, о болезнях и не видели ничего — ни игры заходящего солнца на кронах деревьев, ни травы у дороги, ни высокого неба с перистыми облаками! Я их не осуждаю, избави Бог, я только хочу отметить, насколько больше ценит человек большой каждую встречу с землей и небом. Лишенный общения с природой, он гораздо сильнее воспринимает ее, он сильнее чувствует законы гармонии и красоты, по которым построен мир.

Ну, а ежели человек этот еще и наделен образным мышлением, если у него развито воображение и он владеет словом — то он уже богач. О силе воображения можно говорить бесконечно, многие великие высказывались по этому поводу. Вот, например, как Боттичелли объяснял, что такое пейзаж: намочи тряпку, говорил он, брось ее на стену — в пятнах будет пейзаж. А Леонардо да Винчи видел рисунок в пятнах плесени — воображение подсказывало ему лица, предметы, фон. У Чехова в «Чайке» Григорий отмечает для себя: вот плывет облако, похожее на рояль. Да что классики! Каждый из нас, глядя на проплывающие по небу кучевые облака, увидит в одном из них сказочного богатыря, в другом — неведомого зверя или птицу, в третьем — волшебные замки. Игра солнечного света и тени на стене вызывает в воображении удивительные картины.

Помню, как, сидя перед открытым окном, я подолгу глядела в сероватое зимнее небо, откуда неслышно опускались на землю крупные белые хлопья снега. И через две-три минуты происходило маленькое чудо: уже не снег шел откуда-то сверху, а наш дом медленно-медленно плыл вверх, в бездонное небо, мигая пушистые комочки, плыл подобно некоему воздушному кораблю. И еще помню, как летела на самолете в санаторий, и самолет плыл высоко над облаками, где всюду царствовало ничем уже не заслоняемое ослепительное солнце. И бесконечные облачные поля, проплывающие за иллюминатором, казались мне снежными просторами с ледяными торосами из рассказов Джека Лондона. И чудилось, вот-вот из-за такого облака-тороса вынырнет собачья упряжка, покажутся сани, и в них — укутанные в меховые шубы золотоискатели.

Конечно, в нашей инвалидной жизни многие впечатления опосредованные: неожиданные сопоставления, ассоциации рождаются из прочитанного, увиденного на телеэкране и, помноженные на воображение, дают тот или иной образ. Как у людей незрячих обострены тактильные, осязательные чувства, так у инвалида-опорника, чья жизнь в неподвижности поневоле располагает к раздумью, обостряется мысль, а у творчески одаренного человека появляется желание найти ее образное воплощение, и вот он уже ищет слова, краски, подбирает ноты, он ищет способы, «как сердцу высказать себя».

Издавна в народе существует такой предрассудок: ежели ты увечный, парализованный — значит, и умственно отсталый. И по сей день не изжит этот обывательский взгляд на человека с физическими недостатками.

— Как, ты еще и стихи пишешь?! — удивился родственник моей подруги, получив от нее стихотворное поздравление.

Да и по себе знаю, что при самом доброжелательном отношении люди порой не могут скрыть своего удивления: как это, инвалид — и рисует, и пишет, и его даже в журнале напечатали... Они не могут понять, что люди, вынужденные смотреть на мир сквозь комнатное или "телевизионное окошко, много читают, много размышляют, любят и понимают искусство. Неважно, что они лишены движения, — у них живой ум, живое сердце, потому что они — люди.

И со всем окружающим миром у инвалидов свои особые, добрые отношения. Моя знакомая признавалась, что если утром увидит за окном незнакомую птичку, у нее поднимается настроение. Я тоже, помню, радовалась, сидя на балконе, если на меня садилась бабочка или даже шибко пугливая по натуре стрекоза. И животных, собак, кошек держат в своем доме инвалиды — они скрашивают одиночество, приносят радость. А вот птицы в клетках не у многих из нашего брата есть: видимо, ассоциации возникают невеселые...

Отторгнутый от земли, больной человек может любоваться такими ее дарами, как цветы, лишь дома, когда ему приносят по случаю букеты. И за собой знаю одну особенность: как бы ни восхищались своей красотой гвоздики, розы, гладиолусы, душой тянусь больше не к садовым, роскошным, а к скромным полевым и луговым цветам — ромашкам, ландышам, колокольчикам, василькам. Чудится мне, что и пахнут они землей, для меня эти цветы — воспоминание об ушедшей из-под ног земле.

Люди творят, создают настоящие произведения искусства, хотя, казалось бы, по всем статьям они этого делать никак не могут. Мы узнаем о них благодаря телевидению. Вот девочка с диагнозом ДЦП рисует, держа кисточку во рту; вот на экране молодой человек, а вот его законченные, филигранные по технике ра-

боты — ни в жизнь не поверила бы, что это сделал парень с парализованными руками, если бы собственными глазами не видела его за работой, тоже с карандашом, зажатым в зубах. В одной из газет была статья о художнике-инвалиде из Костромы, который рисует дружеские шаржи на известных всем артистов, деятелей культуры, он стал лауреатом конкурса в журнале «Крокодил», его работы экспонировались в Париже. В Заочном народном университете искусств, где я училась, были самодеятельные художники, потерявшие в войну руки и рисовавшие, зажимая карандаш пальцами ноги... Уже не удивляют сообщения о выставках-продажах работ художников-инвалидов, об ассоциациях и творческих объединениях, которые продают за рубеж рисунки и картины, ручную вышивку и резьбу по дереву.

На ум невольно приходят газетные клише из статей о творчестве инвалидов: «несмотря на», «вопреки». А может быть, именно «смотря», а не «вопреки» создаются такими людьми интересные работы?

Я не знаю немецкого языка, и потому, получив однажды из Германии рождественские открытки на библейские сюжеты, не сразу поняла подчеркнутые слова под ними. Оказалось, что эти картины нарисовали немецкие художники-инвалиды, у которых парализованы руки. И еще, оказывается, в западных странах существуют ассоциации художников, объединенных именно по этому принципу: они пишут картины, держа кисть в зубах. Многие из нас, даже лежащих больных, интересуются театром, музыкой, кино, философией. О многообразии интересов можно судить и по объявлениям о переписке: «хобби: музыка, книги, филателия, футбол, НЛО»; «литература, поэзия, изобразительное искусство»; «люблю животных, интересуюсь политикой, уфологией, религией, народной медициной»; «мои увлечения: фотография, психология, музыка, эсперанто»; «увлекаюсь химией, люблю читать фантастику, слушать песни Высоцкого». Один из инвалидов собирает все материалы, публикации о том же Высоцком, и его друзья помогли сделать из всего собранного две самодельные книги; другой увлекается классической поэзией, много знает и умеет интересно рассказывать о ней; третий сам пишет стихи и, сознавая их литературное несовершенство, в самом процессе создания находит радость и утешение. Порою творчество является единственной отдушиной, убежищем от тягостных мыслей или физической боли. Оно помогает ощутить, что жизнь — это именно жизнь, а не просто ежедневная изнуряющая борьба за существование. Любить жизнь во всех ее проявлениях — разве не этому всегда помогало искусство? Писатель-фантаст Р. Брэдбери о задачах искусства сказал так: «Помогите мне пройти эту ночь. Помогите мне дожить до утра. Помогите мне научиться любить».

В нашей жизни, когда и здоровому одаренному человеку трудно пробиться, художнику-инвалиду — и того труднее. Конечно, и среди них есть десяток-другой «выбившихся в люди», чьи литературные произведения напечатаны, звучали по радио: И. Триус, А. Кондратьев, А. Баева, В. Титов. Снят документальный фильм о художнице Л. Киселевой, о других талантливых людях. Но все это единицы, эти люди стали известны благодаря стечению обстоятельств, благодаря энтузиазму доброхотов. О способностях многих одаренных природой инвалидов знают порой лишь их близкие и друзья. Да и кто, где будет объединять этих людей, которые творят, потому что иначе просто не могут жить?

В крымском санатории имени Бурденко есть комната, где сотрудники-энтузиасты собрали работы инвалидов, которые отдыхали и лечились здесь. Эту

постоянно действующую экспозицию может осмотреть любой из отдыхающих, здесь и графика, и чеканка, и живопись, и инкрустация. Но кто, кроме самих инвалидов, все это видит? И какую реальную отдачу имели авторы этих работ, кроме сознания, что их рукотворчество видят товарищи по несчастью?

В московском музее имени Николая Островского проводят выставки работ, выполненных людьми, доказавшими, что человеческие возможности безграничны: фотографии латыша А. Глейдза, лишённого кистей рук; иллюстрации к детским книгам Л. Михайловой, у которой были парализованы руки, работы других людей, чьи судьбы драматичны, а творчество является смыслом жизни.

Да, по идее, здоровые люди, как об этом пишут в статьях, должны, посетив подобную выставку, ощутить ничтожность собственных невзгод и неприятностей по сравнению с тем, что преодолевают в своей жизни тяжелобольные люди. Но ощущают ли? Сомневаюсь я что-то. И не в понимании тут дело, все снова упирается в психологию, в восприятие обывателя: такое творчество для него — это нечто небывалое, исключительное, удивительное, своего рода кунсткамера, куда можно заглянуть, поохать-поохать и — все. Нормального отношения к таким вещам в обществе пока нет, и вряд ли оно скоро будет. Хотя, например, стихи инвалидов периодически появляются в газетах, журналах, и отбираются они по общим литературным критериям. Да и произведения инвалидов в общих экспозициях вызывают больший интерес — их можно сопоставить с другими. Вот почему, на мой взгляд, интеграция творчества инвалидов, выставка их работ среди обычных прочих — дело более правильное, лучше не «в рамках декады инвалидов», а — выйдя из рамок.

Сейчас возникают всевозможные центры творческой реабилитации инвалидов. При одном из них образован специализированный институт с факультетами: театральным, музыкальным, изобразительных искусств. Уже писали о театре инвалидов, в котором на сцене — артисты в инвалидных колясках, где поют под гитару ребята, больные ДЦП, о кукольном театре детей-инвалидов... Какие из этих новых образований выживут и получат дальнейшее развитие, покажет будущее, загадывать рано.

Ну что ж, как и во многом другом, пока и здесь приходится рассчитывать на собственные силы. Наиболее активные инвалиды пытаются издавать сборники литературных произведений своих товарищей. В предисловии к одной из таких книг говорится: «Творчество не имеет групп инвалидности. Писать стихи, картины, романы, повести и пьесы может любой человек, обладающий талантом и точно знающий, что он хочет сказать. Этого никто у него отнять не в силах...»

Да, общество начинает поворачиваться лицом к людям с физическими недостатками, однако процесс этот очень медленный, и начинается он опять же с осознания того, что каждый отдельный человек — это личность, а наиболее ярко личность проявляется именно в творчестве — музыкальном, литературном, художественном. Ну разве можно это выразить пронзительнее и точнее:

Я из общего колоса семя...

Кто меня невзначай обронил?

«НАЙТИ СЕБЯ В СЕБЕ САМОМ И НЕ ТЕРЯТЬ ИЗ ВИДУ»

«Ну, ты молодец, я бы на твоём месте давно сдох!», «Ты — сильный человек!» Думаю, не одна я слышу подобные хвалы в свой адрес и всякий раз при этом усмехаюсь, но вовсе не от скромности. Просто не вижу я никакого величия в болезни: страдание есть страдание, боль есть боль, и ничего светлого, благородного в них нет. Просто люди здоровые знают о твоей жизни поверхностно и судят о тебе как о человеке по каким-то внешним проявлениям, не понимая, что «быть» и «казаться» в нашей инвалидной жизни — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Увы, мне, как и многим больным с детства, присущ комплекс неполноценности, и в характере моём не все так просто, и человеком сильным я себя не считаю — у меня своё представление о том, что такое сильный человек, сильная личность.

Что касается комплексов вообще, то надо сказать, что для людей моего поколения они связаны и со временем, в котором жили и мы, и наши родители, с той атмосферой, в которой проходило наше детство, и моё детство, оборванное болезнью. Принято считать, что послевоенное поколение вышло не из гоголевской, а из сталинской шинели. «Нечего бояться, кроме страха», — говорил Рузвельт. Нас, чьё детство пришлось на 50-е годы, можно назвать детьми страха.

Я не помню точно, сколько лет мне было, семь или девять, когда случился этот маленький эпизод. Напротив нашего дома, в старинном особняке, находилось в те годы аргентинское посольство, и вот как-то летом в ближайшем парке, где мы, дети, проводили много времени, я подошла к лавочке, на которой сидела гувернантка, гулявшая с двумя прелестными маленькими девочками. Эта молодая женщина подарила мне яркий, красочный журнал, и я, конечно, не замедлила похвастаться им перед дворовыми девчонками. И вдруг одна из старших, лет пятнадцати, сказала мне:

— А вот я возьму, пойду в милицию и скажу, что ты с иностранцами водишься!

Я даже не помню, куда потом делся этот злосчастный журнал, — скорее всего, его прибрала юная шантажистка, — и я тогда ничего не знала о репрессиях, о КГБ, но на всю оставшуюся жизнь запомнила противный, липкий страх, охвативший меня при тех словах. И до сих пор, если в мой дом входит милиционер, я, прекрасно зная, что пришел он по делам соседей, внутренне напрягаюсь. Да, все мы родом из детства, и, боюсь, еще не скоро исчезнет этот вошедший в сознание, в кровь страх, как и многое другое, что вкладывают в понятие «менталитет советского человека».

Ну, а инвалидность, известное дело, усиливает этот комплекс, превращает его зачастую в настоящую болезнь. Постоянное ощущение своей физической неполноценности, беспомощность и зависимость от окружающих приводят к тому, что инвалид становится застенчивым, замкнутым, сосредоточенным на своём несчастье. Зачастую он вынужден беседовать исключительно с самим собой, беспрестанно переживая и «пережевывая» свои проблемы. Психологи уверяют, что наша самооценка на девять десятых зависит от того, что, по нашему мнению, думают о нас окружающие. Ну, а что они думают и как смотрят на людей с физическими недостатками, говорилось достаточно. Отгороженность от

мира, вынужденная необходимость вариться в собственном соку приводят к убеждению, что ты — один такой несчастный на всем белом свете.

Интересно, что степень остроты переживаний, связанных с болезнью, меняется с возрастом. Я сужу по себе: если лет до двадцати восьми я еще мучилась тем, что не смогла получить достаточное образование, то позднее пришло понимание того, что жизнь сложилась так, а не иначе, пришла сосредоточенность на каких-то конкретных проблемах. И меня мало уже заботило, что живу не так, как мои подруги и знакомые, — видимо, уходило с годами свойственное нам всем «стадное» чувство, наступало осознание собственной личности, неповторимости собственной жизни, какой бы она ни была.

Мой личный комплекс неполноценности сказался при первом же выезде в санаторий. И в «здоровом»-то детстве обделенная общением — не довелось мне побывать ни в детском саду, ни в пионерлагере, — болезнью я была обречена на нечастые встречи со сверстницами, молодые люди дома у нас и вовсе не бывали, да и вообще чужая юность проходила за окном. Собственная моя юность, я бы сказала, была односторонне оптимистической: меня принимали как здорового человека, общения с товарищами по несчастью я не имела, и потому во многом оказалась не подготовленной к «выходу в свет». Очутившись впервые среди себе подобных уже зрелым человеком, я не всегда знала, как правильно вести себя с соседками по палате, боясь показаться ханжой, позволила «сесть себе на шею» излишне раскованной и опытной из них, не всегда находила нужный тон, точный ответ на непривычные мужские вопросы, вообще на внимание к себе мужчин реагировала неумело. Слишком поздно я стала «выездной», слишком многое во мне к тому времени было уже «закрыто» болезнью. И думаю, не одна я была такой.

Но при всем при том на людей здоровых инвалиды в большинстве своем производят впечатление сильных духом, мужественных людей. Здесь, конечно, сказывается общепринятая установка, стереотип, утвердившийся в обществе: школы имени Островского, стенды «Люди нелегкой судьбы», а также газетные штампы типа «одолевшие недуг», «преодолеть судьбу», «сильные- духом» и т. п. Никогда не могла понять: как это можно — преодолеть судьбу? Или — победить недуг, если с этим самым недугом живешь всю свою жизнь? Можно лишь, насколько это в твоих силах, выбрать линию поведения в рамках той жизни, которая определена ситуацией, стараться не жаловаться всем и каждому, доброжелательно относиться к людям, словом, следовать принципу «не можешь изменить ситуацию — принимай ее такой, какова она есть».

Жизнь больного человека, как и у всех, состоит из темных и светлых полос, в ней бывают часы одиночества и минуты отчаяния, когда. Кажется, что впереди — полный мрак, безысходность, пустота. И не всегда выходишь победителем из поединка с мыслями, невеселый ход которых так трудно бывает переломить. Каждый выбирается из этого состояния по-своему: кто-то уходит в работу, кто-то в творчество, кто-то ищет возможность быть полезным другому, кому еще хуже. Совсем плохо тем, кто сознательно прячется в свою раковину, подобно улитке: такие люди, здоровые или больные, несчастны.

Что же касается поведения инвалидов на людях, то «имидж» людей стойких и мужественных, мне кажется, имеет еще одну, внутреннюю причину. Поговорка «на миру и смерть красна», как и многие другие, возникла не на пустом месте. Отчаявшийся вконец узник камеры-одиночки, когда его выводили на площадь,

невольно смотрел на себя как бы со стороны, глазами собравшихся вокруг людей. И человеческое достоинство вновь возвращалось к нему, все высокое, благородное, задавленное отчаянием, пробуждалось. Думаю, психологически это объяснимо: не хочется на людях выглядеть хуже, ты — тоже человек, пусть и осужденный на смерть.

Сравнение, конечно, несколько смелое, но подходящее: у инвалида ведь тоже тоскливые, безрадостные думы невольно отходят на задний план, если он среди людей. Он тоже видит себя немножко со стороны, и сам невольно меняется, потому что не хочет жалости — она унизительна. И вот он уже улыбается, юморит, смеется в ответ на чужую шутку. Вообще же у нашего брата у каждого есть своя «охранная грамота» от естественного, но порой жестокого любопытства людей. На мой вкус и взгляд, лучший из них — это юмор.

К тому же, обыватель не всегда понимает, что инвалид, не желая портить настроение ни себе, ни другим, не позволяет себе распускаться на людях. Не может позволить себе тяжелобольной человек выплескивать при любом случае свои отрицательные эмоции, хотя «негативов» в повседневной жизни у него подчас куда больше, чем должно бы приходиться на душу населения.

С другой стороны, переживания, связанные с физическим и моральным состоянием, учат глубже понимать жизнь и людей, ценить простые радости этого мира, то немногое, что тебе дано.

— Я чувствую себя счастливой в тот день, когда у меня ничего не болит, — сказала мне одна знакомая, которую мучают ежедневные боли.

Просто не позволяют себе эти люди плакаться каждому встречному и поперечному. Они понимают и то, что унылый вид угнетающе действует на окружающих: «от кислого я кисну». Срабатывает некий внутренний тормоз, и вот уже создается впечатление «непробиваемости» — мужественности. Но ведь еще Гоголь говорил: «Тот, кто чаще всего льет глубокие внутренние слезы, кажется самым веселым человеком на свете»...

Кто подсчитает, сколько одиноких часов проведено больным человеком возле темнеющего окна, за которым серебрится под фонарем снежок? Кто знает, как тоскливое сжимается сердце у того же, но весеннего окна, за которым — веселые голоса людей, шорохи шагов и шепот влюбленных? Кто поймет, какие чувства испытывают молодой человек или девушка, сидящие в инвалидных колясках и сознающие, что лучшие годы проходят безвозвратно, унося с собой несостоявшиеся встречи, надежду на личное счастье? Никто не поймет, если сам не пережил такие часы, такие дни, такие годы.

Ну, если говорить в общем и целом, то кто-то верно заметил, что пессимизм в большом количестве становится силой разрушительной, и потому хотя бы в целях самосохранения мы вынуждены быть оптимистами. Тем более что жизнь — больше судьбы, и в ней есть место не только для бед и невзгод, но и для радости.

Примеров жизнелюбия инвалидов я видела достаточно в санаториях. Можно было бы рассказать об умении из всего сделать историю, забавную, на уровне анекдота, — жизнь палатная постоянно давала пищу острякам-самоучкам, да и просто людям с чувством юмора. В инвалидном мире — свой юмор, подсказанный нелегким нашим житьем и потому не всегда «эстетически выдержанный». Шутки, анекдоты рождаются, как и вообще в народе, из каждодневного быта, но ведь нужно еще суметь остроумно обыграть инвалидную «атрибутику» — так,

как это и делают сами инвалиды. Здесь и своя особая тематика, и свой сленг, словечки, поговорки, понятные только посвященным. И по сути, это тоже «сопромат», сопротивление обстоятельствам.

Есть такой психологический тест на определение характера. Человеку показывают стакан, наполовину налитый водой, и просят его назвать. Пессимист скажет: «Стакан полупустой», — а человек оптимистического склада скажет: «Стакан полуполный». Я знаю людей обоих типов, хотя есть и варианты промежуточные. К счастью, людей, умеющих понимать, что в их жизни не все так уж плохо, больше. Но есть у меня два-три человека, притом здоровых, которым тяжело общаться с людьми, и, что грустнее, им самим-то с собой плохо. Они зациклены на себе и все воспринимают исходя из убеждения, что хуже, чем им, никому на свете быть, не может. Им не объяснишь, что беда не в каких-то черных силах, тяготеющих над ними, и не в плохих людях, которые почему-то только их окружают, а в них самих, в их характерах. Некоторые просто вообще не умеют радоваться жизни, а неизбежные невзгоды превращают в постоянное ощущение несчастья.

Среди инвалидов тоже есть свои оптимисты — причем оптимизм порой определяется относительным благополучием, и — свои пессимисты, вплоть до «радикалов», которые считают, что, поскольку инвалиды — «лишние люди» в обществе и абсолютно никому не нужны, их нужно собрать в одном месте и сжечь. Б-р-р!

У обывателя же издавна существуют как бы два основных стереотипа, отчасти внедренных в сознание литературой: страдание облагораживает человека, делает его лучше, и — человек, родившийся больным или ставший инвалидом, озлоблен на весь мир за свое несчастье, он наглый, навязчивый. Думаю, это две крайности, и, как любые другие крайности, они неполны и неточны. Оптимизм и пессимизм — как черное и белое, они необходимы, но они — только часть общей картины мира. Бытие, конечно, определяет сознание, но не все в нашей жизни объясняется только средой и личными обстоятельствами. Нам долго вбивали в голову, что именно окружающая среда определяет человеческий характер, что человек — продукт своей эпохи (помнится, Чехов высмеял это утверждение в пьесе «Иванов») и что ежели эту самую общественную среду изменить, злого человека можно переделать в хорошего, доброго. Это шло еще от утопий революционеров, мечтавших создать «нового» человека, человека будущего. Противников же этой теории у нас, как водится, подвергали уничтожающей критике, называли расистами, человеконенавистниками.

Здоровье, конечно, всему голова, но эгоист «в здоровье», и заболев, может остаться эгоистом, ибо болезнь, как и возраст, выявляет и усугубляет отнюдь не лучшие стороны характера. А порой, наоборот, суровая жизненная ситуация может разбудить в человеке заложенные в нем «иммунитетные» начала, заставит его быть терпимее, мягче, выявит качества, которые в прежней, здоровой жизни вроде и не существовали, не были видны.

Мой первый знакомый спинальник, благодаря которому я вышла «на инвалидную тропу», был человеком незаурядным, авантюрным по складу характера. Мне, годами сиднем сидевшей в четырех стенах и общавшейся только со здоровыми людьми, он открыл новый, доселе неведомый мир, рассказывая о своих невероятных, наполовину выдуманных приключениях. Поначалу мне было интересно все, но постепенно в его рассказах стало проступать то, что в конечном

итоге привело меня к разочарованию в этом смелом, напористом парне. Он принадлежал к так называемым травмачам: в семнадцать лет упал с большой высоты и сломал позвоночник. Так вот, в своих повествованиях, где сам он был главным героем, он с такой нетерпимостью и так недобро говорил о бывших своих друзьях-товарищах, которые все как один забыли о нем, когда он получил травму, и не пришли, когда жизнь его так круто изменилась, что я поняла: парень этот и в здоровой своей жизни был эгоистом. И отношения его с людьми строились на тех началах, которые, увы, становятся концом, когда приходит беда: он привык брать и совсем не думал о том, что нужно еще уметь и отдавать. Я скоро раззнакомилась с ним, поняв, что люди мы разные и отношения наши никому из нас ничего не дают. Сейчас этого парня уже нет в живых. В последний раз его видели в санатории одиноко сидящим в одной из аллей парка. Мир праху его, но это конечное одиночество было не только трагичным, но и по-своему логичным.

Этим примером я хочу сказать, что болезнь, резкая перемена участи изменяет, а порой ломает характер человека, определяя в большой степени его дальнейшую судьбу. Однако в болезни человек не только переживает свою судьбу, но во многом и строит ее сам. «Человек за все платит сам», — из всех дифирамбов во славу человека, звучащих в горьковской пьесе «На дне», этот кажется мне бесспорным. За добро, за зло, за обиду, нанесенную пусть невольно, — за все человеку приходится расплачиваться, я знаю это и по своей жизни. Знаю, что и за свою самостоятельность, как и за зависимость от других, тоже платишь, и порой очень большую плату.

Характеры инвалида с детства и инвалида-травматика тоже отличаются друг от друга. Человек, бывший абсолютно здоровым и вдруг, в одночасье, ставший беспомощным и зависимым от тех, кому недавно сам был опорой, — это не совсем то, что инвалид с детства, у которого большой стаж болезни и в справке ВТЭК написано: «Нуждается в постороннем уходе». Некая «притерпелость» к инвалидности безусловно вырабатывается, как вырабатываются и определенные качества характера. Рискну высказать свое, личное, возможно спорное, мнение: инвалид с детства еще не знает реального мира. и потому легче к нему приспособливается, человек же зрелый осознанно воспринимает «обрыв», считает его крахом жизни. И потому многие инвалиды-травмачи легче ломаются психологически, с трудом адаптируются в новой своей жизни, порой опускаются, начинают пить.

Судьбы у нас тоже складываются по-разному. Как-то на удивление молодой девушки-инвалида по поводу моего пассивного образа жизни — никуда не выезжаю, нигде не бываю — пришлось напомнить ей, что ее судьба изначально складывалась прямо противоположно моей. Обе мы — инвалиды с детства, но она жила и училась в интернате, бывая дома только по выходным, и это обстоятельство, как и тот факт, что у нее молодые родители и брат, что живет она в доме с лифтом, во многом определили и ее независимый, несмотря на болезнь, характер и более активный образ жизни.

Интересно, что порою даже тип заболевания может выработать у человека определенные черты характера. Среди многих заболеваний центральной нервной системы одно из малоисследованных — рассеянный склероз. Механизм этой тяжелой болезни более или менее известен, а вот причины и следствия неясны: почему у абсолютно здорового, в расцвете лет человека вдруг «складывается»

позвоночник, и он длительное время лежит парализованный, а потом столь неожиданно и необъяснимо наступает временное улучшение — ремиссия: он начинает потихоньку вставать с постели, ходить, и хотя полного выздоровления не происходит, наступает улучшение общего состояния. В результате некоторой таинственности, чуть ли не мистичности процессов, происходящих в спинном мозге, многие больные рассеянным склерозом начинают верить, что вот-вот найдут радикальное средство от этого странного заболевания, они верят в чудо. Отсюда их оптимизм. А я вот до сих пор не знаю, какой вирус «грызет» мой спинной мозг, но механизм заболевания по-своему представляю и знаю, что болезнь моя прогрессирует, никакое чудо ее не остановит. Отсюда — мой во многом пессимистический взгляд на себя и на медицину, отсюда и некоторые присущие мне черты характера.

И все же изначальный, природой заданный человеку характер, мне кажется, определяет в конечном итоге почти всю его «историю болезни», всю дальнейшую судьбу. Недаром ведь говорят, что судьба — это диагональ между характером человека и обстоятельствами. И еще говорят, что важнее, как человек принимает свою судьбу, чем сама эта судьба. К какой роковой черте ни подталкивает его жизнь, каждый человек волен выбирать, сдаться ему или попробовать по возможности устроить свою жизнь в самых, казалось бы, неблагоприятных обстоятельствах. «Опускаться вниз легче, чем подниматься вверх», — так объяснила свой выбор женщина легкого поведения. И опускается, деградирует человек, думается, тоже во многом по своей воле.

Насколько могу судить о себе, по натуре я человек достаточно активный, просто обстоятельства сделали меня пассивной, «задавили». Но — не до конца, порой эту самую активность я проявляю, если возникает кажущаяся поначалу неразрешимой ситуация. Так было в санатории, когда я отправилась в авантюрную поездку на машине и смогла выпутаться из довольно сложного положения; в другой раз, узнав о том, что распалась команда желающих поехать на машине в Ялту, за полчаса до прихода авто смогла сколотить новую, и поездка эта состоялась. Попалось мне как-то на глаза определение, данное Мопассану его биографом, — «жизнерадостный оптимист». Пожалуй, это и обо мне.

Что же касается взаимоотношений, то мне кажется, что если заложен в человеке интерес к людям, к жизни, если есть желание как-то выкарабкаться из замкнутого пространства, то заложенное должно развиваться, вначале подсознательно, с возрастом же становясь жизненной установкой. Помню, как, оказавшись на новой квартире оторванной от своих подруг, я писала им открытки — телефона поначалу не было, — и подруги приезжали, привозили книги, и мы общались, связь не прерывалась. Верно говорится: у нежелания есть тысячи доводов, а у желания — тысячи способов. И когда, случается, мне говорят о чьем-то полном одиночестве, об отсутствии друзей, я удивляюсь: нет, что-то неладно с самим этим человеком, видно, не было у него настоящей потребности иметь друзей, не было душевного отклика на чье-то горе, не было активности, без которой ничего не дается. В учении знаменитого педагога Ухтомского есть даже такой постулат — «акцент на другого».

По-разному проявляют себя инвалиды и «в миру». Есть среди них такие, что везде качают права, не пытаются скрыть свои эмоции, сталкиваясь с душевной черствостью, равнодушием, которого хватает везде. Не мне их судить, но я задаю себе вопрос: выигрывают ли они от яростных столкновений, всплесков от-

рицательных эмоций, а главное — меняет ли такое поведение отношение к ним здоровых людей? Сомневаюсь. Может, самим им на время и становится легче, но и с ними нелегко, да и результат печальный — ответное ожесточение, ответная неприязнь. По принципу бумеранга.

Насколько это бывает в моих силах, я стараюсь избегать конфликтных ситуаций, потому что «не мое», да и себе дороже. Помню посещение-проверку работников Красного Креста. Не вникая в ситуацию, глядя не на меня, а куда-то в окно, старшая медсестра спросила:

— А вы не хотели бы в инвалидный дом?

На мой отрицательный ответ одна из сотрудниц удивилась:

— А почему? Мы там были, там вроде неплохо...

— Вы там были, а у меня там знакомые — живут.

На языке у меня вертелись другие, недобрые слова: «А свою мать, если, не приведи Бог, что случится, вы туда сдадите?» Но, спрашивается, чего я добилась бы этими доводами или рассказом о тех этажах дома-интерната, где они не были, потому что там — лежачие больные и там дурно пахнет? Да ничего! Смею уверить, за порогом моей квартиры эти люди пришли бы к единому мнению: «Какие они все злые, эти инвалиды!» Вот и все, и весь результат.

Нет плохих людей, есть плохие отношения между людьми. А отношения эти нужно строить, вырабатывая по ходу жизни полезные привычки, и наипервейшую из них — активное и доброжелательное отношение к окружающим. Нужно учиться жить среди людей, иначе рискуешь остаться совсем одиноким.

Помнится, одна знакомая с негодованием поведала мне, как она выставила однажды свое мусорное ведро за дверь, и никто из соседей не догадался его вынести. А почему, собственно, кто-то должен был догадываться: может, ведро должен был вынести человек, находящийся у нее дома, ее гость? И просьбы с ее стороны тоже не было. Еще один знакомый, заболевший внезапно уже в зрелом возрасте, к тому же одинокий мужчина, долго жаловался мне, какими плохими людьми оказались его соседи по подъезду: не зайдут, не спросят беспомощного человека, нужна ли помощь.

— А вы сами-то к ним ходили раньше, общались с ними? — спросила я.

Оказалось, нет, ему некогда было, он работал допоздна. Кстати, и к работникам соцпомощи у человека этого требования завышенные, многие отказываются его обслуживать. Думаю, что он и здоровым не спешил откликнуться на чужую беду. Мне искренне жаль этого человека, и не только потому, что заболевание у него очень тяжелое...

«Я и мои отношения с другими» — проблема очень непростая. Нет пока такой социально-психологической службы, которая помогала бы людям, оказавшимся в изоляции, людям беспомощным, зависимым от других. И потому каждый строит отношения с окружающими по-своему. У режиссера В. Мейерхольда был любимый девиз: один видит пропасть и думает о смерти, а другой видит пропасть и думает о мосте, который необходимо построить через нее. Каждый из нас строит свой мост, исходя из собственного характера и объективных обстоятельств.

«Во дни благополучия пользуйся благом, во дни неблагополучия размышляй», — говорил древний мудрец. Жизнь в четырех стенах, долгие часы, проводимые наедине с самим собой, поневоле располагают к раздумьям, как, впрочем, и душевные переживания, связанные с болезнью. Конечно, у больного человека,

домоседа поневоле, одиночества в полном смысле вроде бы и нет: ведь есть радио, телевизор и — книги. Книги, развивающие воображение, помогающие узнать многое о человеке, о жизни, о всевозможных жизненных ситуациях. Привычка анализировать прочитанное, приобретение психологических навыков в общении с людьми — это своего рода компенсация за неприсутствие в реальном мире. Хорошим психологом не помешает быть любому, а уж инвалиду — сам Бог велел. Известна особая тяга людей, переживающих какие-то личные драмы, жизненные передрыги, к инвалидам. Одна поэтесса, сама много болевшая, написала когда-то: «Люди, воспитанные болезнью, — они совсем другие». В народе вообще считается, что больной, страдающий человек, как ни кто иной, способен понять другого, разобраться в ситуации, посоветовать. Сколько раз приходилось и мне выслушивать исповеди самых разных людей, распутывать клубки различных жизненных перипетий, хотя собственный, личный мой опыт достаточно скуден.

Не секрет, что умение выслушать другого в силу разных причин с годами утрачивалось в обществе, а в последние годы наблюдается явление парадоксальное: с одной стороны, возрождается личностное начало, от «мы» к «я», а с другой стороны, многоликое «я» приводит к разноголосице, отчуждению людей, нежеланию слушать других.

Иное дело — больной человек, он — выслушает. А порою и надо-то всего-навсего выслушать! Если же он поймет и поможет разобраться, то выиграют оба. Многие инвалиды являются своеобразной копилкой всевозможных житейских историй, и в результате их психологический багаж растет, растет знание жизни и ширится круг друзей.

Сужу об этом исходя из собственного опыта. На моем телефоне, единственном в доме, сидели и молодая девушка, запутавшаяся в личных отношениях с другом, — и это были не часы, а недели, пока все утряслось, определилось; и соседка, попавшая в тяжкий семейный переплет, — и это были уже месяцы разборов, а потом и бумажные дела; и случайная знакомая, которой некуда было деваться от подселенной в квартиру соседки. От всего этого была большая усталость, но это тоже была моя жизнь, люди входили в нее, оставаясь кто на время, кто навсегда, помогая мне, в свою очередь, решать мои собственные проблемы.

Психологи утверждают, что внутренний мир человека гораздо больше влияет на его поведение, чем побудительные мотивы. А внутренний мир, в свою очередь, зависит от степени самопознания, чтобы, поняв себя и свой характер, определить отношение и к себе, и к миру. Как сказано у А. Твардовского: «Что нужно, чтобы жить с умом?.. Понять свою планиду: найти себя в себе самом и не терять из виду». Найти себя, чтобы постараться построить свою жизнь максимально приближенно к полноценной и примирить себя с окружающим миром. Ибо «жизнь дается человеку только один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» — здесь лучше остановиться, дабы не ухудшать здравую мысль идеологическими «приставками».

ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ

Сегодня ночью мне опять приснился сон, из тех, которые я не люблю. Но я понимаю, почему именно это тяжелое сновидение меня посетило и заставило проснуться среди ночи. Мне нездоровится, да и общее состояние внушает трево-

гу. И еще я знаю, что мне надо больше двигаться — в пределах возможного, конечно. Днем мне об этом некогда было подумать: бесконечные домашние дела, люди... А вот во сне, когда сознание отключилось, «поработало» подсознание — для того, чтобы я на другой день серьезно задумалась о своем здоровье, сделала какие-то выводы.

Недаром, видно, назвал сон «слугой жизни» древнегреческий философ Аристотель. А вот что писал Т. Манн в своем эссе «Блаженство сна»: «То, что на смену дню опускается ночь и благо сна простирает каждый день свой покров, гася и успокаивая все муки, злосчастья, страдания и тоску... я всегда считал одной из волнующих милостей, которые существуют среди великих фактов бытия».

Да, сон — великая милость, великое благо. Спросите любого, и он подтвердит это, а кто-то еще добавит, особенно если в его жизни — черная полоса, что хотел бы переспать-переждать трудные дни, месяцы, годы. Я белой завистью завидую тем, кому сны вообще не снятся или кто их просто не помнит, завидую, потому что они по-настоящему отдыхают за ночь. К сожалению жизнь распорядилась так, что помимо основного заболевания, у меня и со сном неважно. Звезды говорят, что у Близнецов, к коим я принадлежу, особый склад нервной системы, их мозг готов работать круглосуточно. Увы, это так, и лишь в далекой юности я спала как убитая и снов не помнила независимо от того, когда заснула. Теперь не то, и, как бы ни убеждал Э. Рязанов, что «бессонниц горестные всходы надо благодарно принимать», я бы предпочла свои, зачастую печальные мысли поскорее заглушить сном, «заспать». Но нет, «благо сна» как отдохновение мне не дано, редко удается как следует выспаться. И мне суждено постоянно видеть сны.

Сны видят практически все, и у каждого они свои, неповторимые, как неповторим каждый человек со своим чувственным миром и жизненным опытом. Всегда в человеке жила тяга ко всему необъяснимому, таинственному, отсюда — интерес к снам. И раньше, и сейчас людей занимали толкования различных снов, особенно снов вещих, ибо неистребимо желание человека заглянуть в свое будущее.

В юности, когда многое в литературе у нас было под запретом, попалась мне книжечка З. Фрейда «Лекции о происхождении сновидений». Примеры, приводимые врачом-психоаналитиком, были длинными и скучными, да и речь там шла о реалиях жизни старинной, но главное я тогда усвоила: любой приснившийся тебе необычный и запомнившийся сон можно при желании распутать, истолковать, зная себя, свои мысли, проблемы. «Сон раскрывает суть вещей», — так считал З. Фрейд.

Вообще-то выслушивать и разбирать чужие сны — дело скучное, но мне все же хочется немного рассказать о снах специфических, о снах инвалида, ибо, на мой взгляд, в них есть и своя логика, и своя, пусть опосредованная, связь с жизнью реальной, связь, помогающая понять психологию человека с ограниченными физическими возможностями.

Конечно же, больные люди видят и самые обычные сны: ежедневные мысли, чувства, переживания накапливаются и переплавляются в сновидениях в образы, картины, сюжеты. Среди снов общего характера многие связаны с переутомлением, тревогами, и у каждого такие сны тоже свои. У меня это либо начинаю-

щаяся война, либо шаткий, готовый вот-вот обвалиться балкон. В подобных снах детали-символы разнятся, ощущения же одинаково тревожные.

Известно, что один из общих снов — это полеты над землей. Такие сны характерны для детства и юности, когда организм растет. Инвалид с детства, знаю по себе, тоже порою летает во сне, только, к сожалению, эти прекрасные сны длятся недолго, потому что, как известно, присниться-привидеться может только то, что реально видено, пережито, перечувствовано. Чего не знаешь, о чем не думаешь — то, как правило, и не снится. А тут и жизненный опыт, и запас впечатлений так малы: три-четыре года сознательной жизни, после которой в памяти еще живы ощущения земли под ногами, тротуара, кусочки двора, ступени лестниц в подъезде, соседские дворики. Увы, скупы сны моего детства, да и было оно бедным на радости, на общение с природой, на путешествия.

Трудно передать словами ощущения человека, сидящего в инвалидной коляске и смотрящего на мир через комнатное окно. Там, за окном, едут машины, ходят люди, разговаривают, смеются, ведут детей и собак. А тебя — тебя, по сути, нет, хотя вот он ты, сидишь в коляске, в благоустроенной квартире. О нет, все-таки — в клетке! Да, ты читаешь книги, газеты, разговариваешь с друзьями по телефону, смотришь телевизор, слушаешь радио. И все же, что ни говори, а жизнь — настоящая, реальная жизнь — проходит мимо, скользит-мелькает, как кадры кинохроники.

Вообще-то ирреальность жизни, думается, порой ощущают все люди, кроме разве что верующих, у которых свое, высокое и смиренное представление о временном, преходящем пребывании человека на земле. Кому из нас, особенно в зрелом возрасте, прожитая жизнь не представлялась порой сном? Счастливым, нет ли — все едино. Как сон, предстают, например, годы юности, да и просто счастливые годы. Но у людей, волею судьбы выключенных из реального жизненного круга, это ощущение свое, более острое. Отсюда и особенности, и своеобразие «второй реальности» — снов, которые им снятся. Для себя я условно делю эти особые сны на три типа: навязчивые, красивые и тяжелые.

Вот, к примеру, сон «неотвязный и грозный», годами повторяющийся с завидным постоянством: почему-то я возвращена в старую коммунальную квартиру, в нашу маленькую комнату. И с тоской, с ужасом пытаюсь понять: что же случилось, почему мы с мамой и сестрой опять здесь, ведь мы вроде бы давно живем (жили?) в новой светлой квартире, совсем в другом районе?! И мне тягостно, и я стараюсь скорее вернуться в явь, в реальность, и успокаиваюсь, проснувшись: слава Богу, я не там, я здесь. До сих пор время от времени вижу этот навязчивый сон и никак не могу понять-разгадать, что же он означает: то ли, что мне не так уж плохо живется, пусть и в одиночестве, то ли это некое предупреждение свыше — «то ли еще будет, ой-ой-ой».

Есть еще два сна, но, как мне кажется, они без труда расшифровываются, ибо связаны с мечтами о лучшем, идеальном жилище и еще — со страхом лишиться того, что уже имеешь. В первом из них непременно присутствуют мама и сестра, и мы вселяемся в огромную квартиру, где много-много окон, в каждом — своя картина: в одном — вид во двор, в другом — на улицу с пешеходами, магазинами, машинами, а в третьем — далекий горизонт и изумительно красивый пейзаж. И всякий раз я не забываю удостовериться, что поселили нас невысоко — обстоятельство немаловажное для нашего брата-инвалида, не желающего отрываться от матушки-земли.

Из второго сна я всегда спешу поскорее «вынырнуть». Сон такой: перед моим балконным окном строят высотный дом, и на моих глазах растут этажи, которые вот-вот закроют мне весь вид из окна — и на железную дорогу, и на огни домов вдали, и даже небо эти этажи «украдут». Открыв глаза и убедившись, что то был лишь кошмарный сон, я с облегчением вздыхаю...

А вот еще один, тоже личный и тоже понятный. Я летаю во сне, но не так, как летают в детстве, о нет. Снится, что пытаюсь я вылететь из окна своей квартиры, вылететь «на волю», но, увы, мне это никогда не удастся: вылетаю я в некую абстрактную пустоту. Естественно, ведь здесь я живу более тридцати лет, но никогда не ходила ни по улице, ни по двору, а все, что каждый день вижу из окна, это просто «вид», просто картинка, нет у меня «знания окрестностей». Иное дело, если действие в подобном сне происходит на старой квартире: там я вылезая прямо через окно на тротуар и могу почему-то немного погулять на асфальтовом пяточке.

Иногда во сне я отправляюсь по родной улице к маленькому универмагу, который в детстве, «когда деревья были большими», казался огромным, и покупаю там себе всякую всячину, обычно связанную с письмом и рисованием: альбомы, карандаши, кисточки. Здесь тоже все объяснимо: обездвиженный человек страстно хочет хоть на время, на чуть-чуть выйти из четырех стен, походить-побродить по улицам, хоть во сне побыть человеком здоровым.

Возможно, отчасти это сон «женский», но главное все-таки — в неосуществимой мечте больного человека побыть хоть во сне человеком здоровым.

Посещаю я в сновидениях своих и санаторий, южный, Сакский, в котором побывала не раз, почему и впечатался он в память множеством подробностей и переживаний. Но вот в последний свой приезд туда я уже знала, что больше сюда не попаду, да и вообще вряд ли по состоянию здоровья куда-нибудь поеду. И этот грустный факт отразился в дальнейших моих снах: вот я каким-то чудом вновь приезжаю в Крым, но обратно улететь не могу — то деньги дома забыла, то билеты на самолет заранее не заказала. И ничего за время пребывания почему-то не успела — ни в кино побывать, ни у моря, даже в столовую ни разу не съездила пообедать — в общем, полное расстройство!

Надо сказать, что ощущение инвалидом своей оторванности от окружающего мира усиливается во сто крат при посещении мест людных и специфических — клиник, медицинских учреждений; там обостряется чувство физической беспомощности и зависимости от здоровых людей. И эти особые переживания, эта отчужденность от реальности тоже находят отражение в сновидениях: во сне ты либо среди «своих», либо среди здоровых людей, которые к тебе не относятся, не замечают тебя, ты для них — вроде невидимки. Не знаю, возможно, у инвалидов мобильных, ведущих иной образ жизни, иные ощущения, но у меня комплекс неполноценности проявляется даже во сне...

Любопытно, что когда я выбралась с помощью своей молодой знакомой девушки на бывшую ВДНХ, то огромные потоки людей, «омывавшие» мою коляску и растекавшиеся во все стороны, меня вовсе не смущали, а вот девушка моя как-то даже растерялась перед катящейся прямо на нас людской волной. Такой вот парадокс — здоровые люди устают от ежедневного многолюдья, от толпы, а больные, наоборот, мечтают побывать в толпе.

Помню, как сидела я в инвалидной коляске посреди раскаленного полуденным солнцем южного рынка, как ездила между торговыми рядами с овощами и

фруктами, как, отъехав в сторону и поглощая из стеклянной банки ягоды, обзревала весь базар. Многолюдный, жужжащий, как улей, рынок, яркие одежды местных жителей и курортников, аппетитно рассыпанные по прилавкам яблоки, груши, сливы, персики, ведра с цветами — эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами...

Многолетняя жизнь в уединении, в замкнутом пространстве, естественно, сказывается на психике, на психологии человека. Отсюда — странные ощущения, которыми сопровождалась моя редкие поездки на такси. Вот машина тронулась, помчалась по улицам, и я вся — в окошке, а мимо проносятся, мелькают улицы, тротуары, люди на остановках. Пролетают мимо автомобили, троллейбусы, грузовики — потоки машин и людей. Но что это со мной? Чем дальше едем мы по улицам, тем неуютнее и неприятнее становится на душе, растет во мне чувство одиночества в гигантском городе-муравейнике, в котором ты — маленький мурашка, никому не видимый и никому не нужный. И вот все вдруг начинает давить на тебя: пространство, толпы людей, дома — тот самый мир, в котором тебя нет и который ты видишь опять-таки, выглядывая из окошка... И все растет-растет в душе стремление поскорее вернуться в свою комнату, в свою клетку, в проклятые — но свои! — четыре стены, где все знакомо, все обжито, где твой обустроенный мир.

Совсем иные, противоположные ощущения дал мне один из «полетов наяву». Внешние впечатления — от невероятной красоты неба и земли огромной высоты — заслонили на время ощущение странной внутренней гармонии, непривычной комфортности. И лишь позже я задумалась о том, почему же в самолете у меня не возникало тех неприятных чувств, что в автомашине на земле. И, мне кажется, поняла почему. Там, над землей, над облаками, оторванность от земли была такой полной, такой окончательной, что все земное уже не довлело над сознанием, и было ощущение свободы от тяжести земной уже в каком-то ином, высоком, философском плане. Тут я как бы сравнилась, пусть на время полета, со всеми здоровыми людьми, сидящими в салоне самолета: мы все были здесь равны, мы все находились в одинаковой «невесомости». На земле такого ощущения у меня никогда не было и быть не могло.

Никогда, нигде — ни в комнате, ни на улице, ни в машине — не оставляло меня ощущение окончательной и безнадежной оторванности от земли. Вот они, проплывают мимо деревья, вот она, трава зеленая, рядом, под ногами, на расстоянии вытянутой руки, вот он, дождь, молотящий по куртке, — но ведь ноги мои не чувствуют тверди земной, тело мое сковано, оно не может ощутить всю прелесть листвы и травы, дождевых капель, бегущих за ворот. А вышеописанное необычное чувство всеобщей невесомости, испытанное в летящем самолете, было тоже своего рода сном наяву.

Снами наяву были и поездки по Крымскому полуострову, когда, скинувшись, мы нанимали местного спинальника с машиной. Помнится, в школе я не любила уроки географии, будто уже тогда предчувствовала, что не доведется мне путешествовать по свету. Ан довелось! И в самый первый раз, когда наш автомобиль спускался в цветущую южную долину под пение Анны Герман, несущееся из транзистора, я сидела ошарашенно-счастливая и думала: Господи, неужели это я въезжаю в незнакомый край с кипарисами, в маленькие городки с белыми мазанками, в сказочный Бахчисарай? И вижу, пусть только из машины, бывшие царские дворцы, Медведь-гору, Ласточкино гнездо и Ялту? И сию воз-

ле домика Чехова, дышу дивным ялтинским воздухом, позабыв про свой хронический бронхит...

Сны, связанные с движением, — особые, они тоже принадлежат к красивым. И тоже вполне объяснимы, ибо связаны напрямую с неподвижным образом жизни. Когда сиднем сидишь целыми днями, душа так порой жаждет движения, что, даже глядя на экран телевизора, я предпочитаю, чтобы камера оператора показывала дорогу в перспективе, создавая иллюзию движения — пешком ли, на машине ли. Поэтому меня не удивляет, что и во сне происходит то же самое: я посещаю какие-то чудесные страны с необыкновенной архитектурой (как правило, это смесь сказочных скандинавских домиков, пейзажей и современных западных городов). Опять же, я не «посещаю» эти выдуманные страны, а — мчусь, либо в поезде, либо в некоей открытой машине. И еще я точно знаю, что это все происходит во сне, что сказочная поездка скоро кончится, и потому мне нужно запомнить всю эту небывалую красоту — скорее, скорее, а то вот-вот проснусь!

Сны инвалида чаще всего связаны с тем, чего он не имеет, — с движением. Вот почему, летела ли я в самолете или проезжала на машине по степям и горам Крыма, я изо всех сил вбирала, впитывала в себя все проплывавшее, пролетавшее в надежде, что со временем увижу все это в снах своих. Но нет, мир из окна автомобиля — снова мир нереальный. Лишь в живой памяти остались, как на цветных слайдах, картины-воспоминания о древних крымских горах, огромных лесных массивах, о солнечной Ялте и Черном море... Вернувшись однажды из санатория чуть позже своей знакомой, я позвонила ей, спросила:

— Ну, как ты?

И услышала в ответ:

— Что «как»?! Опять эта каменная клетка и потолок на голове!

Это ощущение — возврата в замкнутое пространство из многомерного и необъятного мира, из огромных помещений и ежедневных прогулок под необъятным южным небом, от избытка солнца и встреч — мне тоже знакомо.

Танцы во сне редки, но если уже снятся танцы — то непременно в каком-то большом зале с блестящим паркетом, под красивую музыку. Иногда это танцы на льду, и, Боже мой, какой «класс», какая необыкновенная свобода, какое дивное владение своим телом! Если же вернуться к яви, то многие спинальники любят смотреть балетные танцы, фигурное катание, классический балет, восхищаясь гармонией музыки и движения.

Я не увлекаюсь спортом и от души завидую тем инвалидам, которые часами смотрят по телевизору хоккей, футбол, баскетбол. Но вот к прыжкам-полетам лыжников с трамплина неравнодушна: это тоже такое изумительное владение собственным телом, о каком можно только мечтать...

Сны красивые обычно навеяны прочитанным или увиденным по телевизору. В юности, когда в сознании преобладает книжный мир и живо работает воображение, сны во многом тоже носят воображаемый характер. Помню, читала я на ночь книгу об Италии, и мне приснилось, что я — в Венеции, сижу на коляске прямо посреди площади Св. Марка, а вокруг старинные здания — ожившие иллюстрации из книги, а возле меня, на каменных плитах — голуби. И то, что я сижу в инвалидной коляске, меня нимало не смущает, точно также, как вообще в юности не смущают взгляды людей, когда едешь по улице и глядишь по сторонам. Иное дело — в возрасте зрелом, когда меняется мироощущение, накаплива-

ется запас негативных переживаний, укрепляется в тебе комплекс неполноценности, и волей-неволей чаще видишь себя как бы со стороны...

Если в юности, когда я еще никуда не выезжала из дому, сновидения носили в основном романтический характер, то в зрелости уже ощущала в снах свою физическую беспомощность и испытывала неприятные ощущения, с этим связанные. Те же путешествия во сне переживаются теперь совсем иначе — только как подарок на короткое время, который вот-вот исчезнет. Да и сама зависимость от реальности иная: сновидения более связаны с жизненными переживаниями, сказочный и глубокий сон юности вытесняется сном-продолжением грустной яви, тяжкое для обездвиженного человека «земное притяжение» побеждает былой полет фантазии...

И все чаще снятся сны нелюбимые, неприятные, в которых ты нездоров. Один из таких снов в психологии, кажется, называется «прозрачным», — это сон во сне. В таком сне я лежу в кровати, и вдруг оказывается, что я могу поднимать одну ногу. Убеждаю себя, что этого не может быть, что я во сне, «просыпаюсь» — нет, все правда, нога с усилием, но поднимается, нужно только тренироваться! И просыпаюсь уже окончательно — увы, мне все это приснилось. Со временем такие сны, в которых ты ходишь тяжело, в аппаратах, полупадаешь и чувствуешь тяжесть своего парализованного тела, вытесняют прекрасные и легкие сны с танцами.

Как знать, возможно, в будущем будут изучаться и сны инвалидов? На мой взгляд, здесь есть многое, что заставляет задуматься и о загадках психики и психологии человека, и о загадках сугубо медицинского плана. Почему, например, после сна, в котором ты особенно остро, ощущаешь тяжесть во всем теле, в ногах, эти ощущения сохраняются в течение некоторого времени и после пробуждения? И это в ногах, полностью парализованных и лишенных чувствительности! Почему, если не выспишься, то помимо «головной» усталости чувствуешь, что и ноги твои «не выспались», что они «плохие»? Любопытство здесь отнюдь не спортивное, для спинальника знания о существующей связи головного мозга с периферической нервной системой могли бы стать стимулом для индивидуальных физических тренировок. И почему, задаю я сама себе вопрос, если делаешь мысленно движения стопой, то спустя время начинает вдруг дергаться мышца тела выше, где еще есть движение и чувствительность? Много вопросов — и нет ответов.

Медики сейчас начали изучать «зазеркалье» сна, они утверждают, например, что больной орган во сне сигнализирует о болезни. Отсюда толкование так называемых вещих снов: если, скажем, снятся узкие проходы, тоннели, в которых трудно дышать, — значит, нелады с легкими; если снятся грязь и ты в воде — заболевают ноги и т. п. И мои сны, в которых сильно ощущение физической беспомощности, тяжести тела, — это тоже подсказка, предупреждение: плохо следишь за собой, мало двигаешься! А если снятся вдруг пролежни, какие-то невероятные раны, потертости на ногах — это тоже тревожный сигнал: не забывай, следи за своим телом...

Порою мне кажется, что было бы справедливо, если бы больной человек хотя бы во сне мог жить как бы второй, «здоровой» жизнью, чувствуя и переживая все то, чего он лишен. Но увы, этого быть не может, и лишь воображение, помноженное на реальные впечатления, дает интересные, яркие сны. Кстати, когда-то считалось, что цветные сны — удел людей с нарушенной психикой, но

теперь уже признано, что все нормальные люди видят сны цветные, «широкоформатные». Вот бы действительно научиться самому конструировать собственные сны, на каждую ночь! Ну, не на всю ночь, конечно, а так, чтобы можно было и отдохнуть, и выспаться.

Китайская поговорка гласит: «Из аквариума можно сварить уху, но из ухи не получишь живой рыбки». Сон — это все-таки лишь сон, а жизнь — это жизнь. Нынешние молодые инвалиды уже сейчас живут несколько иначе, а в будущем, надо надеяться, увеличится связь их с внешним миром, разнообразнее станет общение с людьми.

Будет богаче реальность — и сны станут глубокими и легкими. Дай им Бог!

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ, НО – С НАДЕЖДОЙ

Когда в разговоре со знакомым инвалидом, детским поэтом, я посетовала, что сделанный о нем телефильм был не очень удачным, а передача, посвященная нашим проблемам, сусальной, он спокойно заметил:

— Ничего, это не суть важно. Пусть люди смотрят, пусть привыкают.

Другой знакомый на мое замечание о том, что инвалиды стали нынче частыми гостями на телевидении, ответил с изрядной долей иронии в голосе:

— Ой, не говори, даже тошнит! Да, информационный взрыв, происшедший в конце 80-х годов, коснулся и нашей жизни. Мелькают на телевидении отдельные сюжеты, короткометражки о людях с физическими недостатками, особенно часто показывают инвалидов-спортсменов.

Спору нет, все это хорошо и своевременно, но есть и опасения, уже подтверждаемые опытом. Опасения того, как бы все эти трансроссийские и международные марафоны не стали ярким рекламным щитом, за которым так и останутся нерешенными неяркие, но жизненно важные проблемы инвалидов: трудоустройство, бытовые и медицинские вопросы; общение, культурный досуг. Ведь и здесь, как в других подобных акциях, зачастую преобладают спекулятивные мотивы: наряду с желанием помочь людям, обделенным здоровьем, есть желание «заслонить» инвалидами общее нездоровье общества. Есть и декларативное, ради «галочки», отношение к острейшим социальным проблемам, и — чего греха таить — стремление под маркой «обмен опытом» наладить заманчивые для самих организаторов акций зарубежные поездки.

Вот почему, приветствуя инвалидный спорт и как движение, и как общественное явление, приходится с осторожностью относиться к лозунгам и девизам типа: «сильные духом», «равные среди равных», «марафон на протезах» и т. п. Главное — чтобы за красивыми «заставками» появилось конкретное содержание, чтобы развивались местные клубы, небольшие секции для спортсменов-инвалидов, чтобы росло число спортивных объединений, чтобы местные власти содействовали созданию системы оздоровительных мер, направленных на реабилитацию инвалидов-опорников.

Но вот изменилась ли пресса об инвалидах, изменились ли сюжеты об инвалидных проблемах по сути своей, по содержанию? В чем-то — безусловно. Стало возможным хотя бы ставить острые вопросы, о которых в прежние времена, когда инвалиды жили в полосе отчуждения, даже упоминать не решались. Но говорить о глубине раскрытия инвалидной тематики пока рановато. По-прежнему обходятся острые углы, повторяются банальные выводы, неизвестно

на кого рассчитанные призывы и упреки в адрес социальных учреждений. Что может узнать из подобных статей и очерков инвалид? Все ту же печально известную истину: больные люди никому не нужны, все социальные службы глухи и немы к проблемам нашего бытия. Если же идет речь о судьбе конкретного человека, то, как правило, используются наработанные приемы и газетные штампы, следует идеализация описываемой ситуации и почти непременно — хэппи-энд, чтобы не травмировать нашего читателя: ему и так нелегко живется, а тут еще об инвалидах речь, мало, что ли вокруг «чернухи»!

Редки материалы, в которых о жизни и быте, о проблемах инвалидов рассказывали бы нормально, не впадая ни в патетику, ни в унижительную жалось. Пора уже признать за больным человеком естественное право быть прежде всего личностью. И все нормальные свойства личности — живость ума, умение излагать свои мысли, склонность к искусствам — не должны восприниматься как нечто невероятное, чуть ли не как аномалия: ах, инвалиды стихи пишут, ах, некоторые даже рисуют, и это - при парализованных руках-то, вы подумайте!

Надо начинать избавляться от стереотипа, вбитого в голову обывателя, что существуют только два типа инвалидов: либо он герой, борец с судьбой, либо ничто, иждивенец, балласт, обуза. Недаром девизом фестиваля искусств инвалидов был такой: «Смотри на меня, как на равного!»

Социологи говорят, что у нас — страна мифов, касается это политики или знаменитостей. Миф об инвалидах-героях тоже, к сожалению, существует до сих пор. Среди мифологизированных героев — несомненно мужественные люди, такие, как военный летчик Алексей Маресьев, который, несмотря на ампутацию ног, на протезах смог вернуться в строй, летал, воевал за освобождение Родины. Однако из человека, живого, страдающего и побеждающего обстоятельства, сделали сначала литературного и киногероя, а затем его превратили в показательный пример, строго обязательный для изучения и подражания. Нет никакого сомнения в том, что Николай Островский и Алексей Маресьев достойны уважения и восхищения людей, но создание мифа из их судеб отчуждает их от реальной, конкретной жизни. Ведь герой — это человек исключительный, необыкновенный, то есть абстрактно-идеальный, И вряд ли пионеры и комсомольцы, «проходившие» в школе роман Н. Островского и повесть Б. Полевого, всерьез примеряли их характеры и судьбы на себя, они писали хрестоматийные сочинения на тему «Каким быть». Сами же инвалиды, насколько мне известно, поддаются обаянию этих книг разве что в ранней юности, когда сознание еще парит над действительностью, когда восприятие мира во многом романтическое.

Автобиографические книги людей более близких нам по времени — «Всем смертям назло» В. Титова, «Жить стоит» И. Триус и другие — тоже, к сожалению, подчинены «сверхзадаче» — показать, какие у нас в стране замечательные люди, какой замечательный комсомол, воспитанный партией. Так надо было, ибо только такое жизнеописание тяжело и безнадежно больного человека могло появиться тогда в печати. Авторам, как правило, не удавалось показать мужество человека в экстремальной ситуации без идеологических подкладок, просто жажду той самой жизни, которая является наиважнейшей ценностью и которая выше идей.

Наши фильмы, посвященные «людям нелегкой судьбы», тоже всегда напоминали красивую сказку.

В прессе и литературе последних лет, к сожалению, начинает утверждаться другой, не менее опасный миф. Когда журналисты, руководствуясь самыми добрыми намерениями, пишут о том, что их герой, «вопреки прогнозам врачей преодолел недуг», «победил болезнь благодаря воле и личному мужеству», они зачастую вводят нас в заблуждение. Потому что здесь возможны только два варианта: либо врачи просто ошиблись при установке диагноза, «обрыва» спинного мозга не было, и тогда восстановление двигательных функций мышц при длительной тренировке возможно, либо это чисто журналистский прием, рассчитанный на людей несведущих.

Такая «героическая» версия человеческой драмы не может вызвать доверия у тех, кто знает, что такое на деле глубокое повреждение спинного мозга, серьезная травма позвоночника, и прекрасно понимает, что никакими тренировками, хоть умри, не поставишь себя на ноги, ибо это попросту невозможно. Достаточно вспомнить грустную историю известной спортсменки Елены Мухиной, получившей на тренировке тяжелую травму позвоночника. Первое время журналисты, поднаторевшие на подобного рода сюжетах, уверяли, что Лена выздоравливает, вот она уже сидит, вот тренирует руки и т.п. Но постепенно информации исчезли с телеэкрана и газетных страниц. Нам-то, инвалидам, с самого начала было ясно: судьба замечательной спортсменки, которая стала шейницей, predetermined, несмотря на усиленное внимание врачей.

Есть ещё одна книга, и появляются газетные публикации московского доктора [Красова](#), который тоже уверяет читателей, что сам, исключительно благодаря собственной воле поднял себя на ноги вопреки приговору врачей-профессионалов. С ним разговаривала как-то по телефону моя знакомая. Доктор Красов настаивал на том, чтобы она бросила все — и работу, и дела домашние, — и занималась с утра до вечера исключительно собой, только усиленными тренировками, по многу раз в день, тогда и она начнет ходить. Девушка больна с детства, знает особенности своего заболевания, и не помогли бы ей все эти тренировки, даже если бы она последовала советам доктора Красова. И сам он, сознательно или нет, тоже заблуждается — просто диагноз врачей изначально был ошибочен, в спинном мозге сохранилась частичная проводимость, и потому его усилия, несомненно достойные уважения, увенчались успехом.

Говорить обо всем этом приходится потому, что наша пресса зачастую дезинформирует читателей-инвалидов, эффект от подобных публикаций бывает совсем не тот, на какой они рассчитаны. Для молодых инвалидов они могут обернуться серьезной психологической травмой. Но если здоровому ребенку сказки нужны и полезны, то больному сказка о чудесном исцелении скорее вредна. Тем более что, как правило, больные дети взрослеют быстрее, и первая же «сшибка» с суровой реальностью может обернуться драмой. Такому ребенку гораздо полезнее начинать как можно раньше адаптироваться в окружающей жизни, искать для себя занятие, посильную работу. Не нужна «ложь во спасение», слишком серьезно все это для тяжелобольного человека. Я сужу по личному опыту, вспоминая ту психологическую травму, которую нанес мне один нейрохирург тогда, в мои двадцать лет, когда еще вопреки всему верилось в чудо. Найденный по знакомству врач, осмотрев меня и выслушав, заверил, что диагноз мне когда-то поставили ошибочный, что на самом деле у меня произошло «выпадение диска» между позвонками и что нейрохирургическая операция меня излечит. Боже мой, что со мной было! В то время я еще не знала подробностей той

злосчастной операции, которая поломала мою жизнь, а тут вдруг после пожизненного приговора — надежда на выздоровление! Ослепление длилось недолго: после нескольких звонков в клинику, где работал этот доктор, по интонации, по тому, что он явно избегал разговора со мной, я поняла, что он наговорил мне такого, чего говорить не стоило не только из соображений врачебной этики, но и из соображений чисто человеческих. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»

Помню, какой резонанс вызвало бестактное высказывание известного офтальмолога об инвалидах по зрению: многие незрячие люди, сказал он, отказываются от хирургического вмешательства зачастую потому... что боятся потерять свои привилегии. Жестоко «отозвалось» его слово и ранило всех незрячих инвалидов, ибо, чтобы сметь так говорить, надо побывать в шкуре человека, который живет в вечной темноте и тросточкой ощупывает дорогу. И не приведи, Господи, побывать!

Вот журналистка известной молодежной газеты написала очерк о девушке-инвалиде, которая живет совсем одна на первом этаже и мечтает сделать съезд на улицу прямо со своего балкона, но соседи возражают, им не хочется лишаться красивого газона под окнами. Эта журналистка тоже не подумала о своих словах, о том, что девушке этой и дальше жить с теми людьми, которые, прочтя публикацию, вряд ли ей обрадуются. Так оно и случилось потом, и были неприятные объяснения, извинения, упреки. Лучше бы журналистка, искренне желая помочь, по-хорошему поговорила с соседями. Эх, недаром многие инвалиды опасаются журналистов. Опасаются, однако идут на контакты с ними — с отчаяния либо ради общего нашего блага, с надеждой, что благодаря этим публикациям в сознании общества отпечатается, отложится: они, инвалиды, существуют, им нужна помощь. По принципу «капля камень точит».

Какими же хочется видеть публикации об инвалидах? Позволю себе сравнение из истории. Считается, что для создания объективной исторической картины общества или страны требуется соблюдать три основных условия: во-первых, говорить правду, во-вторых, говорить только правду и, в-третьих, говорить правду и только правду. В наше «гласное» время, слава Богу, уже можно говорить правду. Следующие этапы, надо надеяться, впереди.

Не думается, публикации и киноматериалы об инвалидах должны быть пока строго информативными, без ненужного надрыва и бесцельного кликушества. Не надо надевать на инвалида терновый венец мученика — в инвалидности, как и в бедности, нет и не должно быть пафоса.

Необходимо постепенно внедрять в сознание общества мысль о том, что проблемы инвалидов требуют нормального к себе отношения, что задачи социальной реабилитации должны становиться на экономические рельсы, чтобы достоинство больного человека не ущемлялось. И пусть пока люди просто привыкают к тому, что рядом с ними живут, работают, страдают и надеются на лучшее их больные сограждане, лишённые многих «привилегий» здоровых.

Существует такое понятие — критическая масса. Отдельные «островки» — сюжеты об инвалидах — о целом явлении свидетельствовать не могут, только наличие определенной «критической массы» подобных материалов позволит говорить о существовании этого явления. Честные публицистические выступления в печати, на радио и телевидении — это тот необходимый минимум, который тихо и неуклонно движет дело: от эффективных или сенсационных сюжетов — к

серьезному и конструктивному разговору о насущных проблемах, о путях их решения в настоящем и будущем.

Ну и, конечно же, нужно больше специальных органов печати для инвалидов, где проблемы наши будут освещаться с самых разных сторон. Психологи утверждают, что самым разрушительным фактором для здоровья человека являются не трудности жизни, а неопределенность положения. Инвалид, лишенный информации, безоружен, он с трудом ориентируется в окружающей обстановке. Слава Богу, такие газеты, журналы, бюллетени уже появляются.

Такие существующие ныне органы печати, как газета «Русский инвалид» и журнал «Преодоление», призваны стать нашей собственной «четвертой властью», чтобы давать сведения о правах и льготах, публиковать советы юристов, медиков и социологов, чтобы каждый, кому надо жить в predetermined судьбой, обстоятельствах, мог найти свою нишу, свое место в жизни, исходя из своих стремлений и возможностей.

Пора уже понять, что нельзя писать об инвалидах наскоком, писать поверхностно, срезая острые углы. Инвалидная тематика для журналистов — это своего рода «черная дыра», в которую надо влезть, наглотавшись горечи и страданий, чтобы, как говорится, извлечь жемчужное зерно истины.

Придет, надо думать, время, когда с газетных и журнальных страниц уйдут пустые и прекрасодушные статьи, и каждый номер такого издания будет готовиться с мыслью о том, как отзовется сказанное слово в душе людей, которые живут без иллюзий, но — с надеждой.

Один хороший человек на вопрос, что дает ему силы жить, ответил так: «А вот представьте себе, ночь. Темно. Солнца нет. Но оно есть, просто мы его пока не видим». Надо жить, помня, что солнце есть всегда, просто мы его пока не видим.

Нина Ивановна ТИТОВА

ЗАПИСКИ ИЗ «ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА»

Ответственная за выпуск Г. Дубникова Редактор А. Зебзеева Художник С. Можаева Компьютерная верстка — К. Шибанов. Тираж 10 000 экз.
РИЦ «Здравствуй». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34. АО «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Нина Ивановна Титова живет в Москве, некавалит в постель. Вся жизнь упрям и упорно занимается самосовершенствованием, обладает острой наблюдательностью и незаурядными публицистическими способностями. Работала заместителем редактора в столичные издательства.

«Записки из «параллельного мира» — ее первый роман. Предмет ее раздумий — сущности жизни и бытия людей с ограниченными физическими возможностями, отношения общества к ним, а также проблемы взаимоотношений здоровых людей и инвалидов, тех, кто от рождения или по иному главному случаю обречен на жизнь, или бы параллельную жизнь.

КНИГИ РИЦ «ЗДРАВСТВУЙ»

РЕДАКЦИОННО - ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР


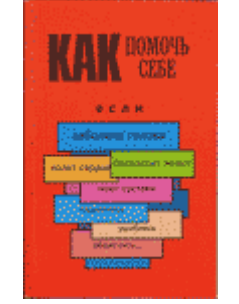
Здравствуй

общество с ограниченной ответственностью
(ООО РИЦ «ЗДРАВСТВУЙ»)

Пермской областной организации ВОИ

 <p>СДЕЛАЙ СВОЙ ДОМ УДОБНЫМ Если возраст или здоровье подводит!</p> <p>ДОН КАСТОН</p>	<p>Перевод английского автора Д. Кастона "СДЕЛАЙ СВОЙ ДОМ УДОБНЫМ, ЕСЛИ ВОЗРАСТ ИЛИ ЗДОРОВЬЕ ПОДВОДИТ" с подробным описанием, иллюстрациями и чертежами приспособлений, которые помогут: вставать с кровати; работать за столиком, приспособленным к креслу, коляске, кровати; резать овощи, намазывать маслом хлеб; работать с инструментами; иметь чудо-фартук; ухаживать за грядками; спускаться по лестнице; не испытывать неудобств в ванной, туалете и... многое другое.</p>
 <p>БОРИС ФЕРТМАН</p>	<p>Б. Фертман. "РАЗОРВАННЫЙ КРУГ". Эта книга – не бульварный или авантюрный роман. Она исповедь человека на грани между жизнью и смертью. И уникальность ее в том, что ее, как азбуку, должен, обязан прочесть каждый. Небольшая по формату, недорогая по цене, она бесценна по той силе и чувствам, которые несет в себе и придает другим. Тем более что в книге дана краткая библиотечка книг об инвалидах, а также имеются особенно важные для них рецепты</p>
 <p>ЖИТЬ, КАК ВСЕ О ПРАВАХ И ЛЬГОТАХ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ ЮРИДИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК</p>	<p>НЕ ПРОПУСТИТЕ!!! Родители, воспитывающие ребенка-инвалида! Сами пострадавшие! Знаете ли вы о своих правах, законах, защищающих ваши права, о льготах, о тех, кто помогает по долгу службы? Если нет – поспешите заказать юридический справочник о правах и льготах для инвалидов, который называется "ЖИТЬ, КАК ВСЕ". В доступной форме, подробно, ссылаясь на законы, акты, постановления, он ответит на многие ваши вопросы, подскажет и поможет отстаивать свои права.</p>
 <p>Звериный Календарь для малышей с раскрасками</p>	<p>Удивительно добрая и не совсем обычная книжка-раскраска для детей садов и младших классов "ЗВЕРИНЫЙ КАЛЕНДАРЬ". Ее персонажи – животные восточного календаря, представленные по годам. Однако все они... больны. Да-да! Неназойливо, приглашая ребенка к рисованию, слушанию стихов, давая информацию о самом восточном календаре, эти раскраски помогают воспитать доброго человека. К тому же содержат рецепты от детских недугов. Книжка станет хорошим подарком ребенку, подарком с большим смыслом.</p>
 <p>Л. Н. ИНДОЛЕВА ТЕМ, КТО В КОЛЯСКЕ И РЯДОМ С НИМИ</p>	<p>"ТЕМ, КТО В КОЛЯСКЕ И РЯДОМ С НИМИ" Л. Н. Индолева. Написанная спинальником, на основе личного опыта и многочисленных примеров из жизни других инвалидов-колясочников, она дает практические советы по уходу за телом, оборудованию жилья, выбору средств передвижения. Рассказывает о том, как использовать свои ограниченные возможности для адаптации в обществе и активного образа жизни, являясь по сути энциклопедией спинальной жизни.</p>

	<p>"БОЛЕЗНЬ И Я". ОПЫТ МЕДИЦИНСКОГО СПРАВОЧНИКА ДЛЯ ВСЕХ.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Выпуск I (Артриты и Ревматизм. Астма. Рак молочной железы. Поражения спинного мозга). • Выпуск II (Сердечно-сосудистые заболевания. Инсульты. Нефрологические. Нервно-психические болезни). • Выпуск III (Диабет. Тонзиллит и заболевания верхних дыхательных путей. Гастроэнтерологические и проктологические заболевания). <p>О болезнях, которые становятся состоянием, образом жизни, чем и как можно помочь самому себе – обо всем этом и пойдет речь в цикле книг "Болезнь и я". Авторы – высококлассные медики-профессионалы.</p>
	<p>"ЗАПИСКИ ИЗ "ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА" москвички Н. Титовой – о людях, волею судьбы родившихся или ставших инвалидами. Особенности жизни и быта людей с ограниченными физическими возможностями, отношение общества к ним, а также проблемы взаимоотношений здоровых людей и людей больных – вот что является предметом раздумий автора, человека, знающего эти проблемы изнутри, на личном опыте и на опыте своих товарищей по несчастью.</p>
	<p>Графиня де Сегюр. "БЕСЕНОК, или СЛАВНЫЙ МАЛЫЙ" – повесть для детей младшего школьного возраста (пер. с фр.). Можно ли научиться таким непростым вещам, как терпение и сострадание? Как сохранить любовь, когда рядом жестокость и лицемерие?.. На эти и многие другие нравственные вопросы пытается ответить история жизни и любви милой слепой девочки и озорного мальчишки-сироты.</p>
	<p>Растерянность родителей перед долгой, мучительной болезнью своего ребенка понятна. Вот почему предпринято издание серии "В СЕМЬЕ БОЛЬНОЙ РЕБЕНОК". I и II тома посвящены проблемам лечения детей-хроников, детей-инвалидов. Высококласные врачи-специалисты рассказывают о причинах, проявлении и лечении аллергических заболеваний и бронхиальной астмы, диабета и гастроэнтерологических болезней у детей. Предваряет эти книги конкретный и деловой разговор-настрой психолога.</p>
	<p>"В СЕМЬЕ БОЛЬНОЙ РЕБЕНОК". Выпуск IV – ДЕТСКИЙ ЦЕРЕБРАЛЬНЫЙ ПАРАЛИЧ.</p>

	<p>«СПРАВОЧНИК ИНВАЛИДА» построен по основным статьям Закона "О социальной защите инвалидов в РФ".</p>
	<p>«КАК ПОМОЧЬ СЕБЕ, ЕСЛИ» – о предупреждении осложнений, первой самопомощи и расшифровке анализов.</p>

на 1 января 2006 года

Название	Кол-во в пачке	Розничная цена изд-ва с налогом	Оптовая цена изд-ва с налогом	Цена с пересылкой единичная	Цена с пересылкой оптовая *
“Бесенок, или Славный малый”	24	10-00	10-00	44-00	31-00
“Болезнь и Я” т. I	12	27-00	20-00	67-00	60-00
“Болезнь и Я” т. II	12	32-00	27-00	76-00	68-00
“Болезнь и Я” т. III	14	30-00	28-00	71-00	62-00
“В семье больной ребенок” т. II	30	18-00	15-00	48-00	35-00
“В семье больной ребенок” т. IV	20	27-00	27-00	67-00	54-00
“Записки из параллельного мира”	24	13-00	12-00	43-00	29-00
"Звериный календарь"	50	1-00	1-00	16-00	8-00
"Разорванный круг"	24	6-00	6-00	32-00	21-00
"Сделай свой дом удобным”	40	8-00	8-00	36-00	24-00
Справочник инвалида Пермск. обл.	24	10-00	10-00	44-00	29-00
"Тем, кто в коляске"	18	10-00	10-00	44-00	29-00
Юридический справочник	24	6-00	6-00	32-00	20-00
«Как помочь себе, если...»	22	35-00	35-00	75-00	69-00

* Оптовым считается закуп более 10 экз. заказываемых книг.

ЗАКАЗАТЬ И КУПИТЬ ЭТИ КНИГИ ВЫ МОЖЕТЕ
В РИЦ "ЗДРАВСТВУЙ"

Наши реквизиты: 614990, г. Пермь, ул. Дружбы, 34, тел./факс 248-58-24,
e-mail: hello@Permonline.ru.

Получатель: ООО "РИЦ "Здравствуй" в Мотов. отделении № 1793
Западно-Уральского банка Сбербанка РФ г. Перми,
р/с 40702810349500110912, к/с 30101810900000000603,
БИК 045773603, ИНН 5906041439, КПП 590601001
КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПОСТУПЛЕНИИ ОПЛАТЫ.

Просьба писать свой адрес разборчиво, без сокращений и точно указывать
наименование и количество заказываемых книг.

Сайт РИЦ «Здравствуй»:

